

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

Шестнадцатая конференция
по типологии и грамматике
для молодых исследователей

Тезисы докладов

Санкт-Петербург
21–23 ноября 2019 г.

Санкт-Петербург
2019

УДК 81
ББК 81.2
Ш-51

Шестнадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 21–23 ноября 2019 г.) / Ред. Е. А. Забелина. СПб.: ИЛИ РАН, 2019.

doi: 10.30842/9785604092613
ISSN 2686-9845
ISBN 978-5-6040926-1-3

9 785604 092613

© Коллектив авторов, 2019
© ИЛИ РАН, 2019
© Редакционно-издательское оформление. ИЛИ РАН, 2019

Д. А. Аракелова

РГГУ, Москва

СИСТЕМА НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ АБАЗИНСКОГО ЯЗЫКА

В работе представлены предварительные результаты исследования неопределенных местоимений абазинского языка. Абазинский (и абхазский) языки представляют интерес с этой точки зрения, поскольку в этих языках, в силу отсутствия собственно вопросительных местоимений привычного типа (см. об этом [Пазов 2016; Аркадьев 2018]), неопределенные местоимения не могут, как во многих языках мира, быть образованы непосредственно от вопросительных, и должны использоваться альтернативные стратегии выражения. Данное исследование предлагает анализ функций и морфологического устройства неопределенных местоимений и связанных с ними выражений в терминах набора функций, разработанного в [Haspelmath 1997] и дополненного универсальными кванторными словами (УКС) в [Татевосов 2002]. Мы пользуемся классификацией Хаспельмата-Татевосова, которая включает в себя следующие значения:

- Specific known (референтность, известность говорящему)
- Specific unknown (референтность, неизвестность говорящему)
- Irrealis non-specific (нереферентность в ирреальных предикациях)
- Question (нереферентность в общем вопросе)
- Conditional (нереферентность в протазисе условного предложения)
- Indirect negation (нереферентность в сфере действия косвенного отрицания)
- Comparative (нереферентность в стандарте сравнения компаративной конструкции)
- Direct negation (прямое отрицание)
- Free choice (значение произвольного выбора)

- Definite (квантификация определенных множеств)
- Generic (квантификация генерических множеств)
- Completeness (квантификация единичных сущностей)

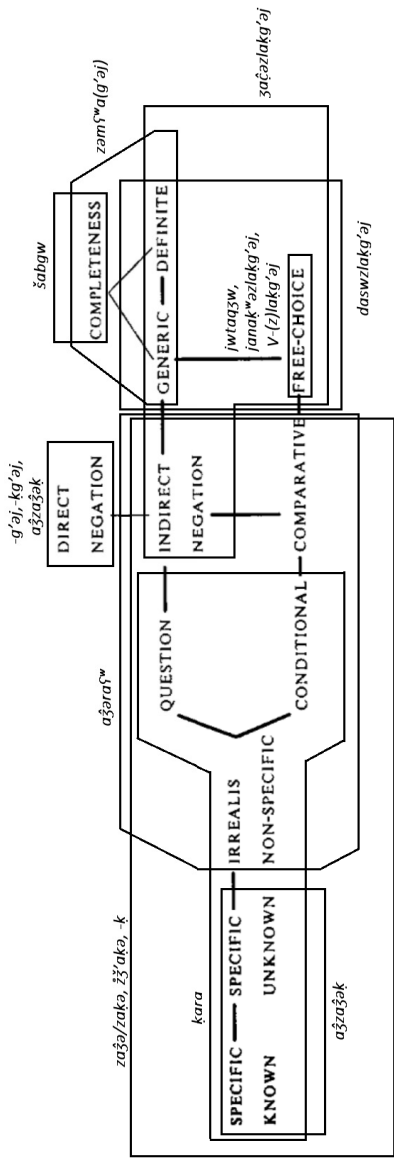
Эти контексты образуют семантическую карту. На схеме 1 представлены результаты работы — абазинские местоимения и УКС на карте.

Рассмотрим все виды устройства морфологии неопределенных местоимений, встреченные нами в исследовании:

- 1) Образование от числительного ‘один’ *zažə/zakə*, которое и само по себе может выступать в качестве неопределенного местоимения; это основной тип образования как местоимений-существительных, так и местоименных наречий; при этом различаются местоимения, использующие форму *(z)a-(ž)‘ara* ‘где-то’, *až‘araʃ^w* ‘кто-то’), местоимения, использующие форму *k* (*kara* ‘что-то’), и местоимения, в которых используются они обе (*ž‘akə* ‘кто-то’).
- 2) Формы с эмфатическим суффиксом *-g‘aj* двух типов:
 - а) образованные от других неопределенных местоимений (*zažg‘aj* ‘никто’);
 - б) образованные от существительных с неопределенным артиклем (*bagakg‘aj* ‘никакая лиса’).
- 3) Образование от релятивных глагольных форм (тип *non-specific free relative clauses* [Haspelmath 1997: 55]), причем здесь выделяется несколько подтипов:
 - а) формы с суффиксом свободного выбора *-(z)lakg‘aj*, в том числе с корнем *-aĉ-* ‘принадлежать’, использующимся в просительных квазиместоименных формах (*zaĉəzlakg‘aj* ‘любой’);
 - б) формы от корня *-taq-* ‘хотеть’ (*jwtaqz^w* ‘какой угодно’).

Заметим, что ряд значений, в языках мира выражающихся с помощью неопределенных местоимений, в абазинском языке кодируется в глагольных формах. Это неудивительно, учитывая, что абазинской грамматике свойственен глагольный полисинтез при сравнительно бедной именной морфологии.

Можно также отметить ярко выраженную мультифункциональность местоимений: *zažə* и *ž‘akə*, например, используются во всех контекстах от референтного объекта до стандарта сравнения. Между этими функциями в абазинском не наблюдается явной

дифференциации, т. е. они выражаются похожим набором элементов. Способы их выражения при этом разнообразны, каждому контексту соответствует несколько квазисинонимичных местоимений или конструкций. Обособлено от других функций прямое отрицание: неглагольные выражения с суффиксом *-g'əj* могут выступать только в этом контексте. С прямым отрицанием связана еще одна особенность, а именно употребление при нем местоимения *aʒzaʒək*, которое в других контекстах обозначает только референтные объекты. Данные об употреблении *aʒzaʒək* в отрицательных предложениях требуют перепроверки, однако, если они подтвердятся, это являет собой контрпример к обобщениям М. Хаспельмата, поскольку разные функции *aʒzaʒək* не являются на карте смежными.

Функция свободного выбора также отличается по выражению от остальных местоименных функций: во-первых, существуют неопределенные выражения, которые кодируют только ее (это глагольные формы с показателями релятивизации), а во-вторых, по способам выражения эта функция ближе к УКС, чем к другим неопределенным местоимениям.

Материал для исследования был собран методом элицитации в ауле Инжич-Чукун Абазинского района Республики Карачаево-Черкессия в апреле 2019 г.

Литература

- Аркадьев 2018 — П. М. Аркадьев. Частные вопросы без вопросительных слов: интеррогативные глагольные формы в абазинском языке // Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции 2017. М.: Буки Веди, 2018. С. 9–15.
- Пазов 2016 — С. У. Пазов. Вопросительные глагольные формы в структуре вопросительного предложения в абазинском языке // Адыгэ-филологийер. НепэрэЮфыгьохэр. Бзэр. Тарихьыр. Литературэр. Фольклорьр. Дюзджэ университет дунэе симпозиум адыгэфилологийер 13–15 жьоныгьуакI 2016. Дюзджэ, 2016. С. 129–137.
- Татевосов 2002 — С. Г. Татевосов. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. Indefinite Pronouns. Oxford: Oxford University Press, 1997.

Т. А. Архангельский

Гамбургский университет — Гамбург

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ГЛАГОЛЫ СЛОЖНО ЗАИМСТВОВАТЬ?

Утверждение о том, что глаголы в принципе сложнее заимствовать, чем существительные, встречается в литературе уже в XIX в. [Whitney 1881: 19], причем уже тогда оно преподносилось как общеизвестный факт. В качестве теоретического объяснения этого феномена предлагалась необходимость грамматической адаптации глагольного материала (например, с помощью суффиксов-вербализаторов), которой существительному не требовалось [Mogavcsik 1975]; исследования на более широкой типологической выборке, однако, показали, что такая адаптация нужна далеко не всегда [Wohlgemuth 2009]. Первым и, по-видимому, единственным эмпирическим подтверждением этой гипотезы стало исследование [Tadmor et al. 2010] на материале базы данных World Loanword Database (WOLD) [Haspelmath, Tadmor 2009]. Основываясь на выборке из 41 языка и 1460 значений, авторы показывают, что, в то время как доля доказуемых заимствований среди существительных выборки примерно равна 1/3, среди глаголов она не превышает 1/6. На основе этих синхронных данных делается вывод о верности гипотезы.

На самом деле, это рассуждение содержит логическую ошибку. Если бы глагольный лексикон в принципе обновлялся медленнее, чем именной, то через несколько веков языкового контакта синхронное распределение заимствований выглядело бы примерно так же даже при отсутствии каких-либо грамматических препятствий к заимствованию глаголов. В докладе я покажу, что, судя по всему, дело обстоит именно так.

На материале основного корпуса НКРЯ (283 млн словоупотреблений), включающем тексты трех последних веков, я покажу, что глаголы в русском языке значительно устойчивее существи-

тельных. Диахроническая устойчивость определялась как вероятность того, что глагол, имевший в некоторый момент времени частотный ранг (т. е. номер в отсортированном по убыванию частоты списке) не выше g , будет отсутствовать в корпусе через t лет. Для всех рассмотренных t (от 10 до 150 лет) и практически для всех g (от 1 до 30 000) вероятность исчезнуть из корпуса была значительно выше для существительных, чем для глаголов. Например, за 150 лет исчезает около 9% существительных, входящих в первые 10 000 по частотности, тогда как для аналогичного списка глаголов этот показатель составляет всего 2%.

На основе анализа данных НКРЯ я выдвигаю гипотезу о том, что глаголы в языках мира в принципе исчезают или заменяются медленнее, чем существительные. Хотя выборки из одного языка для подтверждения этой гипотезы явно недостаточно, а проверить ее на репрезентативной типологической выборке не представляется возможным в силу отсутствия подходящих данных, я приведу косвенные доказательства ее состоятельности. Как я покажу, эта гипотеза делает нетривиальное предсказание. Согласно этому предсказанию, синхронная доля слов, заимствованных в ходе контактной ситуации, завершившейся несколько веков назад, и не исчезнувших с тех пор, наоборот, с довольно большой вероятностью будет выше среди глаголов, а не среди существительных. Тестирование на типологических данных WOLD показывает, что это предсказание сбывается: из 22 завершившихся как минимум век назад контактных ситуаций в 10 случаях процент оставшихся с тех пор заимствований среди глаголов превышает их процент среди существительных; среднее отношение доли именных заимствований к доле глагольных в этом списке составляет всего 1,1.

Подсчет заимствований только среди новых глаголов и существительных, отдельно для каждого десятилетия между 1750 и 2010 гг., показывает, что, тем не менее, заимствовать глагол в русском языке все-таки сложнее, чем существительное. Последние полтора века доля заимствований среди новых лексем в русском языке примерно вдвое выше для существительных, чем для глаголов. Однако эта разница не так велика, как можно было бы предположить, изучая исключительно синхронные данные, из-за эффекта большей диахронической устойчивости глаголов.

Источники

Национальный корпус русского языка. (www.ruscorpora.ru)

Литература

- Haspelmath, Tadmor 2009 — M. Haspelmath, U. Tadmor (eds.). *Loanwords in the World's Languages. A Comparative Handbook*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2009.
- Moravcsik 1975 — E. Moravcsik. *Verb borrowing // Wiener Linguistische Gazette* 8, 1975. P. 3–30.
- Tadmor et al. 2010 — U. Tadmor, M. Haspelmath and B. Taylor. *Borrowability and the notion of basic vocabulary // Diachronica* 27 (2), 2010. P. 226–246.
- Whitney 1881 — W. D. Whitney. *On mixture in language // Transactions of the American Philological Association (1869–1896)*, Vol. 12. The Johns Hopkins University Press, 1881. P. 5–26.
- Wohlgemuth 2009 — J. Wohlgemuth. *A Typology of Verbal Borrowings [Trends in Linguistics. Studies and Monographs 211]*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2009.

Д. Д. Белова

МГУ, Москва

МЕДИОПАССИВНЫЙ СУФФИКС *-ALT* В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: СТРУКТУРНО-СОБЫТИЙНЫЙ АНАЛИЗ¹

В докладе будет рассмотрен горномарийский суффикс *-alt/-ält/-âlt/-ält* (далее обозначается как *-alt*)². Его центральными и продуктивными употреблениями являются декаузативное, пассивное, модальное (потенциальный и безличный модальный пассивы). От ограниченного круга глаголов он образует рефлексивные и реципрокальные дериваты (см. также [Саваткова 2002: 181–182; Галкин 1958: 12–22]). Кроме того, *-alt* может присоединяться к некоторым непереходным основам (в том числе производным) без изменения их актантной структуры (*zero-meaning derivation* в терминологии [Salo 2015]).

Некоторые свойства данного суффикса описаны в [Salo 2015; Белова 2018, 2019; Жорник 2017], однако он ранее не рассматривался с точки зрения его структурной позиции в глагольной словоформе. В докладе мы рассмотрим горномарийские данные в рамках теории структуры события, предложенной в [Ramchand 2008].

Согласно теории структуры события, залогово-деривационные суффиксы могут располагаться в вершине *init'* (= *v'*, см. например, [Лютикова и др. 2006] о карачаево-балкарском языке). По нашему предположению, суффикс *-alt* может занимать не только *init'*, но и некоторую вершину выше в структуре в зависимости от своего значения. Мы обсудим, в частности, следующие факты.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-012-00627а.

² Материал собран методом анкетирования носителей в Горномарийском районе республики Марий Эл (с. Кузнецово и окрестности) в 2018–2019 гг.

Во-первых, при декаузативе и пассиве наблюдается различный порядок деривации относительно суффиксов глагольной множественности. Согласно [Дьячков 2018a], ряд суффиксов множественности занимает позицию выше *initP*. *-alt* может находиться и справа, и слева относительно некоторых из них (итератив *-əl*, дисконтинуатив *-əkal*). Порядок *alt-S*, где *S* — суффикс глагольной множественности, имеет декаузативную интерпретацию, а *S-alt* — пассивную (меньшая допустимость примера (1b) вызвана тем, что пассивно-декаузативная полисемия допускается не во всех идиолектах; подробнее эта проблема будет рассмотрена в докладе):

(1) a. *lampočka jört-ält-əl-ən*

лампочка гасить-MED-ITER-PRET

‘Лампочка то включалась, то выключалась {сама выключается}’.

b. [?]*lampočka jört-əl-ält-ən*

лампочка гасить-ITER-MED-PRET

‘Лампочка то включалась, то выключалась {кто-то ее включал-выключал}’.

Во-вторых, *-alt* может присоединяться поверх другого, менее продуктивного медиального суффикса *-g* (2). Данный суффикс преимущественно образует глаголы-инхоативы от имен (в меньшей степени от глаголов) и, согласно [Дьячков 2018b], располагается в вершине *init'*:

(2) *karandaš kəzə don kašar-g-a* /

карандаш нож с острый-MED-NPST.3SG

kašar-g-alt-eš

острый-MED-MED-NPST.3SG

‘Карандаш точится ножом’.

Не все глаголы с суффиксом *-g* допускают присоединение *-alt* одинаково хорошо, однако в нашей выборке (16 основ) нет ни одного, для которого это сочетание признали бы неграмматичным все информанты. Глаголы с сочетанием суффиксов *-g-alt* по актантной структуре не отличаются от глаголов с одним суффиксом *-g*. Вместе с этим мы обнаружили между ними аспектуаль-

ные различия: глаголы с *-g-alt*, но не с *-g*, могут иметь прогрессивную (3) и итеративную (4) интерпретации. Помимо этого, они более свободно получают модально-генерическую интерпретацию (5).

- (3) *amasa* [*pitər-g-ält-äš* / ^{??}*pitər-g-äš*]
дверь закрывать-MED-MED-INF закрывать-MED-INF
təngäl-ən
начинать-PRET
'Дверь начала закрываться'.
- (4) a. *vas'a šušər-g-a*
Вася ранить-MED-NPST.3SG
'Вася ранится {один раз}'.
- b. *vas'a šušər-g-alt-eš*
Вася ранить-MED-MED-NPST.3SG
'Вася ранится {много раз}'.
- (5) *banka* (*kərtni-n leväš don*)
банка железо-ATTR крышка с
[*pitər-g-ält-eš* / [?]*pitər-g-ä*]
закрывать-MED-MED-NPST.3SG закрывать-MED-NPST.3SG
'Банка закрывается (жестяной крышкой) {а другая банка –
капроновой}'.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; ATTR — атрибутивизатор; INF — инфинитив; ITER — итератив; MED — медий; NPST — непрошедшее время; PRET — претерит; SG — единственное число.

Литература

Белова 2018 — Д. Д. Белова. Медиально-пассивный показатель *-alt* в горномарийском языке // Д. Ф. Мищенко (отв. ред.). Пятнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 22–24 ноября 2018 г.). СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 19–23.

- Белова 2019 — Д. Д. Белова. О некоторых свойствах актантной структуры глагольных дериватов на *-alt/-əlt* в горномарийском языке. Доклад, прочитанный на 3-й студенческой конференции филологов и лингвистов. Санкт-Петербург, 26–27 апреля 2019 г.
- Галкин 1958 — И. С. Галкин. Залог в марийском языке. Йошкар-Ола, 1958.
- Дьячков 2018a — В. В. Дьячков. Множественность показателей множественности в горномарийском языке: порядок аффиксов и данные родственных языков. Доклад, прочитанный на конференции «Типология морфосинтаксических параметров». Москва, 22–24 ноября 2018 г.
- Дьячков 2018b — В. В. Дьячков. Типология деадъективных глаголов: дисс. ... канд. филол. наук. ИЯз РАН, М., 2018.
- Жорник 2017 — Д. О. Жорник. Пассивно-декаузативная полисемия в горномарийском языке (на материале говора с. Микряково). Доклад, прочитанный на Чтениях памяти А. И. Кузнецовой, 4 марта 2017 г. МГУ им. Ломоносова, М., 2017.
- Лютикова и др. 2006 — Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов, М. Ю. Иванов, А. Г. Пазельская и др. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006.
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка [Bibliotheca Ceremissica 5]. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.
- Ramchand 2008 — G. Ramchand. Verb Meaning and the Lexicon: A First Phase Syntax. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Salo 2015 — M. Salo. Passive and Reflexive Categories in Languages of the Volga Region. An Areal Typological Study. PhD Thesis. University of Helsinki, Helsinki, 2015.

А. О. Бузанов

НИУ ВШЭ, Москва

РЕФЛЕКСИВНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ И ПОСЕССИВНО-РЕФЛЕКСИВНЫЕ АФФИКСЫ В БЫСТРИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА

В докладе речь пойдет об эвенских возвратных местоимениях *meni* и *terbur* и посессивно-рефлексивных аффиксах *i*, *i*, *mi* и др., их особенностях (типологически как частотных, так и редких), а также будет рассмотрен вопрос об их отношении к анафорам. Все используемые в докладе данные были получены в ходе экспедиции НИУ ВШЭ в села Эссо и Анавгай Быстринского района Камчатского края в июне-июле 2019 года.

В [König, Siemund 2000] утверждается, что рефлексивы — это выражения, которые обычно используются, чтобы показать, что не А-участник переходного предиката кореферентен А-участнику или связан с ним; например: русское *себя*, английское *x-self*, эвенское *meni*:

- (1) *bi ič-č'i-wu men-i zerkale-le*
я видеть-PST-1SG себя-REFL.SG зеркало-LOC
'Я увидел себя в зеркале'.

То же касается и эвенских посессивных суффиксов со значением 'свой', например *i*:

- (2) *nal-i dur-ri-wu*
рука-REFL.SG обжигать-PST-1SG
'Я обжег [свою] руку'.

Что касается посессивных маркеров, то упоминаемых в [Цинциус 1947] «безличных притяжательных суффиксов» оказалось недостаточно, в ходе экспедиции были выявлены два не описанных ранее алломорфа *i* и *ε*. Первый возникает на месте ожидаемого варианта *i* после некоторых согласных, *ε* же вообще может

заменять любой из других вариантов (возможно, это совсем другой показатель, потому что в некоторых случаях он немного модифицирует значение слова).

Изучая синтаксис рефлексивов, стоит отметить, что в рамках классической теории связывания (далее КТС), описанной в [Chomsky 1981], выделяются три принципа:

1. Прономинал должен быть свободен в своем локальном домене.
2. Анафор должен быть связан в своем локальном домене.
3. Референциальное выражение должно быть свободно.

Не во всех языках возвратные местоимения/аффиксы связываются, в некоторых идиомах в основе подобных выражений лежит кореферентность. Потенциально в эвенском существуют все три типа выражений, упоминаемых в КТС:

(3) а. Прономиналы

etiken noŋa-n-dun olla-w ga-di-n
 старик он-SG-DAT рыба-ACC брать-PST-3SG
 ‘Старик_i ему_{j/*i} рыбу взял’.

б. Анафоры?

etiken mendi olla-w ga-di-n
 старик себя.DAT рыба-ACC брать-PST-3SG
 ‘Старик взял рыбу себе’.

с. Референциальные выражения

**etiken etikendi olla-w ga-di-n*
 старик старик.DAT рыба-ACC брать-PST-3SG
 ‘Старик_i взял рыбу старику_i’.

Пример (3б) не позволяет сделать вывод о (не)синтаксической природе эвенских рефлексивов, в отличие от примеров (4а–б):

(4) а. *ŋi=de ε-š-ni men-i nei-r*
 кто=ADD NEG.PRED-NFUT-3SG себя-REFL.SG ругать-NEG.CVB
 ‘Никто себя не ругает’.

б. *bejten men-i aĵaw-ra-n*
 каждый себя-REFL.SG любить-NFUT-3SG
 ‘Каждый человек себя любит’.

Грамматичность этих предложений доказывает, что в основе эвенских рефлексивов лежит связывание, а не кореферентность: пример (4а) вообще не имеет референта в реальном мире, а в примере (4б) потенциальных референтов слишком много.

Как и в русском языке, в эвенском возможны как минимум два прочтения (*strict* и *sloppy*) предложения (5):

- (5) *polina jin-i ulit-ti-n, rita=da*
Полина пес-REFL.SG кормить-PST-3SG Рита=ADD
ulit-ti-n
кормить-PST-3SG
STRICT: 'Полина своего пса покормила, и Рита тоже покормила {пса Риты}'.
SLOPPY: 'Полина своего пса покормила, и Рита тоже покормила {пса Полины}'.

Также нетипичными для канонического рефлексива являются реципрокальные прочтения, хотя, как утверждается в [Reinhart, Siloni 2005], рефлексивная морфология типологически часто участвует в выражении этого значения. Эвенские рефлексивы допускают не только реципрокальные прочтения, но и референцию к группе людей, одним из представителей которой является А-участник предиката:

- (6) *noŋa-r-tan eške-ri-ten merur*
он-PL-3PL.POSS хвалить-NFUT-3PL себя.PL.ACC
'Они хвалят друг друга/себя'.
- (7) *noŋa-n merdur ga-di-n*
он-3SG.POSS себе.PL.DAT братъ-PST-3SG
'Он себе [= он + другие] взял'.

Таким образом, эвенские рефлексивы являются анафорами, но в некоторых случаях (не всегда периферийных) ведут себя не так, как мы ожидали бы: проявляют реципрокальность, имеют антецедента вне клаузы и т.д.

Кроме того, в докладе будет обсуждаться выявленная конкуренция между использованием возвратных и личных местоимений/показателей, случаи неиспользования рефлексива в возврат-

ном контексте, а также не всегда очевидные и тривиальные причины необычного поведения рефлексивов и разного рода дистрибуции.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; PST — прошедшее время; NFUT — небудущее время; SG — единственное число; PL — множественное число; ADD — аддитив; REFL — рефлексив; NEG.PRED — предикативное отрицание; NEG.CVB — отрицательный конверб; DAT — датив; ACC — аккузатив; LOC — локатив.

Литература

- König, Siemund 2000 — E. König, P. Siemund. Intensifiers and reflexives: a typological perspective // Z. Frajzyngier, T. S. Curl (eds.). *Reflexives: Forms and Functions*. Amsterdam: John Benjamins, 2000. P. 41–74.
- Цинциус 1947 — В. И. Цинциус. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л.: Учпедгиз, 1947.
- Chomsky 1981 — N. Chomsky. *Lectures on Government and Binding*. Dordrecht: Foris, 1981.
- Reinhart, Siloni 2005 — T. Reinhart, T. Siloni. The Lexicon-Syntax Parameter: Reflexivization and Other Arity Operations. *Linguistic Inquiry* 36, 2005. P. 389–436.

О. С. Волков

НИУ ВШЭ, Москва

ИНХОАТИВ, ПЕРФЕКТ И ЯМИТИВ: О СЕМАНТИКЕ ФАЗОВОЙ ПОЛЯРНОСТИ

В докладе анализируются показатели, имеющие до этого в лингвистической литературе различные трактовки: в разных работах они трактуются как показатели инхоатива, перфекта и ямитива. Эти показатели объединены важным свойством: это частицы, в первую очередь встречающиеся в аналитических языках. Примером такого показателя может служить частица *koo* из языка тувалу; в [Besnier 2000: 480] она глоссируется как «инхоатив», при этом сообщается, что одна из основных ее функций — «обозначать, что ситуация, описываемая предложением, началась в прошлом (отдаленном или недавнем) и все еще релевантна к настоящему или к точке отсчета»; то есть в целом ее семантика подпадает под определение перфекта, скажем, из [Плунгян 2011].

(1) *koo uke ttou ika*

INC много наш-3-I рыба

‘У нас [теперь] много рыбы [а раньше не было]’. [Besnier 2000: 480 (2472)]

Схожие показатели описываются как показатели инхоатива-перфекта в различных грамматиках языков австронезийской семьи (см., например, грамматику языка токелау [Hooper 1996: 18], грамматику языка маори [Bauer 1993: 432], грамматику языка самоа [Mosel, Hovdhaugen 1992: 350–353]).

В [van Vaar 1997] в целом те же самые показатели трактуются как «инхоатив» фазовой полярности. В [Olsson 2013] выдвигается предложение называть такие показатели «ямитивом» — перфектом, образованным от частицы с семантикой ‘уже’.

В докладе выдвигается предположение, что семантическая связь инхоатива и перфекта для данных показателей заключается

в семантике поляризации — в контрасте между отсутствием ситуации в некоторой точке до начала ассерции и наличием ситуации в ассерции для инхоатива и между отсутствием и наличием текущей релевантности ситуации для перфекта.

Предполагается, что показатели типа *коо* неслучайно являются в основном частицами; кажется, что из их линейно-синтагматического статуса в первую очередь и развивается их специализированная семантика. Сочетаясь с глаголами различных акциональных классов, частицы принимают различные интерпретации. Так, при сочетании с процессами может актуализироваться инхоативная семантика; вклад частицы в таком случае будет в том, что в семантику добавится пресуппозиция о несуществовании ситуации в какой-то предыдущий момент. При сочетании с моментальными событиями может актуализироваться перфектная семантика.

Представляется, что термин «ямитив» в некотором смысле является избыточным; он обозначает слабограмматикализованную частицу с полярным контрастом, которая при сочетании с различными предикатами принимает различные интерпретации. Таким образом, суть «ямитива» не в особой семантике или особом источнике грамматикализации, а в линейно-синтагматическом статусе.

Доклад в основном выполнен на материале русского языка: анализируется семантика частицы *уже*. В отличие от [Богуславский 1996] и многочисленных последующих работ, в докладе не выделяется множество микроразличий для данной частицы; напротив, производится попытка найти инвариант ее семантики, покрывающий большинство контекстов. Предполагается, что семантика *уже* связана в первую очередь не с нарушенным ожиданием, как это постулируется в [Богуславский 1996], а с поляризацией и контрастом, из которого нарушенное ожидание выводится как импликатура. Кажется, что, будь русский язык аналитическим, при глоссировании вполне можно было бы нотировать частицу *уже* ярлыком INC, PERF или IAM.

Подводя итоги: в докладе, во-первых, ставится под сомнение релевантность «ямитива» как отдельной категории, во-вторых, приводится инвариант семантики для русской частицы *уже* (и аналогичных частиц в других языках).

Список условных сокращений

INC — инхоатив; I — инклюзивность; 3 — множественное число.

Литература

- Богуславский 1996 — И. М. Богуславский. Сфера действия лексических единиц. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- van Baar 1997 — Т. М. van Baar. Phasal Polarity. Amsterdam: IFOTT, 1997.
- Bauer 1993 — W. Bauer. Maori. London — New York: Routledge, 1993.
- Besnier 2000 — N. Besnier. Tuvaluan. London — New York: Routledge, 2000.
- Hooper 1996 — R. Hooper. Tokelauan. Lincom Europa, 1996.
- Mosel, Hovdhaugen 1992 — U. Mosel, E. Hovdhaugen. Samoan Reference Grammar. Oslo: Scandinavian University Press, 1992.
- Olsson 2013 — B. Olsson. Iamitives: Perfects in Southeast Asia and Beyond. MA Thesis. University of Stockholm, Stockholm, 2013.

В. А. Ганеева

НИУ ВШЭ, Москва

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КОПРЕДИКАТИВНЫХ КОМИТАТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Данное исследование посвящено комитативным конструкциям в хантыйском языке (> обско-угорский > финно-угорский). Вслед за А. В. Архиповым [Архипов 2009] под комитативными мы понимаем конструкции с множественным участником, выраженным в пределах одной клаузы. Нас будут интересовать асимметричные конструкции, выражаемые с помощью послелогов. Основным средством, упоминающимся в этой связи в работах по хантыйскому языку, является послелог *pila* [Каксин 2010]. Но, как показывает наше исследование, в хантыйском обнаруживаются и другие послелогии, которые могут употребляться в комитативной функции. Во-первых, один из таких послелогов, *telən*, представлен в хантыйско-русском словаре [Соловар 2014]. Во-вторых, в ходе полевой работы нами был выявлен послелог *tuǰələn*. Эти два послелога употребляются в одном и том же типе конструкций, в копредикативных КК (согласно классификации в [Архипов 2009]):

- (1) а. *vas'aj-en* *šaj₁ pıt₂-əl* *tuǰ-əl-ən*
Вася-POSS.2SG чайник_{1,2}-POSS.3SG что-POSS.3SG-LOC
juǰt-əs
прийти-PST[3SG]
'Вася с чайником пришел'.
- б. *vas'aj-en* *šaj₁ pıt₂-i* *telən juǰt-əs*
Вася-POSS.2SG чайник_{1,2}-i с прийти-PST[3SG]
'Вася с чайником пришел'.

¹ Грант РФФИ 19-012-00627 «Семантика и синтаксис урало-алтайских языков в функционально-типологической и формальной перспективах».

Некоторые носители разрешают, а некоторые запрещают каждый из этих двух послелогов в одинаковых типах контекстов. В обеих конструкциях глаголы согласуются с первым участником. Но, несмотря на кажущееся сходство, это два разных показателя. Таким образом, в задачи исследования входило: определить морфосинтаксические различия в конструкциях, оформляемых этими двумя послелоговами, и найти параметры, по которым данные конструкции противопоставлены.

Можно заметить, что в (1а) *туй-эл-эн* оформлен показателем посессива, в то время как в (1б) этот показатель отсутствует. В (1а) копредикат (второй участник ситуации) также оформлен посессивом, в (1б) — малоизученным показателем *-i*. Данные различия не случайны:

(1'а) **vas'aj-en* *šaj₁ put₂-i* *туй-эл-эн* *juxt-əs*
 Вася-POSS.2SG чайник_{1,2}-i что-POSS.3SG-LOC прийти-PST[3SG]
 'Вася с чайником пришел'.

(1'б) **vas'aj-en* *šaj₁ put₂-əl* *telən* *juxt-əs*
 Вася-POSS.2SG чайник_{1,2}-POSS.3SG с прийти-PST[3SG]
 'Вася с чайником пришел'.

Таким образом, данным послелогам соответствуют две разные конструкции: (1) N1 N2-*(POSS) + *туй-*(POSS)-эн*; (2) N1 N2-*(i) + *telən*.

Для большинства носителей языка обе конструкции имеют ограничения, связанные с одушевленностью участников. По крайней мере, для части носителей языка эти две конструкции имеют семантические различия. Некоторые информанты связывают семантическую разницу с тем, ожидает ли говорящий, что N2 ассоциирован с N1 по участию в одной и той же ситуации (эта связь может задаваться в левом контексте или выводиться из знаний о мире), или что N2 и N1 связаны отношением посессивности.

(2) а. *атр-əl* *juxt-əl* *туй-эл-эн*
 собака-POSS.3SG палка-POSS.3SG что-POSS.3SG-LOC
juxt-əs
 прийти-PST[3SG]
 {На прогулке Вася играет с собакой, кидая ей палки. Собака в очередной раз принесла палку.} 'Собака с палкой пришла'.

б. *атр-əл* *šaj₁ pnt₂-i telən juχt-əs*
 собака-POSS.3SG чайник_{1,2}-i с прийти-PST[3SG]
 {Собака снова бежит за палкой, но вместо нее возвращается из кустов с чайником.} ‘Собака с чайником пришла’.

(3) {Необходимо было взять с собой чашку, и в случае (3а) говорящий точно знает, что чашка Васина, а в случае (3б) — что чашка не принадлежит Васе.}

а. *vas’aj-en an-əл* *tuχ-əл-ən*
 Вася-POSS.2SG чашка-POSS.3SG что-POSS.3SG-LOC
juχt-əs
 прийти-PST[3SG]
 ‘Вася со своей чашкой пришел’.

б. *vas’aj-en an-i telən juχt-əs*
 Вася-POSS.2SG чашка-i с прийти-PST[3SG]
 ‘Вася с какой-то чашкой пришел’.

Таким образом, несмотря на то, что интерпретация семантических различий конструкции с *tuχəлən* и *telən* может варьироваться у разных носителей языка, можно высказать предположение о том, что во всех этих случаях значимым является то, насколько предмет включен в личную сферу говорящего. Тогда становится семантически объяснимым наличие посессивного показателя как элемента одной из данных конструкций.

Список условных сокращений

2, 3 — второе и третье лицо; POSS — показатель посессивности; SG — единственное число; PST — прошедшее время; i — показатель невыясненного пока свойства; N1, N2 — обозначения имен в именной группе.

Литература

Архипов 2009 — А. В. Архипов. Типология комитативных конструкций. М.: Знак, 2009.

Каксин 2010 — А. Д. Каксин. Казымский диалект хантыйского языка. 2-е изд., доп. Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет, 2010.

Соловар 2014 — В. Н. Соловар. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Ханты-Мансийск: Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, 2014.

Ф. В. Голосов

НИУ ВШЭ, Москва

**ЛЕГКИЙ ГЛАГОЛ-ДЕИНКРЕМЕНТАЛИЗАТОР:
ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ЧУВАШСКОГО ГЛАГОЛА
PRAK ‘БРОСИТЬ’¹**

В чувашском языке есть так называемые сложные глаголы — бивербальные конструкции, состоящие из деепричастия и главного глагола, в которых вершина (легкий глагол) теряет лексическое значение и выступает в качестве семантического модификатора для ситуации, обозначаемой деепричастием-лексическим глаголом:

- (1) *vaε strez-a c̣ender-ze brak-ri-ə²*
Вася стресс-ОВЈ победить-CV_SIM бросить-PST-3SG
‘Вася победил стресс’.

Семантике чувашских легких глаголов посвящено немало работ, см. прежде всего [Шлуинский 2006; Лебедев 2016] и [Голосов 2019]. В своем докладе мы расскажем о некоторых не описанных ранее семантических и селективных особенностях легкого глагола *prak* ‘бросить, уронить’, образующего сложные глаголы акционального класса пунктивов (в понимании [Татевосов 2015]):

- (2) *vaε pilëk seget-re oraba-ja joza-za*
Вася 5 час-ABL телега-ОВЈ чинить-CV_SIM
brak-ri-ə
бросить-PST-3SG
‘Вася починил телегу за 5 часов’.

¹ Данные, на которых основано исследование, были получены в ходе элицитации носителей пошкартского диалекта чувашского языка в экспедиции НИУ ВШЭ (СПб.) в село Малое Карачкино в августе 2019 года.

² Когда глагол *prak* ‘бросить’ используется как легкий, его начальный согласный обычно озвончается.

Этот глагол встречается в сочетании с некоторыми переходными процессами и некоторыми состояниями (дальнейшие обобщения будут касаться исключительно первого типа контекстов):

- (3) a. *vasə vərəm=dona vëler-ze brak-rj-ə*
 Вася длинный=нога убить-CV_SIM бросить-PST-3SG
 ‘Вася убил комара’.
- b. *vasə xojgər-za brak-rj-ə*
 Вася горевать-CV_SIM бросить-PST-3SG
 ‘Вася загоревал’.

Легкий глагол *prak* сочетается только с переходными процессами с затронутым объектом. Понятие затронутости, или *affect-edness*, то есть серьезного изменения состояния объекта в ходе процесса, широко используется в работах, посвященных аргументной структуре и лексической семантике глагола (среди многих прочих [Fillmore 1968]; [Jackendoff 1990]; [Dowty 1991]) и известно как одно из определяющих свойств переходных глаголов [Hopper, Tompson 1988; Blume 1998]. Наиболее строгое определение затронутости дано в [Beavers 2011]: затронутый объект изменяет свое состояние до такой степени, что дальнейшее его изменение невозможно, пока результат процесса не аннулируется. Так, например, легкий глагол сочетается с семантически разнородными глаголами *çëmer* ‘разбить’, *şënder* ‘победить’, *çëter* ‘потерять’, *joza* ‘починить’, *çilen* ‘разозлить’, которые имеют общее свойство — по завершении процесса объект входит в такое состояние, при котором продолжение действия в том же смысле невозможно. С глаголами, не удовлетворяющими этому условию, например, глаголами перемещения объекта типа *pudar* ‘прятать’, *il* ‘брать’ или глаголами физического воздействия без спецификации результата типа *tap* ‘пнуть’, легкий глагол *prak* уже не сочетается.

Другая интересная особенность легкого глагола *prak* проявляется в его сочетании с инкрементальными глаголами [Dowty 1991], то есть такими глаголами, у которых изменение некоторого свойства пациентивного участника происходит пропорцио-

нально действиям агентивного участника. Эта особенность заключается в том, что сложный глагол теряет инкрементальность, то есть действия агенса перестают быть пропорциональны изменению состояния пациенса:

(4) a. *vaeə pər erəl-der-tə-ë*

Вася лед таять-CAUS-PST-3SG

‘Вася растопил лед (постепенно превратил его в воду)’.

b. *vaeə pər erəl-der-ze brak-ri-ə*

Вася лед таять-CAUS-CV_SIM бросить-PST-3SG

‘Вася растопил лед (выключил холодильник, и лед постепенно растаял)’.

В сочетании с неинкрементальными глаголами никаких дополнительных семантических эффектов не происходит:

(5) *vaeə oraba-ja joza-ri-ə / joza-za*

Вася телега-ОВJ чинить-PST-3SG чинить-CV_SIM

brak-ri-ə

бросить-PST-3SG

‘Вася починил телегу’.

Таким образом, мы предполагаем, что легкий глагол *prak* ‘бросить, уронить’ образует от переходных процессов с затронутым объектом сложные глаголы, относящиеся к классу неинкрементальных достижений (nonincremental accomplishments, см. [Croft 2012]). Возможно, такое поведение легкого глагола обусловлено семантикой его лексического источника: глагол *prak* ‘бросить, уронить’ обозначает ситуацию бросания, в которой изменение состояния объекта также не развивается пропорционально действиям агенса.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; AVL — аблатив; CAUS — каузатив; CV_SIM — деепричастие одновременности; ОВJ — объектный падеж («датив-аккузатив»); PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Голосов 2019 — Ф. В. Голосов. Синтаксис и семантика легких глаголь-телесизаторов в горномарийском и чувашском языках. Выпускная квалификационная работа студента 4 курса бакалавриата, НИУ ВШЭ, 2019.
- Лебедев 2016 — Э. Е. Лебедев. Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2016.
- Татевосов 2015 — С. Г. Татевосов. Акциональность в лексике и грамматике. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Шлуинский 2006 — А. Б. Шлуинский. Акциональность и аспектуальный показатель: конструкция со вспомогательным глаголом *il-* в чувашском языке // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология 1, 2006. С. 32–47.
- Beavers 2011 — J. Beavers. On affectedness // *Natural Language & Linguistic Theory* 29(2), 2011. P. 335–370.
- Blume 1998 — K. Blume. A contrastive analysis of interaction verbs with dative complements // *Linguistics* 36, 1998. P. 253–280.
- Croft 2012 — W. Croft. *Verbs: Aspect and Causal Structure*. Oxford: OUP, 2012.
- Dowty 1991 — D. Dowty. Thematic proto-roles and argument selection // *Language* 67, 1991. P. 547–619.
- Fillmore 1968 — Ch. J. Fillmore. The case for case // E. Bach, R. T. Harms (eds.). *Universals in Linguistic Theory*. New York: Holt, 1968. P. 1–90.
- Jackendoff 1990 — R. Jackendoff. *Semantic Structures*. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
- Hopper, Thompson 1980 — P. J. Hopper, S. A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse // *Language* 56, 1980. P. 251–299.

А. А. Данилова, Е. В. Кашкин

МГУ, ИРЯ РАН, Москва

КОНВЕРБЫ С НУЛЕВЫМ ПОКАЗАТЕЛЕМ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В работе рассматривается употребление конвербов с нулевым показателем в горномарийском языке. Согласно [Саваткова 2002: 234], они образуются опущением показателя простого конверба *-ə̃n/-ə̃n* у производных глаголов на *-em, -al, -alt, -ešt, -ed, -əž* и нек. др. (в отдельных случаях производность непрозрачна синхронно, что будет освещено в докладе). В то же время такие глаголы могут сохранять ненулевой показатель конверба, и факторы, регулирующие его наличие или отсутствие, практически не изучены. В [Alhoniemi 1993: 133–136; Саваткова 2002: 234–236] этот вопрос не ставится. В [Riese et al. 2019: 267] на материале лугового марийского языка утверждается, что формы с нулевым показателем используются контактно с главным предикатом, а формы на *-ə̃n/-ə̃n* — неконтактно, но это наблюдение не вполне объясняет наши данные.

Мы обсудим выбор конверба в зависимости от типа конструкции, таксиса и информационной структуры. Материал собран в 2018–2019 гг. в с. Кузнецово и окрестных деревнях Горномарийского района Республики Марий Эл преимущественно методом анкетирования. Использовался и экспедиционный корпус текстов (63 522 словоупотребления).

Клаузы с нулевым и ненулевым конвербами представляют собой составляющие одного типа, см. возможность их сочинения (1) и ветвления (2).

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-012-00627а. Помимо полевых материалов, собранных авторами, в исследовании учтены примеры, записанные А. Н. Закировой и Д. Д. Мордашовой.

- (1) *vas'a don šajâšt-ân* / *šajâšt-∅* *dä*
 Вася с разговаривать-CVB разговаривать-CVB и
pet'a dono kâl-âm kâč-en
 Петя с связь-ACC держать-CVB
mân'ä šukâ-m päl-en-äm
 я много-ACC знать-PRET-1SG
 'Разговаривая с Васей и переписываясь (букв.: держа связь)
 с Петей, я много узнал'.
- (2) *äpšäk-peläk kornâ-štâ-š karem tä-r-eš*
 Апшак-Пеляк дорога-IN-ATTR овраг край-LAT
šagal-ân / *šagal-∅* *mân' väd-äm jü-m*
 вставить-CVB вставить-CVB я вода-ACC пить-AOR.1SG
 'Остановившись около оврага, через который идет дорога
 в (деревню) Апшак-Пеляк, я попил воды'.

Форма нулевого конверба предпочтительна в сложных глагольных комплексах с легким глаголом (3), а также в позиции сентенциального актанта, где конверб возможен при нескольких предикатах, ср. *kerdäš* 'мочь' (4).

- (3) *vas'a-n licä-žä oš-em-∅* /
 Вася-GEN лицо-POSS.3SG белый-INCH-CVB
^{??}*oš-em-ân* *ke-n*
 белый-INCH-CVB идти-PRET
 'Васино лицо побелело'.
- (4) *pi pâr-âl-∅* / ^{??}*pâr-âl-ân* *kerd-eš*
 собака кусать-SEM-CVB кусать-SEM-CVB мочь-NPST.3SG
 'Собака может укусить'.

В конструкциях с семантикой способа движения по умолчанию используется нулевой конверб, тогда как при фокусном выделении допускается и ненулевой:

- (5) *mân' anzâl-n-em* *m'il'licion'er ašked-∅* /
 я перед-IN2-POSS.1SG милиционер шагать-CVB
[#]*ašked-ân* *ke-n*
 шагать-CVB идти-PRET
 'Передо мной прошел милиционер ([#]переместился именно шагом)'.

- (6) *mən' kârgâž-(ân) agəl, a ašked-(ân) ke-n-äm*
 я бежать-CVB NEG а шагать-CVB идти-PRET-1SG
 'Я не бежал, а шел'.

При таксисном отношении одновременности допустимы, как правило, обе формы (7), тогда как при отношении последовательности во многих случаях предпочтителен ненулевой конверб (8). В докладе будет оговорена зависимость этого фактора от акционального класса глагола.

- (7) *utikä-štä kăčäj-ält-(ân) t'et'ä-vlä*
 качели-IN качать-MED-CVB ребенок-PL
kogo-n sasl-en-ät
 большой-ADV кричать-PRET-3PL
 'Качаясь на качелях, дети громко кричали'.
- (8) *utika-štä kăčäj-ält-ân / ??kăčäj-ält-∅*
 качели-IN качать-MED-CVB качать-MED-CVB
t'et'ä-vlä kârâk-âštâ mad-aš ke-vä
 ребенок-PL гора-IN играть-INF идти-AOR.3PL
 'Покачавшись на качелях, дети пошли кататься с горки'.

В докладе с помощью этих и других примеров будет проиллюстрировано, что нулевой конверб используется при более тесной связи двух предикатов (ср. сложные глагольные комплексы, управление в КСА, одновременность). Ненулевой конверб используется при ослаблении связи (ср. фокусное выделение одного из предикатов, последовательность). Мы обсудим наш материал в свете работ, затрагивающих вопрос о степени связанности клауз ([Lehmann 1988; König 1995; Aikhenvald 2009; Givón 2015: 599–636] и др.), прежде всего проанализировав набор параметров связанности, варьирующий от языка к языку и в разных типах конструкций.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADV — адвербиализатор; AOR — аорист; ATTR — атрибутивизатор; CVB — конверб; GEN — генитив; IN — инессив; IN2 — непродуктивный инессив; INCH — инхоатив; INF — инфинитив;

LAT — латив; MED — медий; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRET — претерит; SEM — семейфактив; SG — единственное число.

Литература

- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка. [Bibliotheca Ceremissica 5]. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.
- Aikhenvald 2009 — A. Aikhenvald. Semantics and grammar in clause linking // R. Dixon, A. Aikhenvald (eds.). *The Semantics of Clause Linking. A Cross-Linguistic Typology*. Oxford, NY: Oxford University Press, 2009. P. 380–402.
- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. *Grammatik des Tscheremissischen (Mari)*. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2002.
- Givón 2015 — T. Givón. *The Diachrony of Grammar*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2015.
- König 1995 — E. König. The meaning of converb constructions // M. Haspelmath, E. König (eds.). *Converbs in Cross-Linguistic Perspective*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 1995. P. 57–95.
- Lehmann 1988 — Ch. Lehmann. Towards a typology of clause linkage // J. Haiman, S. Thompson (eds.). *Clause Combining in Discourse and Grammar*. Amsterdam: Benjamins, 1988. P. 181–225.
- Riese et al. 2019 — T. Riese, J. Bradley, M. Schötschel, T. Yefremova. *Mari (марий йълме): An Essential Grammar for International Learners [Draft version]*. Vienna: University of Vienna, 2019. (Published online at grammar.mari-language.com. Accessed on 29.08.2019).

Е. В. Деликанова, Т. Е. Фейгина

МГУ, Москва

ОБ ЭЛЛИПСИСЕ ВЕРШИНЫ В ПОСЕССИВНЫХ ИГ В БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

В балкарском языке², как и в других тюркских, посессивные отношения выражаются с помощью изафетных конструкций. Так, для выражения отчуждаемой принадлежности используется ИКЗ: обладатель маркируется генитивом, а обладаемое — посессивностью:

- (1) *устаз-ны юй-ю ариу-ду*
учитель-GEN дом-3 красивый-3SG
'Дом учителя красивый'.

Но если необходимо назвать посессора в отсутствие вершинного имени (в предикативной позиции или при эллипсисе вершины), он оформляется комплексом морфем *-ны-къы/-ни-ки*:

- (2) *бу юй устаз-ны-къы-ды*
этот дом учитель-GEN-ATR-3SG
'Этот дом — учителя'.
- (3) *бу пиала тюлене керим-ни-ки э-ди,*
этот чашка вчера Керим-GEN-ATR AUX-PST.3SG

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-012-00627 А «Семантика и синтаксис урало-алтайских языков в функционально-типологической и формальной перспективах».

² Работа основана на данных малкарского диалекта карачаево-балкарского языка, собранных авторами в экспедиции ОТиПЛ МГУ в с. Верхняя Балкария Черекского р-на респ. Кабардино-Балкария (2019 г).

бюгюна ме-ни-ки-ди

сегодня я-GEN-ATR-3SG

‘Эта чашка вчера была Керимова, а сегодня — моя’.

2. Морфосинтаксис форм на *-ны-къы*

Такие морфемные комплексы есть и в других тюркских, в частности, татарском [Гращенко 2006] и турецком [Kornfilt 1997], [Göksel, Kerslake 2005]. В описаниях этих языков данный показатель членится на генитив и общетюркский атрибутивизатор *-ki*, который образует прилагательные, характеризующие положение предмета в пространстве или времени. Однако, в отличие от прилагательных с *-ki*, формы на *-ныкъы* не употребляются в именной позиции:

- (4) **бу ме-ни-ки юй*
этот я-GEN-ATR дом
‘Это — мой дом’.

Вместе с тем данные формы обладают свойствами, характерными для балкарских прилагательных: так, согласовательный показатель множественного числа, появляющийся поверх *-ны-къы*, можно опустить. Так ведут себя прилагательные, но не существительные:

- (5) *бу юй-ле устаз-ны-къы-ла-ды-ла /*
этот дом-PL учитель-GEN-ATR-PL-3-PL
устаз-ны-къы-ды-ла
учитель-GEN-ATR-3-PL
‘Эти дома — учителя’.
- (6) *хар заи-ла малкар-да зыгит-ле-ди-ле /*
весь парень-PL балкарский-LOC храбрый-PL-3-PL
зыгит-ди-ле
храбрый-3-PL
‘Все балкарские парни храбрые’.
- (7) *ме-ни къарындаш-лар-ым доктор-ла-ды-ла / *доктор-ды-ла*
я-GEN брат-PL-1SG врач-PL-3-PL *врач-3-PL
‘Мои братья — врачи’.

Также интересно взаимодействие этого комплекса с посессивностью. Балкарские имена в 3 лице в аккумулятиве имеют показатель *-н*, а без посессивности — *-ны/-ни*. Имена на *-ныккы* изменяются по посессивному склонению, а восстановить при этом показатель посессивности невозможно:

- (8) *аслан-ны кеси-ни тиала-сы бар-ды*,
 Аслан-GEN свой-GEN кружка-3 есть-3
*ол а ме-ни-ки-н / *ме-ни-ки-ни /*
 тот же я-GEN-ATR-ACC.3 я-GEN-ATR-ACC
**ме-ни-ки-си-н ал-ды*
 я-GEN-ATR-3-ACC братъ-PST
 ‘У Аслана есть своя кружка, но он взял мою’.

3. Гипотеза

Мы предполагаем, что показатель *-ныккы* должен члениться не на генитив и атрибутивизатор, а на генитив, атрибутивизатор и посессив. Такой анализ, в частности, может помочь объяснить, почему здесь атрибутивизатор не озвончается в интервокальной позиции (ср. с (5)–(6)).

Однако если имя на *-ныккы* оформлено показателем множественного числа, то выбирается непосессивный вариант падежного показателя, а посессивный невозможен:

- (9) *руслан кеси-ни цурукъ-лар-ы-н тап-ма-гъан-ды*,
 Руслан свой-GEN обувь-PL-3-ACC находить-NEG-PFCT-3SG
*ол а ме-ни-к(и)-ле-ни / *ме-ни-к(и)-ле-н*
 тот же я-GEN-ATR-(3)-PL-ACC *я-GEN-ATR-PL-ACC.3
ал-гъан-ды
 братъ-PFCT-3SG
 ‘Руслан не смог найти свои сапоги, поэтому взял мои’.

С другой стороны, показатель посессивности в этом случае может опускаться, что подтверждает нашу гипотезу о том, что *-ккы* — это не единая морфема.

4. Заключение

В докладе мы покажем, как наша гипотеза позволяет объяснить, почему атрибутивизатор в составе *-ныкьы* не озвончается. Кроме того, мы предложим анализ, объясняющий разницу между выбором посессивного и непосессивного показателя в зависимости от числа. Также мы сравним морфосинтаксис имен на *-ны-кьы* с аналогичными именами в татарском и турецком и попробуем объяснить природу посессивного показателя в этом контексте.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ATR — атрибутивизатор; AUX — вспомогательный глагол; GEN — генитив; LOC — локатив; NEG — отрицание; PL — множественное число; PFCT — перфект; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Гращенко 2006 — П. В. Гращенко. Тюркская именная группа: тысяча и одна загадка. Экспедиционный отчет. М: МГУ, 2006.
- Göksel, Kerslake 2005 — A. Göksel, C. Kerslake. Turkish: A Comprehensive Grammar. New York: Routledge, 2005.
- Kornfilt 1997 — J. Kornfilt. Turkish. London — New York: Routledge, 1997.

Ю. М. Дёмина

МГУ, Москва

ATTRACTIO INVERSA В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Работа посвящена явлению *attractio inversa* в горномарийском языке. При данном явлении вершина относительной клаузы приобретает падежное маркирование, соответствующее позиции релятивизации, т. е. маркируется как в случае, если бы она принадлежала зависимой клаузе. Относительное местоимение «притягивается» к антецеденту. Пример представлен в (1), где вершина стоит в инессиве, как того требовал бы предикат зависимой клаузы, а не в номинативе согласно позиции в главной клаузе.

- (1) *toma-štâ kâ-štâ ik-tä=t a-k älä*
дом-IN который-IN один-INDEF2=ADD NEG.NPST-3 жить
jâl-en kej-en
гореть-CVB идти-PRET
'Дом, где никто не живет, сгорел'.

Данное явление зафиксировано в некоторых уральских языках: ингерманландском финском [Kholodilova 2013], центральном диалекте мокшанского [Привизенцева 2016], бесермянском удмуртском [Беляев 2012], а также в некоторых индоевропейских языках, например, в латыни [Bianchi 2000], исландском [Wood et al. 2017]. Ранее данное явление было описано для лугового марийского в [Kholodilova, Privizentseva 2015], но не описывалось для горномарийского [Alhoniemi 1993]. Наш материал собран в с. Кузнецово и окрестных деревнях (Марий Эл) в 2019 г. методом анкетирования. Отметим, что рассматриваемая конструкция, хотя и используется многими информантами, отвергается частью образованных носителей.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ №19-012-00627а.

В [Bianchi 2000] предложения с *attractio inversa* анализируются как относительные предложения с внутренней вершиной (как тип коррелятивов). Так объясняется приписывание падежа вершине относительной клаузы. Однако они имеют и ряд отличий от коррелятивов. Мы сопоставим синтаксические и семантические свойства предложений с *attractio inversa*, относительных предложений с внешней вершиной и коррелятивов (о последних см. [Гарейшина 2018]). Так, вершина относительной клаузы в предложениях с *attractio inversa* (2a) линейно расположена так же, как в относительных предложениях с внешней вершиной (2b). В коррелятивах (2c) вершина относительной клаузы расположена непосредственно после относительного местоимения:

- (2) а. *pi-län kâdê-lan pet'a kačk-aš pu-en*
 собака-DAT который-DAT Петя есть-INF давать-PRET
pâr-êl-ên
 кусать-SEM-PRET
- б. *pi kâdê-lan pet'a kačk-aš pu-en*
 собака который-DAT Петя есть-INF давать-PRET
pâr-êl-ên
 кусать-SEM-PRET
- в. *kâdê pi-län pet'a kačk-aš pu-en tädë*
 который собака-DAT Петя есть-INF давать-PRET тот
pâr-êl-ên
 кусать-SEM-PRET
 'Собака, которой Петя дал поесть, его укусила'.

Вершина предложения с *attractio inversa* (3a), как в предложениях с внешней вершиной (3b), в отличие от коррелятивных конструкций (3c), может быть модифицирована указательным местоимением:

- (3) а. *të kok püergä-m kâdê-vlä-m tön' tengečë*
 тот два мужчина-ACC который-PL-ACC ты вчера
už-ên-at paškudê-vlä êl-êt
 видеть-PRET-2SG сосед-PL быть-NPST.3PL

- b. *tä kok püergä kâdâ-vlä-m tän' tengečä*
 тот два мужчина который-PL-ACC ты вчера
už-ân-at paškudâ-vlä äl-ât
 видеть-PRET-2SG сосед-PL являться-NPST.3PL
- c. **kâdâ tä kok püergä tän' tengečä už-ân-at*
 который тот два мужчина ты вчера видеть-PRET-2SG
tädä paškudâ-vlä äl-ât
 тот сосед-PL быть-NPST.3PL
 'Те двое мужчин, которых ты вчера видел, — соседи'.

В докладе будут рассмотрены и другие свойства предложений с *attractio inversa* в сопоставлении с предложениями с внешней вершиной и коррелятивами: возможные относительные местоимения и их семантика, рассогласование по числу вершины относительной клаузы и относительного местоимения и др. Мы сравним горномарийский материал с данными других уральских языков, доступными из литературы. Также мы рассмотрим в свете наших данных теоретические подходы к *attractio inversa*, объясняющие, является ли эта конструкция подтипом коррелятива или подтипом относительной клаузы с внешней вершиной.

Список условных обозначений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC – аккузатив; CVB — конверб; DAT — датив; IN — инессив; INDEF2 – неопределенное местоимение; GEN — генитив; NOM — номинатив; NPST — непрошедшее время; PRET — претерит; PL — множественное число; SG — единственное число; SEM — семейфактив.

Литература

- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. Grammatik des Tscheremissischen (Mari). Hamburg: Buske, 1993.
- Bianchi 2000 — V. Bianchi. Some issues in the syntax of relative determiners // A. Alexiadou, P. Law, A. Meinunger, Ch. Wilder (eds.). The Syntax of Relative Clauses. Amsterdam — Philadelphia: J.B. Publishing Company, 2000. P. 53–81.

- Kholodilova 2013 — M. Kholodilova. Inverse attraction in Ingrian Finnish relative clauses // *Linguistica Uralica* XLIX, 2003. P. 96–116.
- Kholodilova, Privizentseva 2015 — M. Kholodilova, M. Privizentseva. Inverse attraction in Finno-Ugric languages. Talk at 'Insufficient strength to defend its case': Case attraction and related phenomena. Wrocław, 18–19 September 2015.
- Wood et al. 2017 — J. Wood, E. F. Sigurpsson and I. E. Nowenstein. Inverse attraction in Icelandic relative clauses // H. Thráinsson, C. Heycock, H. P. Petersen and Z. S. Hansen (eds.). *Syntactic Variation in Insular Scandinavian*. [Studies in Germanic Linguistics I]. 1, 2017. P. 200–232.
- Беляев 2012 — О. И. Беляев. Коррелятивная конструкция и относительные предложения с внутренней вершиной в удмуртском бесермянском // А. И. Кузнецова (ред.). *Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы*. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 647–679.
- Гарейшина 2018 — А. Р. Гарейшина. Коррелятивы в горномарийском языке — относительные предложения или топик? // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований РАН XIV, 2, 2018. С. 132–154.
- Привизенцева 2016 — М. Ю. Привизенцева. Падежное маркирование в мокшанских относительных предложениях // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований РАН XII, 1, 2016. С. 653–664.

В. В. Дьячков

ИЯз РАН, Москва

СИНТАКСИС КОМИТАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ И АРХИТЕКТУРА КЛАУЗЫ В ЯЗЫКЕ НАТИОРО¹

В данной работе речь пойдет о комитативной конструкции в языке натиоро (< гур < нигер-конго). Этот язык относится к малочисленным (всего на нем говорит около 2,5 тыс. носителей), и его грамматического описания не существует до сих пор. Для этого языка характерно наличие трехуровневой тональной системы, именных классификаторов, а также вариативный порядок слов — SOV в имперфективе и SVO в перфективе².

Комитативные конструкции в натиоро могут быть построены с помощью полифункционального предлога *a*, который выступает в большинстве типичных для комитатива контекстах (см. [Stolz et al. 2006]), например, Сопровождающего участника (1), Материала (2) и Инструмента (3). Интересным фактом является также то, что комитативный маркер может соединять клаузы (4).

(1) *siata naka-w* [a ta ruá]

С. ходить-IPFV COM 3SG ребенок

‘Сата ходит со своим ребенком’.

(2) *na má s-waà* [a ñgweè]

1SG построить.PFV дом-CL.L COM дерево.L

‘Я построил дом из дерева’.

¹ Исследование поддержано грантом РФФ 17-78-20071.

² В силу того, что описание натиоро было начато только в 2018 г., все приведенные в тексте глоссы и тоновая разметка носят предварительный характер. Данные основываются на собственной полевой работе автора в 2018–2019 гг. в Республике Буркина-Фасо.

- (3) *madu kawa-si se-wʷ* [a soⁿ-wa]
 М. мясо-CL.PL резать-IPFV COM нож-CL
 ‘Маду режет мясо ножом’.
- (4) *madu kɪnʷ=gá* [a wɔɔ]
 М. лечь=RES COM уснуть.PFV
 ‘Маду лег и заснул’.

Как известно из [Stassen 2000] и [Архипов 2009], типологически комитативы имеют тенденцию эволюционировать в показатели сочинения. В таком качестве они могут присоединяться слева от существительных и соединять две именные группы (5). Однако если группа с комитативным значением помещается не после глагола, как в примерах (1)–(4), а до, как в примере (6), она реинтерпретируется как сочинительная, что приводит к семантической аномалии.

- (5) *madu* [a ta cwaà] pá
 М. COM 3SG жена.L прийти.PFV
 ‘Маду пришел со своей женой’.
- (6) #*siata* [a ta marafaà] naka-wʷ
 С. COM 3SG ружье.L ходить-IPFV
 ‘#Сата и ее ружье идут’.

Вместе с тем неверно считать, что маркер *a* является преимущественно сочинительным. В натиоро типичная сочинительная конструкция образуется при помощи союза *mî*, употребление которого иллюстрируется в (7).

- (7) [*madu mî ta cwaà*] pá
 М. CRD 3SG жена.L прийти.PFV
 ‘Маду и его жена пришли’.

В нашем докладе нас интересует в первую очередь механизм возникновения интерпретаций комитативных конструкций, который, как мы предполагаем, зависит в немалой степени от их линейной позиции. Для натиоро верно следующее обобщение: комитативные группы интерпретируются как элементы сочинительных конструкций, если располагаются справа от имени, и как глагольные (или, возможно, клаузалные) адьюнкты, если нахо-

дятся справа от глагола. Следующий пример показывает, что подобный эффект наблюдается и при присоединении комитативной группы справа от прямого дополнения, которое в (8) находится в конце клаузы. В этом случае комитативная интерпретация не является семантически невозможной, однако, тем не менее, отвергается:

- (8) **naⁿ kwésé s-wa [a madu]*
1SG мыть.PFV калембаса-CL COM M.
'#Я помыл калембасу и Маду'.

На наш взгляд, свойства комитативных конструкций определяются во многом их линейной позицией, которая зарезервирована для высокоуровневых адвербиалов. Кроме того, мы покажем, что комитативные группы должны иметь антецедент, расположенный слева, из-за чего их нельзя подвергнуть экстрапозиции на левую периферию клаузы. В докладе мы опишем архитектуру клаузы в натиоро, а также подробно рассмотрим статус маркера *a*, который является, по-видимому, единственным предлогом в натиоро и поэтому представляет особый интерес с точки зрения морфосинтаксиса.

Список условных обозначений

3 — 3 лицо; CL — показатель класса; COM — предлог; CRD — сочинительный союз; IPFV — имперфектив; L — наложение низкого тонового контура; PFV — перфектив; RES — результатив; SG — единственное число.

Литература

- Stassen 2000 — L. Stassen. AND-languages and WITH-languages // *Linguistic Typology* 4, 2000. P. 1–54.
- Stolz et al. 2006 — T. Stolz, C. Stroh, A. Urdze. On Comitatives and Related Categories: A Typological Study with Special Focus on the Languages of Europe [Empirical Approaches to Language Typology]. Berlin: Walter de Gruyter, 2006.
- Архипов 2009 — А. В. Архипов. Типология комитативных конструкций. М.: Знак, 2009.

К. А. Журавлёва
ДВФУ, Владивосток

**СРАВНИТЕЛЬНЫЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ
СОЮЗНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
В ЛЕТОПИСНОМ ТЕКСТЕ XII В.
(НА ПРИМЕРЕ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»)**

Сравнительные конструкции в древнерусском языке представляются недостаточно изученными. Немногочисленные работы по теме [Палевская 1955; Широкова 1966] написаны в рамках формально-грамматического подхода и требуют уточнений: в них мало информации об оформлении конструкций с семантикой недостоверного сравнения (союзы *будто*, *словно* и др. отсутствовали в языковой системе), о развитии значения сущности-функции (термин А. Ф. Прияткиной [Прияткина 1975: 20]), синонимичного значению конструкций с предлогом *в качестве*, и об отличиях в семантике и грамматическом оформлении сравнений и сопоставлений.

Наше исследование ограничено изучением союзных сравнительных и сопоставительных конструкций в «Повести временных лет». Целью исследования является описание их грамматического оформления и попытка построения классификации на семантико-грамматической основе.

Методом сплошной выборки было отобрано 236 контекстов. Впоследствии был создан корпус, в котором языковой материал был структурирован и размечен.

В результате выявлено 3 типа конструкций — собственно сравнение (характеризующееся образностью, «семантическим напряжением» [Литвинов 1990: 8]), недостоверное сравнение, сопоставление (содержащее два денотата в составе конструкции).

Собственно сравнение отмечено в 59 употреблениях, причем только в 3 оно представляет собой придаточное сравнительное.

Кроме того, всего в 3 контекстах с союзом употребляется т-слово (местоимение с этимологическим корнем *t). Эти особенности мы связываем с тем, что параллельность предикатов вносит в предложение значение сопоставления, а наличие т-слова — значение тождества. Распределение союзов в контекстах следующее: в 20 случаях наличествует союз *аки*, в 16 — его вариант *акы*, в 27 — *яко*, в 2 — *якоже* (статистика дана с учетом однородных рядов). Кроме того, отмечено, что однородные сравнения могут вводиться с помощью разных союзов: *Положи я яко коло, аки огонь предь лицемь вѣтру* ('Положи их, как колесо, как огонь перед лицом ветра').

Среди сравнительных конструкций выявлено 13 со значением сущности-функции: *Сию бохвалять рустии сынове акы началницу* ('Ее ведь почитают русские сыны как начинательницу'). Это значение проявляется с разной степенью определенности, совмещаясь со сравнением (подобное совмещение возможно и в современном языке [Прияткина 1990: 83]).

Конструкции со значением недостоверного сравнения, отмеченные в 22 контекстах, характеризуются отсутствием «параллельности» частей [Черемисина 1976: 41]. В 8 случаях наличествует придаточное изъяснительного типа, а в 14 случаях союз функционирует как частица: *Се уже яко преставилься есть* ('Он уже будто преставился').

Сопоставление (сравнение, лишённое образности) выявлено в 155 контекстах, причем в 141 оно является придаточным сравнительным. В 100 контекстах употреблен союз *якоже*, в 22 — *яко* и только в 1 контексте — *аки*. В 14 случаях союзы сочетаются с т-словом, в 22 контекстах т-слово является единственным средством связи (в современном языке конструкции с анафорическим элементом употребляются реже). Кроме того, отмечено 7 контекстов с повтором темы сравнения, нехарактерным для современного языка: *Сице бо звахуть ты варягы русь, яко се друзии зовутся сее, друзии же урмани, англыяне, ингы и готе, тако и си* ('Так ведь назывались те варяги русью, как другие называются шведы, другие же — норманны и англы, иные — готы, так и эти').

При анализе выявлена разновидность сопоставлений — эталонные сравнения (термин Н. М. Девятовой [Девятова 2011]).

Они зафиксированы в 3 видах: отсылка к источнику информации (60 контекстов), безличные предложения (12) и конструкции с глаголом семантики желания (2).

В результате, с одной стороны, отмечено разнообразие как типовых значений конструкций, так и средств их создания, а с другой — выявлено отсутствие последовательного оформления каждой отдельной реализации сравнительного значения в тексте.

Литература

- Девятова 2011 — Н. М. Девятова Сходство как сравнительный смысл его языковые репрезентации // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология», 2, 2011. С. 7–13.
- Литвинов 1990 — В. Ю. Литвинов. Типология образности сравнений. Дисс. ... канд. филол. наук. ЛГУ, Л., 1990.
- Палевская 1955 — М. Ф. Палевская. Сравнительные обороты и сравнительные придаточные предложения в древнерусском языке по памятникам XII–XVII вв. Дисс. ... канд. филол. наук. МГУ, М., 1955.
- Прияткина 1975 — А. Ф. Прияткина. Союз «как» в значении «в качестве». Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1975.
- Прияткина 1990 — А. Ф. Прияткина. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М.: Высшая школа, 1990.
- Черемисина 1976 — М. И. Черемисина. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск: Наука, 1976.
- Широкова 1966 — Н. А. Широкова. Из истории союзных конструкций, выражающих отношения сравнения. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1966.

Ю. О. Завадская
СПбГУ, Санкт-Петербург

**СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ?
ЧАСТОТНОСТЬ КАК ВОЗМОЖНАЯ ПРИЧИНА
ПОЯВЛЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ РЕЧЕВЫХ СБОЕВ
В СПОНТАННОЙ РЕЧИ**

При спонтанном речепорождении (особенно в диалоге) говорящий непременно сталкивается с различными явлениями, препятствующими созданию безупречного, «чистого» устного текста. Это могут быть его собственные речевые сбои, перебивы со стороны собеседника, какие-то их общие невербальные реакции. Причиной возникновения подобных «преград» оказывается ситуация временного дефицита: говорящий вынужден одновременно не только планировать и реализовывать свои высказывания, но и оценивать качество уже произнесенного. В таких условиях неизбежны разноплановые оговорки — фонетические, лексические, грамматические, — ставшие предметом настоящего исследования. Под оговоркой как разновидностью речевого сбоя, вслед за В. И. Подлесской и А. А. Кибриком [Подлесская, Кибрик 2007], в работе понимается фрагмент, который не имеет отношения к исходному речевому намерению говорящего.

Наибольший интерес представляют грамматические оговорки, которые появляются, когда говорящий выбирает неправильную форму слова, ср.: «Из 500 различного рода „неправильностей“, встретившихся в устной спонтанной речи на русском языке, 120 — почти четверть — связаны с нестандартным оформлением словоформы в различных морфологических категориях. (...) Это неудивительно: механизмы речевой деятельности, связанные с морфологическим оформлением словоформы, являются, с одной стороны, неотъемлемой частью синтаксирования, а с другой — действуют в рамках слова» [Русакова 2012: 40]. Ср.:

- (1) *в это время появилась / еще одна личность // которая навалилась (э э) на него / **всем** [...] **всей** тяжестью своего груза;*
- (2) *потому что во-первых чище воздух / отвлекает от мыслей о работе / от каких-то проблем / э э [ну] скандалов (вздох) **каки...** ну **какой-то** ругани там.*

Кроме эффекта прайминга (влияние предшествующего контекста) и «фьючеринга» (влияние уже задуманного, но еще не произнесенного контекста), о которых подробнее будет сказано в докладе, появление такого рода оговорок может зависеть от частотности грамматической формы в языке в целом (см. [Слюсарь, Самойлова 2015]). Проверить эту гипотезу можно по «Частотному словарю словоформ русского языка (проект)», созданному А. В. Венцовым и Е. В. Грудевой в 2008 г. Как отмечают авторы, «предлагаемый вниманию читателя проект словаря представляет собой первую в истории составления частотных словарей русского языка попытку организовать по частоте встречаемости не лексемы, а акцентно размеченные словоформы» [Венцов, Грудева 2008: 2]. Словарь был составлен на основе миллионного Корпуса русского литературного языка.

- (3) *мы тут видим какой-то **маленький маленькую** такую избушечку / м м построенную может быть крестьянами какими-то может скорее всего крестьянами.*

В примере (3) видим оговорку: *маленький* вм. *маленькую*. Можно предположить, что говорящий изначально намеревался сказать *домик*, а не *избушечка*. Кроме того, что *домик*, несомненно, более частотен в языке, чем *избушечка*, поэтому и задумывался к произнесению именно он, существует еще и разница в частотности форм прилагательных мужского и женского рода. По данным словаря А. В. Венцова и Е. В. Грудевой, частота формы *маленький* составляет 100, а формы *маленькая* — 73.

В докладе будут представлены результаты качественного и количественного анализа материала, доказывающие заявленную гипотезу (более 50% единиц в пользовательском подкорпусе). Источником материала послужил корпус монологической речи,

известный как «Сбалансированная аннотированная текстотека» (см. о нем подробнее: [Богданова-Бегларян и др. 2017, 2019]), пользовательский подкорпус составил 111 единиц в контекстах (грамматические оговорки), что составляет 40% от количества оговорок всех типов.

Литература

- Богданова-Бегларян и др. 2017 — Н. В. Богданова-Бегларян, Т. Ю. Шерстинова, К. Д. Зайдес. Корпус «Сбалансированная Аннотированная Текстотека»: методика многоуровневого анализа русской монологической речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / Науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скредин. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 8–13.
- Богданова-Бегларян и др. 2019 — Н. В. Богданова-Бегларян, О. В. Блинова, К. Д. Зайдес, Т. Ю. Шерстинова. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ): изучение специфики русской монологической речи // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 21 / Гл. ред. А. М. Молдован. Отв. ред. выпуска В. А. Плунгян. М.: ИРЯ РАН, 2019. В печати.
- Венцов, Грудева 2008 — А. В. Венцов, Е. В. Грудева. Частотный словарь словоформ русского языка (проект). Череповец: Изд-во ЧГУ, 2008.
- Подлеская, Кибрик 2007 — В. И. Подлеская, А. А. Кибрик. Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. Серия 2, 23, 2007. С. 1–39.
- Русакова 2012 — М. В. Русакова. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка / М. Д. Воейкова, Н. Н. Казанский, А. Ю. Русаков, С. С. Сай (ред.). М.: Языки славянских культур, 2012.
- Слюсарь, Самойлова 2015 — Н. А. Слюсарь, М. В. Самойлова. Частотности различных грамматических характеристик и окончаний у существительных русского языка. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 27–30 мая 2015 г.). Вып. 14 (21): В 2 т. Т. 1: Основная программа конференции. М.: РГГУ, 2015. С. 1–12.

Д. М. Зеленский

МГУ, Москва

ДВОЙНОЙ НАБОР ПРИЗНАКОВ ДЛЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОГО СДВИГА

Референциальный сдвиг (indexical shift, далее — РС) — явление, при котором личные местоимения и/или глагольное согласование (далее — ГС) получают интерпретацию в соответствии с ближайшими локуторами. Их зачастую анализируют с помощью так называемого «оператора-монстра» (далее — монстр; см. [Schlenker 2003]) на левой периферии, содержащего информацию о локуторах, а также мире и времени клаузы. Этот оператор, согласно [Kratzer 2009], передает признаки местоимениям и глаголам с помощью связывания. Некоторые исследователи, однако (например, [Ganenkov 2019] на данных даргинского), считают, что постулирования такого оператора в качестве объяснения недостаточно, нужны дополнительные признаки и структуры.

Я утверждаю, что этого можно избежать, если принять следующие идеи:

- 1) имена (и местоимения) несут двойной набор ф-признаков — интерпретируемые (видимые в LF, но не в PF) и неинтерпретируемые (видимые в PF, но не в LF; далее — *i*- и *u*-признаки); при этом обычно наборы связаны друг с другом, но лексические требования могут нарушать эту связь, создавая слова вроде *ложка* или немецкого *die Mädchen* [Wurmbrand 2017];
- 2) в синтаксическом согласовании (Agree) нет зондирования (probing), а означивание признаков (valuation) осуществляется сверху вниз [Wurmbrand 2014];
- 3) местоимения, подвергаемые РС (далее — ПРС), и анафоры извлекаются из лексикона с неозначенными *i*-признаками, являясь, по сути, одним лексическим элементом; означенность *u*-признаков варьируется;

- 4) ГС по ф-признакам не имеет собственного значения, будучи и-признаками;
- 5) монстр не хранит (i-)признаков 3 лица, только говорящего и, возможно, слушающего.

Из 2 и 3 идей с учетом того, что Agree происходит, как и связывание, только в условиях структурного приоритета (с-command), можно вывести, что передача признаков связанным местоимениям Кратцер — одно из проявлений Agree, а не отдельная операция (и это не зависит от того, предоставляются ли признакам отдельные вершины).

Объяснение тюркского РС при таких условиях меняется не сильно. Данные для тюркского сдвига таковы: ГС управляется «монстром», (ПРС) личные местоимения связываются им же, если их не выдвинули в главную клаузу (что сопровождается приписыванием аккузатива). Видимо, тюркские ПРС местоимения имеют неопределенными в лексиконе как и-, так и i-признаки.

Даргинская картина сложнее: личные местоимения там могут, оставаясь *in situ*, как подвергаться, так и не подвергаться РС. При этом наблюдаются следующие факты о подлежащих и субъектном ГС [Ganenkov 2019]:

- Г1) ПРС личные местоимения 1 и 2 лица сопровождаются РСГС;
- Г2) не ПРС местоимения 1 и 2 лица сопровождаются факультативным ГС с собой...
- Г3) ...за исключением случаев, когда подлежащее главного предложения такое же, в этом случае обязательно ГС по 1 лицу (в том числе для местоимения 2 лица);
- Г4) длиннодистантный анафор 3 лица сопровождается факультативным, но предпочитаемым ГС по 1 лицу.

Мой анализ выглядит следующим образом:

- 1) из-за идеи 3 пункт Г1 получается автоматически, как только мы предполагаем, что соответствующие местоимения вставляются с неопределенными и-признаками;
- 2) не ПРС местоимения 1 и 2 лица вставляются с означенными и-признаками, которые могут вступить в постсинтаксическое согласование с глаголом — факультативное, что дает Г2; монстр, однако, может заполнить ГС через них с помо-

щью Agree, имеющего в общем случае приоритет над пост-синтаксическим по независимым причинам, приводя к Г3;

- 3) анафор третьего лица может быть результатом и такого, и такого вставления, приводя либо к обязательному, либо к факультативному ГС по 1 лицу, что дает Г4; из-за идеи 5 обязательности во втором случае не наступает;
- 4) *i*-признаки на местоимениях контролируются на совпадение значения (value) с означенными *u*-признаками на позднем этапе, так как нет лексических требований самих местоимений, перекрывающих это.

Заметим, что пункт 2 этого анализа сразу дает то, что Д. Ганенкову пришлось постулировать отдельно: фонологическая форма не ПРС местоимений не изменяется, так как регулируется *u*-признаками.

Литература

- Ganenkov 2019 — D. Ganenkov. Syntax and languages of the Caucasus. Talk given at “Linguistic Theory: Meet Languages of the Caucasus” workshop. Rethymno: University of Crete, 2019.
- Kratzer 2009 — A. Kratzer. Making a pronoun: Fake indexicals as windows into the properties of pronouns // *Linguistic Inquiry* 40(2), 2009. P. 187–237.
- Schlenker 2003 — Ph. Schlenker. A plea for monsters // *Linguistics and Philosophy*, 26(1), 2003. P. 29–120.
- Wurmbrand 2014 — S. Wurmbrand. The merge condition: A syntactic approach to selection // P. Kosta et al. (eds.). *Minimalism and Beyond: Radicalizing the interfaces*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2014. P. 139–177.
- Wurmbrand 2017 — S. Wurmbrand. Formal and semantic agreement in syntax: A dual feature approach // J. Emonds, M. Janebová (eds.). *Language Use and Linguistic Structure: Proceedings of the Olomouc Linguistics Colloquium 2016*. Olomouc: Palacký University, 2017. P. 19–36.

А. Г. Клезович

НИУ ВШЭ, Москва

ФОНЕМНЫЕ КОНФИГУРАЦИИ РУК В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, жест состоит из пяти компонентов: конфигурация руки, локализация, ориентация, движение и немануальный компонент [Stokoe 1960; Battison 1978]. Все фонологические теории для жестовых языков (например, просодическая модель фонологии жестовых языков [Brentari 1998] или Movement-Hold модель [Liddell, Johnson 1994]) оперируют этими компонентами, выстраивая между ними различные иерархические отношения. Когда же стоит вопрос описания фонемного инвентаря жестового языка, исследователи придерживаются идеи выстраивания «фонемных» инвентарей для каждого компонента жеста по отдельности (н-р, [van der Kooij 2002; Nyst 2007; Schuit 2014] и т.д.).

Все предыдущие исследования основаны на элицитации и мануальной разметке видео [van der Kooij 2002; Nyst 2007; Schuit 2014; Marsaja 2008], в то время как данная работа по установлению фонемного инвентаря конфигураций рук пользуется собственными автоматическими методами для выделения позиций без движения на видео (основные идеи взяты из кода Бёрстелла [Börstell 2018]). Видео для РЖЯ, взятые из словаря Spreadthesign [Hilzensauer et al. 2015], анализировались как сигнал, т.е. как зависимость посчитанного расстояния/разницы между гистограммами отдельных изображений из видео от номера изображения в видео (т.е., условно говоря, от времени). Опытным путем было установлено, что самые большие отрицательные пики на таком сигнале отвечают за позиции без движения. После автоматического выделения позиций без движений, изображения из датасета для РЖЯ были размечены вручную на конфигурацию в соответствии с Гамбургской системой нотации [Hanke 2004].

Целью данного исследования было, в качестве первого шага, собрать инвентарь всех конфигураций рук в русском жестовом языке, а потом с помощью модели ван дер Кой [van der Kooij 2002] установить, какие из этих конфигураций могут быть аллофонами друг друга. Модель ван дер Кой учитывает только иконичность жестов и удобство артикуляции в них тех или иных форм рук, но она не описывает аллофоны, которые появляются только из-за индивидуальных различий между носителями. Предварительная оценка с помощью этой модели показала, что из 116 в целом встречающихся в РЖЯ фонемных конфигураций можно выделить 23 фонемы. Интересно, что самые частотные фонетические конфигурации рук почти полностью совпадают для всех изученных на этот предмет жестовых языков (американского жестового, израильского, нидерландского, британского и адаморобе (Африка)). В то же время размер инвентаря фонетических конфигураций в РЖЯ типологически необычно большой. Шуйт [Schuit 2014] предполагала, что невозможно встретить жестовый язык с более чем 80 фонетическими конфигурациями рук.

Для того чтобы покрыть индивидуальные различия, которые также могут порождать аллофоны, были собраны данные от шести информантов по всем предполагаемым аллофонам. В результате мы выяснили, что положение большого пальца (вытянутый в сторону/нейтрально прижатый к руке или к другим пальцам, н-р. см. рисунок 1) в некоторых фонемных конфигурациях зависит только от индивидуальных различий, а в некоторых вызвано иконичностью или удобством артикуляции, но не индивидуальными различиями. Вдобавок к этому, различные виды соединения указательного и большого пальца (н-р. см. рисунок 2) также частично объясняются индивидуальными различиями.

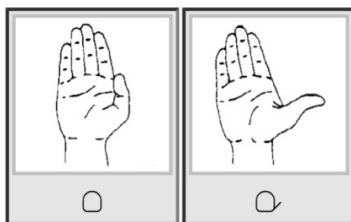

Рисунок 1. Аллофоны фонемной конфигурации «В» [Hanke 2010]

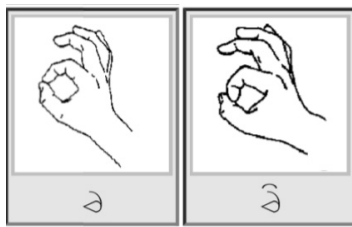

Рисунок 2. Аллофоны фонемной конфигурации «О» [Hanke 2010]

Такой параметр, как сгибание выбранного пальца/пальцев в пястно-фаланговом суставе, вызывает аллофоны, но объясняется всегда только удобством артикуляции и/или иконичностью, но никогда не индивидуальными различиями между носителями. Индивидуальные различия также не имеют прямого отношения к напряженности руки (*tense/lax handshape*). Чаще всего конфигурация руки бывает ненапряженной, когда она выступает в двуручном жесте пассивной рукой.

Литература

- Battison 1978 — R. Battison. *Lexical Borrowing in American Sign Language*. Silver Spring, MD: Linstok Press, 1978.
- Brentari 1998 — D. Brentari. *A prosodic model of sign language phonology*. Cambridge, MA: MIT Press, 1998.
- Börstell 2018 — C. Börstell. *Make signs still*. (github.com/borstell/make_sign_stills)
- Hanke 2004 — Th. Hanke. *HamNoSys — representing sign language data in language resources and language processing contexts* // O. Streiter, C. Vettori (eds.). *Proceedings of the Workshop on Representation and Processing of Sign Languages*. Paris: ELRA, 2004. P. 1–6.
- Hanke 2010 — Th. Hanke. *HamNoSys 4 Handshapes Chart*. Drawings by H. Zienert, O. Jeziorski, A. Hanß. (www.sign-lang.uni-hamburg.de/dgs-korpus/files/inhalt_pdf/HamNoSys_Handshapes.pdf)
- Hilzensauer, Krammer 2015 — M. Hilzensauer, K. Krammer. *A Multilingual Dictionary For Sign Languages: “SpreadTheSign”*, Alpen-Adria-Universität Klagenfurt, 2015 (www.spreadthesign.com/ru.ru/search/)

- van der Kooij 2002 — E. van der Kooij. *Phonological Categories in Sign Language of the Netherlands: The Role of Phonetic Implementation and Iconicity*. Utrecht: LOT, 2002.
- Liddell, Johnson 1994 — S. Liddell, R. E. Johnson. *American Sign Language: The Phonological Base*. *Sign Language Studies* (64), 1994. P. 195–278.
- Marsaja 2008 — I. G. Marsaja. *Desa Kolok. A Deaf Village and Its Sign Language in Bali, Indonesia*. Nijmegen: Ishara Press, 2008.
- Nyst 2007 — V. Nyst. *A Descriptive Analysis of Adamorobe Sign Language (Ghana)*. PhD Thesis. University of Amsterdam, Amsterdam, 2007.
- Schuit 2014 — J. Schuit. *Signs of the Arctic: Typological aspects of Inuit Sign Language*. PhD Thesis. University of Amsterdam, Amsterdam, 2014.
- Stokoe 2005 (1960) — W. Stokoe. *Sign language structure: An outline of the visual communication systems of the American deaf* // *Journal of Deaf Studies and Deaf Education* 10(1), 2005. P. 3–37.

К. С. Клименок

СПбГУ, Санкт-Петербург

ПРЕДЛОЖНОЕ КОДИРОВАНИЕ ЦЕЛИ ПРИ ГЛАГОЛАХ ДВИЖЕНИЯ *SHKOJ* И *VIJ* В АЛБАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Доклад посвящен особенностям употребления предлогов с пространственной семантикой, таких как *nga* ‘от, из, в’, *në* ‘в’ и *tek* ‘к’, при глаголах движения *shkoj* ‘идти’ и *vij* ‘приходить’ в албанском языке.

Албанский относится к числу языков, где цель и источник движения могут маркироваться одинаково (англ. source/goal ambiguity «омонимия цели и источника», по [Nikitina 2009: 1116]). Эти значения в албанском могут выражаться предлогом *nga* (1)–(2). Если для кодирования источника движения используется только предлог *nga*, то цель может быть оформлена также предлогами *tek* (3) (6 примеров в выборке с *vij*, 6 — *shkoj*) и *në* (4) (31 пример со *shkoj*, 20 — *vij*). Закономерности распределения предлогов *nga*, *tek* и *në* в функции маркеров цели при глаголах движения остаются неизученными.

- (1) *Unë ja-m gazetar, ka-m*
я.NOM быть-PRS.1SG журналист.NOM.SG.INDF иметь-PRS.1SG
ardhur nga Kosov-a.
прибывать.ПТСР из Косово-NOM.SG.DEF
‘Я — журналист, прибыл из Косово’ [Ibrahim Kadriu, Spirale muzgu, 2002].
- (2) *Unë do të shko-j pak*
я.NOM FUT SBJV ходить-PRS.1SG немного
nga spital-i.
к больница-NOM.SG.DEF
‘Я схожу к больнице’ [Dritëro Agolli, Trëndafilë në gotë, 1970–1979].

- (3) *S'të pëlqe-n të shko-j*
NEG=ты.DAT нравиться-PRS.2SG SBJV ходить-SBJV.PRS.1SG
tek Yll-i?
к Юллы-NOM.SG.DEF
'Тебе не нравится, что я хожу к Юллы?' [Fatos Kongoli, Ne të tre, 1985]
- (4) *Shko-n në Paris!*
ездить-PRS.2SG в Париж.ACC.SG.INDF
'Ты едешь в Париж!' [Gustave Flaubert, Zonja Bovari, 2000–2009]
- (5) *Mos erdh-i këtej*
NEG приходит-АOR.3SG туда
nga fshat-i, xhaxha?
в деревня-NOM.SG.DEF дядя.NOM.SG.INDF
'Он не приходил туда, в деревню, дядя?' [Jakov Хоха, Lumi i vdekur, 1967 (2002)]

Исследование проведено на материале Албанского национального корпуса (АНК) и на основе данных, полученных методом анкетирования. Сочетания глаголов *shkoj* и *vij* с предложной конструкцией, указывающей на цель движения, анализировались с учетом таких параметров, как способ движения к объекту-ориентире [Майсак 2005: 118–119], расположение участников ситуации, тип дискурса или *режим интерпретации* (нарративный и диалогический) [Падучева 2010: 265], семантический класс ориентира (предмет, место, одушевленный объект и др., см. также [Плунгян 2002: 75–82]).

Анализ примеров из АНК (размер конечной случайной выборки составил 181 пример, 97 — *shkoj*, 84 — *vij*) показал, что все три предлога способны употребляться как в диалогическом, так и в нарративном режиме с глаголами *vij* и *shkoj* вне зависимости от расположения участников и от того, о каких лицах идет речь (ср. примеры (2) и (5) с предлогом *nga*).

Далее были выявлены некоторые закономерности в употреблении предлогов при выражении разных значений внутри семан-

тической зоны директива. Так, в примере (2) значение, выраженное предлогом *nga*, можно интерпретировать как терминатив (движение до границ ориентира, рус. *дойти до дома*) или аллатив (перемещение в сторону ориентира, без указания на достижение или недостижение конечной цели: *поехал к морю*) [Ганенков 2002: 39–41]. Герой либо собирается дойти до больницы, не заходя в нее, либо вообще не стремится достичь больницы и лишь сообщает о намерении осуществить движение, конечная цель которого не важна, в сторону, где она находится. В примере (4) перемещение в Париж, выраженное предлогом *në*, подразумевает вхождение в его пределы, т.е. латив («ездишь в Париж» значит «оказываешься в его границах и находишься внутри»).

Кроме этого, на материале АНК нам удалось выявить зависимость выбора предлога, кодирующего цель, от семантического класса ориентира. На этом этапе исследования мы условно выделили 8 типов ориентиров и показали, что, хотя сферы употребления *nga*, *tek*, *në* часто совпадают, не все типы ориентиров одинаково регулярно встречаются со всеми тремя предлогами. Например, предлог *tek* встретился только в сочетании с ориентирами типа «одушевленный объект», «место» и «абстрактное понятие». В дальнейшем семантическая классификация ориентиров была уточнена с опорой на [Плунгян 2002]. Выводы, полученные на материале корпуса, были проверены путем анкетирования, результаты которого будут представлены в докладе.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо, ACC — аккузатив, AOR — аорист, DAT — датив, DEF — определенная форма, GEN — генитив, FUT — футурум, INDF — неопределенная форма, NEG — отрицание, NOM — номинатив, PRS — презенс, PL — множественное число, SBJV — конъюнктив, SG — единственное число.

Источники

АНК — Албанский национальный корпус. (web-corpora.net/AlbanianCorpus)

Литература

- Ганенков 2002 — Д. С. Ганенков. Модели полисемии пространственных показателей. Дипломная работа. М., 2002.
- Майсак 2005 — Т. А. Майсак. Типология грамматикализации конструкции с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005.
- Падучева 2008 — Е. В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М: Языки славянской культуры, 2010.
- Плунгян 2002 — В. А. Плунгян. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений. М.: ООО «Русские словари», 2002. С. 57–98.
- Nikitina 2009 — T. Nikitina. Subcategorization pattern and lexical meaning of motion verbs: a study of the source/goal ambiguity // *Linguistics* 47(5), 2009. P. 1113–1141.

Е. Л. Клячко

НИУ ВШЭ — ИЯз РАН, Москва

ФУНКЦИИ РЕФЛЕКСИВНОГО МЕСТОИМЕНИЯ В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В эвенкийском языке рефлексивное местоимение *тэ:п-/мо:п-* [Nedjalkov 1997], как и любое имя, может принимать показатели числа, падежа, принадлежности, например:

- (1) *мо:п* — *мо:-р-ду:-wəp*
RFL RFL-PL-DATLOC-RFL
'себе самим'
- (2) *орон* — *оро-р-ду:-wəp*
олень олень-PL-DATLOC-RFL
'своим оленям'

Показатель принадлежности может быть не только рефлексивным (ср. (3) и (4), (5)); в последнем случае в некоторых грамматиках форма считается не рефлексивной, а «определяющей» [Константинова 1964].

- (3) *əldun-d'i* *kuptu-hta* *мо:п-ми*
покрышка.для.чума-INSTR накрыть-IMPER.1SG RFL-ACC.RFL
'Накрою-ка я себя крышкой' (Чиринда, 2007).
- (4) *ahi:-wi* *gərbi:-n* *maša*
жена-PS1SG имя-PS3SG Маша
мо:ни-ни *əpə jəkəŋdə-wa:n-duk*
RFL-PS3SG это Эконда-RESID-ABL
'Мою жену зовут Маша. Сама она из экондинцев' (Эконда, 2007).

¹ Исследование поддержано грантом РНФ № 17-18-01649 «Динамика языковых контактов в циркумполярном регионе».

- (5) *omolgi:-li-n_i užə bəjə-l hagdi-l kali-l*
сын-PL-PS3SG уже человек-PL взрослый-PL большой-PL
mo:-r-tin_i hawal-d'a-ra-∅
RFL-PL-PS3PL работать-IPFV-NFUT-3PL
'Сыновья ее уже взрослые люди, большие. Сами работают'
(Хантайское Озеро, 2011).

Материалом служит корпус текстов, записанных в экспедициях НИВЦ МГУ 2007–2018 гг. в Томской и Иркутской областях, Красноярском крае. Проводилось также анкетирование носителей².

Цель работы — установить сферу действия рефлексивного местоимения в эвенкийском языке, в том числе с личными притяжательными показателями. В корпусе они почти не встречаются, что может быть следствием его небольшого объема (около 25 тыс. словоупотреблений). В (6) antecedent выражен в предшествующих клаузах (враги героя). В (7) antecedentом является слушающий.

- (6) *usta-wa-tin mana-sa luki:-l-wa-tin*
весь-ACC-PS3PL закончить-PANT стрела-PL-ACC-PS3SG
d'awa-na garpa-wki: mo:-r-tiki:-tin
схватить-CV SIM выстрелить-PNAV RFL-PL-ALL-PS3PL
'Всех прикончил, хватая их стрелы, стрелял по ним самим'
(Эконда, 2007).
- (7) *mo:-r-bo-hun=da: namalgi:-d'aŋa:-n*
RFL-PL-ACC-PS2PL=FOC согреть-FUT-3SG
'Ведь вас самих он согреет' (Чиринда 2007).

Результаты:

- рефлексивное местоимение с личными притяжательными показателями отсылает ко второму по степени выделенности участнику ситуации в той же клаузе (ср. (8) и (9)) (возможно, интерпретация зависит от управления глагола *hanju:kta-*; некоторые носители допускают интерпретацию второго типа в (9) для других форм рефлексивного местоимения). Личное местоимение указывает на иное лицо (10).

² Анкетирование проводилось в 2014, 2016, 2018 гг. в с. Юкта (ЭМР, Красноярский край), с. Ербогачен и с. Токма (Катангский район, Иркутская область).

- (8) *bi hanju:kta-Ø-m kola-wa_i mo:n-ma-n_i*
 1SG спросить-NFUT-1SG Коля-ACC RFL-ACC-PS3SG
 ‘Я спросил Колю_i про него_i самого’.
- (9) *bi_j hanju:kta-Ø-m kola-wa_i mo:n-mi_j*
 1SG спросить-NFUT-1SG Коля-ACC RFL-ACC.RFL
 i. ‘Я_j спросил Колю_i про себя_j’
 ii. ??‘Я спросил Колю_i про него_i самого’.
- (10) *bi hanju:kta-Ø-m kola-wa_i nuŋanman_j*
 1SG спросить-NFUT-1SG Коля-ACC 3SG.ACC
 i. ‘Я спросил Колю про него (иное лицо)’
 ii. ??‘Я спросил Колю_i про него_i самого’.
- в подчиненной клаузе рефлексивное местоимение с личными притяжательными показателями отсылает к субъекту главной клаузы (ср. (11) и (12)). Оно может быть заменено на личное анафорическое местоимение: (13) интерпретировалось аналогично (11), хотя, видимо, возможна и интерпретация, когда оно отсылает к третьему участнику.
- (11) *kaʔa_i əjo:t-tə-n mo:n-ma-n_i doldi-da:-tin*
 Катя попросить-NFUT- RFL-ACC- слушать-CVPURP-
 3SG PS3SG 3PL
 ‘Катя_i попросила, чтобы ее_i послушали’.
- (12) **kaʔa_i əjo:t-tə-n mo:n-mi doldi-da:-tin*
 Катя попросить-NFUT-3SG RFL-ACC.RFL слушать-CVPURP-3PL
- (13) *kaʔa_i əjo:t-tə-n nuŋanman_i doldi-da:-tin*
 Катя попросить-NFUT-3SG 3SG.ACC слушать-CVPURP-3PL
 ‘Катя_i попросила, чтобы ее_i послушали’.

Список условных обозначений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; AVL — аблатив; ACC — аккузатив; ALL — аллатив; CVPURP — деепричастие цели; CVSIM — деепричастие одновременного действия; DATLOC — датив-локатив; FUT — будущее; IMPER — императив; INSTR — инструменталис; IPFV — имперфектив; NFUT — нефутурум; PHAV — причастие обычное; PL — мн. ч.; PS — притяжательный показатель; RESID — житель; RFL — рефлексивное местоимение / притяжательный показатель; SG — ед. ч.

Источники

gisly.net/corpus — корпус текстов НИВЦ МГУ

Литература

- Константинова 1964 — О. А. Константинова. Эвенкийский язык. М. — Л.: Наука, 1964. С. 128–129.
- Nedjalkov 1997 — I. Nedjalkov. Evenki. London: Routledge, 1997. P. 109–111.

Е. В. Коровина

ИЯз РАН, Москва

КОЛЕКСИФИКАЦИИ В БАЗИСНОЙ ЛЕКСИКЕ ЯЗЫКОВ РЕГИОНА НОВОЙ ГВИНЕИ

Определение свойств и границ базисной лексики, как представляется, имеет значение как для лексической типологии, так и для сравнительно-исторического языкознания. Одним из критериев базисности лексики является то, что она гораздо меньше подвержена изменениям в процессе языковых контактов. Соответственно, ее свойства, в частности то, сколько значений у той или иной лексемы (явление колексификации, впервые описанное в [Francois 2008]), которое объединяет омонимию и полисемию) будут обусловлены, прежде всего, историей языка. Интересно посмотреть, насколько это предположение можно описать статистически для региона, характеризующегося большим языковым разнообразием.

Для целей данной работы были взяты лексические списки 335 языков Новой Гвинеи из базы «TransNewGuinea», собранной С. Гринхиллом [Greenhill 2019]. Языки были выбраны из базы таким образом, чтобы для них были заполнены не менее 75% позиций 110-словного списка Сводеша (т.е. в списке было бы не менее 82 слов). Для каждого из языков был составлен список колексификаций, схема колексификаций в пределах списка Сводеша на рисунке ниже (показаны все колексификации, зафиксированные, как минимум, в 4 языках; жирной линией показаны такие, которые зафиксированы в 20 и более языках, а тонкой линией — в 10–19 языках).

Большинство из встреченных пар имеются и в языках других регионов, хотя отдельно следует отметить колексификацию ‘огонь’ — ‘дерево’, которая за пределами региона редка.

Далее для каждой пары языков было вычислено расстояние между их координатами, а также степень схожести их колексификаций.

фикаций по формуле $\frac{\text{количество общих колексификаций}}{\text{общее количество колексификаций в обоих языках}}$, затем был вычислен коэффициент корреляции между этими значениями. Они приведены в таблице ниже:

	Все	110-словник	50-словник
Все языки	-0,144	-0,025	-0,039
Внутри генетических групп	-0,182	-0,093	0,007

Видно, что, если мы берем все имеющиеся в данных лексических списках колексификации, имеется довольно слабая корреляция между географическим расстоянием и степенью сходства, в 110-словниках же эта корреляция значительно меньше, т.е. сходство в меньшей степени обусловлено их географической близостью. Причем в обоих случаях, когда речь идет о языках одной и той же подгруппы, географическая близость влияет сильнее, чем в случае языков из разных групп. Однако при проведении аналогичных расчетов для предполагаемого ядра списка Сводеша — ядра базисной лексики [Starostin 2010] — соотношение носит другой характер, и внутри одной и той же группы корреляции фактически нет. Этот факт нуждается в дальнейшей проверке на языках других групп и регионов и может быть статистически недостоверным.

Литература

- François 2008 — A. François. Semantic maps and the typology of colexification: intertwining polysemous networks across languages // M. Vanhove (ed.). From Polysemy to Semantic Change, Studies in Language Companion Series. Vol. 106. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 163–215.
- Greenhill 2019 — S. Greenhill. TransNewGuinea.org. 2019. (transnewguinea.org/)
- Starostin 2010 — G. Starostin. Preliminary lexicostatistics as a basis for language classification: A new approach // Journal of Language Relationship 3, 2010. P. 79–116.

Н. Н. Логвинова

НИУ ВШЭ — ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

**ПРИИМЕННЫЕ КЛАУЗАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
С ПРИЧАСТИЯМИ НА -AGAN/-EGEN И -NƏ/-NĚ
В МАЛОКАРАЧКИНСКОМ ГОВОРЕ
ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА**

Чувашские причастия на *-agan/-egen* и *-nə/-ně* в малокарачкинском говоре распределены следующим образом: форма на *-agan/-egen* используется, если действие причастия одновременно времени говорения, а также в случае одновременности или следования действия зависимой клаузы действию главной, а форма на *-nə/-ně* — при предшествовании.

Релятивизации причастиями на *-agan/-egen* и *-nə/-ně* доступна большая часть синтаксических позиций, представленных в иерархии [Keenan, Comrie 1977: 66]. Существуют следующие ограничения: не релятивизируются ИГ, в главной клаузе кодирующиеся каритивом, а также ИГ, выражающие стандарт сравнения. В случае релятивизации посессора значим параметр отчуждаемости — при отчуждаемом обладаемом релятивизация затруднена:

- (1) *arəmə / *poskil ěne su-nə ěin*
жена сосед корова доить-PC_PST человек
taşla-ma kaj-ma pol-dar-at
танцевать-INF идти-INF быть-CAUS-NPST[3SG]
'Человек, у которого жена/ соседка подоила корову, может идти танцевать'.

Вместе с тем модификация имен посредством сентенциальных зависимых в малокарачкинском говоре не ограничивается только относительными конструкциями в привычном понимании. Так, возможны т. н. *обобщенные приименные каузальные конструкции* [Matsumoto, Comrie 2017]. ОПКК обнаруживаются в неродствен-

ных языках, в том числе некоторых тюркских (ср. якутский [ibidem: 251]). Отличительной чертой этого класса конструкций является отсутствие или редукция синтаксических ограничений на связь между именной вершиной и ее клаузальным модификатором [ibidem: 8]. К ОПКК, с одной стороны, относятся конструкции (i) с зависимым, передающим содержание того, что указано в вершине, или (ii) с зависимым при именах типа ‘звук’, ‘запах’ и т.п., а с другой стороны — (iii) т.н. фреймовые конструкции, в которых существительное в вершине не соотносится с актантом или сирконстантом в зависимой предикации. В примерах (2)–(3) иллюстрируются структуры типа (i) и (ii), полученные при элицитации.

- (2) [petʃə maʃinə il-nə] səmax jal-da
 Петя машина брать-PC_PST слово деревня-LOC
 teateas tox-sa
 быстро выходить-CV_SIM
 ‘Слух, что Петя купил машину, быстро прошел по деревне’.
- (3) [aʃ zəritʃ tu-nə] ʃərzə kil-tə-ë
 мясо жарить делать-PC_PST запах идти-PST-3SG
 ‘Почувствовался запах жарящегося мяса’.

Из фреймовых конструкций допустимы такие, в которых вершина конструкции соотносится с описываемой в зависимой клаузе ситуацией как результат этой ситуации (4) или элемент, обыкновенно ее сопровождающий (5).

- (4) jəp numaj ərlalə poʃtar-nə kəkolʃ
 я много ягода собирать-PC_PST пирог
 stəʃi ɛ-in-dʒe lar-at
 стол верх-P_3-LOC сидеть-NPST[3SG]
 ‘Пирог такой, что я собрал много ягод, стоит на столе’.
- (5) ebə muzika itlə-nə vino
 я музыка слушать-PC_PST вино
 ‘Вино такое, что я слушаю музыку’.

Существование таких структур можно рассматривать как аргумент против отдельного механизма релятивизации как такового

[de Vries 2002: 14]. В примерах (2)–(5) существительные в вершине не могут быть соотнесены ни с какой позицией (*gap* [ibidem]) внутри зависимой клаузы. Основание, на котором клаузальные зависимые в примерах (2)–(5) выступают в качестве модификаторов, представляется не синтаксическим, а семантическим.

Аргументом в пользу такого анализа является слабый характер синтаксической связи между вершиной и ее клаузальным модификатором, проявляющийся в других свойствах определительных конструкций в исследуемом идиоме. В примере (6) является в сочиненных зависимых релятивизируются различные синтаксические позиции (прямого и косвенного дополнения) при одном и том же вершинном имени *kino* ‘кино’:

- (6) [*man pitei ukër-në*] *tada* [*man-ən joldaş*
 я.OBL брат снять-PC_PST и я.OBL-GEN друг
xər-agan] *kino*
 бояться-PC_PST кино
 ‘Фильм, который снял мой брат и которого боится мой друг’.

В примере (7) иллюстрируется эллипсис идентичной причастной формы при сочинении двух относительных клауз при одной вершине:

- (7) [[*camrak tɔxn'a kiril-a jorat-nə*] *i/tada*
 молодость во.время Кирилл-OBJ и
 [*vatləx-ra artur jorat-nə*]] *xər₁ arəm₂*
 старость-LOC Артур любить-PC_PST женщина_{1,2}
 ‘Женщина, которая в молодости любила Кирилла, а в старости была любима Артуром’.

В докладе планируется представить обобщенный подход к анализу определительных конструкций и ограничений на их образование в малокарачкнском чувашском.

Список условных сокращений

3 — 3-е лицо; CAUS — каузатив; CV_SIM — деепричастие одновременно; INF — инфинитив; GEN — генитив; LOC — локатив; OBJ — аккуза-

тив, OBL — косвенная форма; NPST — непрошедшее время; P_3 — possessивность 3-го лица; PC_PST — причастие прошедшего времени; SG — ед. число.

Литература

- Keenan, Comrie 1977 — E. L. Keenan, B. Comrie. Noun phrase accessibility and Universal Grammar // *Linguistic Inquiry*, 8, 1977. P. 63–99.
- Matsumoto, Comrie 2017 — Y. Matsumoto, B. Comrie, P. Sells. Noun-Modifying Clause Constructions in Languages of Eurasia: Rethinking Theoretical and Geographical Boundaries. [Typological Studies in Language 116]. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2017.
- de Vries 2002 — M. de Vries. *The Syntax of Relativization*. Utrecht: LOT, 2002.

А. А. Мельник

МГУ, Москва

СУФФИКС *-as-* В КАЗЫМСКОМ ДИАЛЕКТЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА¹

В данной работе будет рассмотрен хантыйский глагольный суффикс *-as-* (*-əs-*). В [Каксин 2010] указывается широкий спектр его значений: непереходность, переходность, возвратность и длительность действия. Однако подробного описания не представлено. Мы остановимся на его непереходном значении и выявим его близость с показателями пассива.

Суффикс *-as-* может использоваться для понижения статуса как исходного агенса, так и исходного пациенса. Основываясь на словарных данных по [Соловар 2014] и данных, собранных методом анкетирования носителей в селе Казым в 2019 год, мы выделили две основные стратегии. Рассмотрим оба случая.

1. Если от исходного глагола (1а) образуются также и аффиксальные производные с детранзитивным суффиксом *-ant-*, то они оказываются дополнительно распределены с производным глаголом, образованным с помощью суффикса *-as-*, а именно: *-ant-* борется с пациенсом, *-as-* — с агенсом, и для рассматриваемой единицы *-as-* возможность употребления детранзитивно блокируется (1b–c):
- (1) а. *aś-εm* *juχ* *sewər-λ*
отец-POSS.1SG дерево рубить-NPST.3SG
'Папа рубит деревья'.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ №19-012-00627 «Семантика и синтаксис урало-алтайских языков в функционально-типологической и формальной перспективах».

b. *aś-em* *sɛwr-ant-λ* / **sɛwr-əs-λ*
 отец-POSS.1SG рубить-DETR-NPST.3SG рубить-DETR-NPST.3SG
 ‘Папа рубит (занимается рубкой)’.

c. *jux* *kɛn-a* *sɛwr-əs-λ* /
 дерево легкий-DAT рубить-DETR-NPST.3SG
 **sɛwr-ant-λ*
 рубить-DETR-NPST.3SG
 ‘Деревья хорошо рубятся’.

2. Если от исходного глагола (2a) возможно образовать только производные с суффиксом *-as-*, то этот показатель одновременно является и детранзитивизатором (2b), и пассивизатором (2c). При этом агенс выражается так же, как при обычном пассиве (2d).

(2) a. *ank-em* *χəs* *oλ* *woj* *suχ*
 мать-POSS.1SG двадцать год зверь кожа
tǎn-λ
 мять_шкуру-NPST.3SG
 ‘Моя мама 20 лет мнет шкуры’.

b. *ank-em* *χəs* *oλ* *tǎnλ-əs-λ*
 мать-POSS.1SG двадцать год мять_шкуру-DETR-NPST.3SG
 ‘Моя мама мнет шкуры (занимается выделкой шкур)’.

c. *wɳli* *suχ* *kɛn-a* *tǎnλ-əs-λ*
 олень кожа легкий-DAT мять_шкуру-DETR-NPST.3SG
 ‘Шкура оленя легко мнется’.

d. *ank-em-ən* *wɳli* *suχ* *jǎta*
 мать-POSS.1SG-LOC олень кожа хорошо
tǎnλ-əs-λ / *tǎnλ-a*
 мять_шкуру-DETR-NPST.3SG мять_шкуру-PASS.3SG
 ‘Шкура оленей хорошо мнется моей мамой’.

Основываясь на представленных данных, можно утверждать, что для суффикса *-as-* верно, что если для глагола он является детранзитивизатором, то он является и пассивизатором.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; DAT — датив; DETR — детранзитив; LOC — локатив; NPST — непрошедшее время; PASS — пассив; POSS — посессивность; SG — единственное число.

Литература

- Каксин 2010 — А. Д. Каксин. Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет, 2010.
- Соловар 2014 — В. Н. Соловар. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Ханты-Мансийск: Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, 2014.

С. К. Михайлов

НИУ ВШЭ, Москва

ДВА КОНТЕКСТА КОНКУРЕНЦИИ ДВУХ СЕВЕРОХАНТЫЙСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПОСЕССИВНОСТИ¹

В финно-угроведческой литературе хорошо известны случаи, когда семантика посессивных показателей выходит за рамки обычного обладания [Бубрих 1949: 53–56; Nikolaeva 2003; Кашкин 2010], [Simonenko 2014]. Наиболее типичным является развитие POSS.3SG в показатель специфичности или определенности. Неожиданной представляется ситуация в северохантыйском языке, где одним из таких посессивов является POSS.2SG — *-en/-an*.

Для этого показателя характерны многие контексты определенности [König 2018], например, контексты локальной уникальности:

- (1) *an-en* *mi-je*²
чашка-POSS.2SG дать-IMP.SG.SG
‘Передай чашку’.

Контекст А: На столе стоит одна чашка ⇒ ОК

Контекст Б: На столе стоит несколько чашек ⇒ #

В контекстах глобальной уникальности возникает конкуренция с показателем POSS.1PL. В таком случае наблюдается предпочтение в пользу последнего:

- (2) а. *kāt χātλ mār śi χātλ-*(ew)*
два солнце в EMPH солнце-POSS.1PL
paλəŋ saĵ-ən ən kǎλ
туча за-LOC NEG быть.видным[NPST.3SG]
‘Уже два дня солнце не видно из-за облаков’.

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 году.

² Данные были получены методом элицитации.

b. ... ^{OK} *χatl-en* ...
солнце-POSS.2SG

Еще один контекст употребления *-en* представляют имена собственные. В этом случае употребление *-en* обязательно:

(3) *pavl-*(en) mǎn-s mašinaj-ən belijar-a*
Павел-POSS.2SG идти-PST[3SG] машина-LOC Белоярский-DAT
'Павел ехал на машине в Белоярский {...}'.

Более того, в контекстах, в которых референт неизвестен говорящему, но известен адресату, *-en* также возможен:

(4) a. {Девушка представилась Машей, сказала, что ищет Васю.
Говорю Васе:}

mulšər maša-(en) juχət-ijəl-s, nǎŋti
какой-то Маша-POSS.2SG прийти-FREQ-PST[3SG] ты.ACC
kanš-əs
искать-PST[3SG]
'Приходила какая-то Маша, тебя искала'.

b. {Девушка представилась Машей, сказала, что ищет Васю.
Рассказываю третьему другу:}

mulšər maša-(#en) juχət-ijəl-s,
какой-то Маша-POSS.2SG прийти-FREQ-PST[3SG]
was'a-jen kanš-əs
Вася-POSS.2SG искать-PST[3SG]
'Приходила какая-то Маша, Васю искала'.

Исходя из этих данных, мы предполагаем, что ключевым условием для расширенного употребления *-en* является «уникальная идентифицируемость адресатом» (что характерно для определенных артиклей [König 2018]).

Однако при таком взгляде необходимо объяснить выбор в пользу POSS.1PL, а не POSS.2SG в контекстах глобальной уникальности (2). Возможное объяснение состоит в том, что высказывание с POSS.1PL логически сильнее, чем высказывание с POSS.2SG, а следовательно, употребление последнего вместо первого могло бы породить Q-импликатуру «твой, но не наш» вопреки намерениям говорящего [Horn 2006]. Именно это наблюдается в (5):

- (5) *tām χǎtl-ət tōrm-ew/-(#en) wewtam*
этот день-PL небо-POSS.1PL/-POSS.2SG плохой
'Погода в последнее время плохая'.

Комментарий информанта *-en*: «Друг из города зовет в гости, но я отказываюсь: „Погода плохая будет (в городе). Чего под дождем ходить!“»

Почему же тогда подобный эффект не наблюдается с именами собственными? Выбор в пользу POSS.2SG может объясняться необходимостью маркировать идентифицируемость референта, названного именем, для адресата.

Мы предполагаем, что имена собственные несут в себе пресуппозицию идентифицируемости³. Пример (6) иллюстрирует это явление на русском материале с использованием теста «Ну, wait a minute!», указывающего на наличие неаккомодированной пресуппозиции [von Fintel, Matthewson 2008].

- (6) {Адресат не знает Машу}.

А: #Представляешь, Маша женилась.

Б: Подожди, какая Маша?

С именами собственными *-en* способствует аккомодации этой пресуппозиции.

Можно также предположить, что механизм Q-импликатуры в таком случае не срабатывает, поскольку причина для употребления *-en* и так ясна для адресата, следовательно, нет оснований для Грайсианского рассуждения [Grice 1975].

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лица; ACC — аккузатив; DAT — датив; EMPH — усиленная частица; FREQ — фреквентатив; IMP — императив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; PL — плюралис; POSS — посессив; PST — претерит; SG — сингулярис.

³ В [Miron-Fulea 2011] предлагается более сложная пресуппозиция, которая приводит к такому же эффекту.

Литература

- Бубрих 1949 — Д. В. Бубрих. Грамматика литературного коми языка. Л.: ЛГУ им. А. А. Жданова, 1949.
- Кашкин 2010 — Е. В. Кашкин. Дискурсивные функции посессивных показателей в тегинском говоре хантыйского языка. Отчет о работе в экспедиции в с. Теги Березовского р-на ХМАО, 2010.
- Horn 2006 — L. R. Horn. Implicature // G. Ward, L. Horn (eds.). *Handbook of Pragmatics*. [Blackwell handbooks in linguistics 16]. Oxford: Blackwell, 2006. P. 3–28.
- von Fintel, Matthewson 2008 — K. von Fintel, L. Matthewson. Universals in semantics // *The Linguistic Review* 25 (1/2), 2008. P. 139–201.
- Grice 1975 — H. P. Grice. *Logic and Conversation* // P. Cole and J. L. Morgan (eds.). *Syntax and Semantics 3: Speech Acts*. New York: Academic Press, 1975. P. 41–58.
- König 2018 — E. König. Definite articles and their uses // D. Olmen, T. Mortelmans, and F. Brisard (eds.). *Aspects of Linguistic Variation*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2018. P. 165–184.
- Miron-Fulea 2011 — M. Miron-Fulea. Proper Nouns and the Prior Denomination Feature // *Analele Universității „Ovidius” din Constanța. Seria Filologie*, XXII (2), 2011. P. 11–24.
- Nikolaeva 2003 — I. Nikolaeva. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: Evidence from Uralic // P. M. Suihkonen, B. Comrie and S. A. Maksimov (eds.). *International Symposium on Deictic Systems and Quantification in Languages Spoken in Europe and North and Central Asia. Collection of Papers*. Izhevsk: Udmurt State University, 2003. P. 130–145.
- Simonenko 2014 — A. Simonenko. Microvariation in Finno-Ugric possessive markers // *Proceedings of the Forty-Third Annual Meeting of the North East Linguistic Society (NELS 43) 2*, 2014. P. 127–140.

Д. И. Мотора

МГУ, Москва

**ХАНТЫЙСКОЕ КАՖӘД:
НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ МЕСТОИМЕНИЕ
С СЕМАНТИКОЙ СВОБОДНОГО ВЫБОРА
ИЛИ УНИВЕРСАЛЬНОЕ КВАНТОРНОЕ СЛОВО¹**

В казымском диалекте хантыйского языка семантическая карта неопределенных местоимений содержит одну базовую серию, образованную в основном от вопросительных местоимений, которая используется в большинстве функций [Haspelmath 1997: 3]: *specific known, specific unknown, irrealis non-specific, question, conditional*. В функции *direct negation* употребляется серия отрицательных местоимений², в функции *free choice* — серия неопределенных местоимений с препозитивным показателем *кыӑ* и конструкции с УКС *каӑӑ*. В функции *comparative* большинство опрошенных носителей³ используют конструкции с УКС *каӑӑ*.

Согласно данным словаря [Соловар 2014], прилагательное *каӑӑ* имеет одно значение — ‘каждый’ (*Каждый человек чем-то помогает*), однако в языке современных носителей казымского диалекта хантыйского языка развивается и значение ‘любой’.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-012-00627 «Семантика и синтаксис урало-алтайских языков в функционально-типологической и формальной перспективах».

² Контексты непрямого отрицания (*indirect negation*) систематически избегались носителями (перефразировались в прямое отрицание), поэтому выводов об использовании той или иной серии неопределенных местоимений для этой функции не делается.

³ Материал собран в июле 2019 г. в экспедиции в с. Казым Белоярского района Ханты-Мансийского автономного округа (Югры), в основном методом анкетирования.

Мы рассмотрим, в каких случаях УКС *kašəŋ* употребляется как неопределенное местоимение свободного выбора, и чем это может быть обусловлено.

1. *kašəŋ* в контекстах свободного выбора

- (1) a. *tułsər taw wɨj-e*
какой.INDEF конфета брать.IMP
'Возьми какую-нибудь [одну] конфету'.
b. *kašəŋ taw wɨj-e*
каждый конфета брать.IMP
i. % 'Возьми любую [одну] конфету';
ii. % 'Возьми каждую конфету [т. е. все]'.
(2) {Какую конфету [из этих на столе] можно взять? —
Да любую.}
a. *kɨš kašəŋ wɨj-e*
EMPH каждый брать.IMP
i. % 'Хоть какую бери/Да любую бери'.
ii. % 'Хоть каждую бери [хоть все забирай]'.
b. *kāšən wɨj-e*
каждый брать.IMP
i. % 'Да любую бери / Какую угодно бери'.
ii. % 'Все забирай'.

Интерпретация *kašəŋ* со значением 'каждый' (т. е. как УКС) сохраняется у одного из восьми опрошенных носителей, для остальных в контекстах (1), (2) корректным переводом *kašəŋ* будет местоимение с семантикой свободного выбора — 'один любой из заданного множества'. Это распределение верно и для контекстов, где множество нереферентно:

- (3) {Любую проблему мы можем решить}.
kāšən wər wɨrti pāk-λ-ew
любой дело сделать мочь-NPST-1PL
i. % 'Любое дело сделаем'.
ii. % 'Каждое [все на свете] дело сделаем'.

- (4) {Любую песню могу выучить с этими детьми, даже очень сложную}.
- tām nāwrem-ən pīla kašəŋ ar wəŋəltə-ti*
 DEM ребенок-POSS.2SG вместе каждый песня учить-INF
pāk-λ-ət
 мочь-NPST-1SG
- i. % ‘Любую песню могу выучить с этими детьми’.
- ii. % ‘Каждую песню [т. е. все песни на свете] могу выучить с этими детьми’.

2. *kašəŋ* в контекстах сравнения

Для этих контекстов в современном хантыйском опрошенные носители не находят подходящей серии местоимений; точнее будет сказать, что первой реакцией обычно является предложение вообще без неопределенного местоимения: «Петя бежит быстрее, чем кто-либо в классе» — «Петя бежит быстрее, чем другие дети, Петя бежит быстрее всех» и т. д. Базовая серия неопределенных местоимений не употребляется здесь, по-видимому, из-за того, что не обязательно замещает все элементы референтного множества:

- (5) *petja-en xəxəl-λ mułsər*
 Петя-POSS.2SG бегать-NPST[3SG] какой.INDEF
nəwrem-ət ewəlt sora-šək
 ребенок-PL из быстро-COMP
- i. ‘Петя бежит быстрее каких-то детей [а каких-то — медленнее]’.
- ii. *‘Петя бежит быстрее, чем кто-либо из детей’.
- (6) *petja-en kašəŋ nəwrem kiŋša sora*
 Петя-POSS.2SG каждый ребенок чем быстро
xəxəl-λ
 бегать-NPST[3SG]
 ‘Петя бежит быстрее любого ребенка’.

В примере (6) *kašəŋ* замещает все элементы множества, а в примерах (1)–(4) — в зависимости от интерпретации — может замещать только один произвольно выбранный элемент. Соответственно, мы можем говорить о развитии из исходного УКС *kašəŋ*

серии местоимений свободного выбора. В докладе будут подробнее обсуждаться причины возможные причины этого расширения семантики УКС: в частности, можно ли определить такие общие компоненты семантики между неопределенными местоимениями свободного выбора и УКС, как выделяет [Bhat 2000] между неопределенными и вопросительными местоимениями, объясняя феномен совпадения этих серий в некоторых языках.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; COMP — компаратив; DEM — указательное местоимение; EMPH — эмфатическая частица; IMP — императив; INDEF — неопределенность; INF — инфинитив; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — посессивность; SG — единственное число.

Литература

- Соловар 2014 — В. Н. Соловар. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Ханты-Мансийск: Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, 2014.
- Bhat 2000 — D. N. S. Bhat. The indefinite-interrogative puzzle // *Linguistic Typology* 4, 2000. P. 365–400.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. *Indefinite Pronouns*. Oxford: Clarendon Press, 1997.

Н. А. Муравьев
НИУ ВШЭ, Москва

**ЗАЧЕМ ПРОДВИГАТЬ В СУБЪЕКТНУЮ ПОЗИЦИЮ
ПЕРИФЕРИЙНОГО УЧАСТНИКА:
ПАССИВ ДВИЖЕНИЯ В КАЗЫМСКОМ
ДИАЛЕКТЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА**

Пассив в хантыйском языке относится к ядру глагольного словоизменения и является одним из основных средств поддержания топика в дискурсе, в связи с чем рассматривается в большей степени как средство продвижения несубъектных участников в смысле [Givón 1981], чем как средство подавления агенса по [Shibatani 1985], ср. например [Nikolaeva 1999: 30; Кошкарева 2002: 35]. Данная форма используется для топикализации не только прямого объекта, но также непрямого объекта при битранзитивных глаголах. Однако функциональность хантыйского пассива еще шире, так что он сочетается с некоторыми глаголами движения, которые относятся к многовалентным непереходным глаголам. В таких употреблении пассив продвигает в позицию субъекта некоторого одушевленного участника, не относящегося к ядерным участникам этих глаголов. В данном исследовании, проведенном на полевом и текстовом материале казымского диалекта хантыйского языка¹, предпринимается попытка подробно рассмотреть свойства пассива в таких конструкциях, сопоставить пассив движения со стандартным употреблением пассива и найти обоснование этому явлению.

К глаголам движения, допускающим пассивизацию, относится, например, *juχatti* ‘приходить’ в казымском хантыйском, при котором участник с ролью конечной точки кодируется дативом (1) или послеложной группой (2).

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ №19-78-10139 «Аргументная структура, залог и актантная деривация в языках Западной Сибири».

- (1) *waša-jen wənt-a juχt-əs*
Вася-ART лес-DAT прийти-PST[3SG]
'Вася пришел в лес'.
- (2) *waša-jen maša-jen χoši juχt-əs*
Вася-ART Маша-ART к прийти-PST[3SG]
'Вася пришел к Маше'.

Оба контекста далеки от прототипа переходной клаузы, поэтому, как видно из (3) и (4), ожидаемо не допускают пассивизацию.

- (3) **wənt maša-jen-ən juχət-s-a*
лес Маша-ART-LOC прийти-PST-PASS[3SG]
'В лес пришла Маша'.
- (4) **waša-jen maša-jen-ən juχət-s-a*
Вася-ART Маша-ART-LOC прийти-PST-PASS[3SG]
'К Васе пришла Маша'.

Тем не менее при соблюдении ряда условий пассивизация оказывается возможной. Трасктор движения, выраженный ИГ в локативе, должен иметь неопределенный референциальный статус, как, например, *χujat* 'кто-то' в (3) и (4), а в субъектной позиции должен оказаться либо участник с ролью конечной локализации и определенным посессором (3) либо сам посессор невыраженной, но восстанавливаемой из контекста конечной локализации (4).

- (3) *wənt-ew / *wənt χujat-ən juχət-s-a*
лес-POSS.1PL лес кто.INDEF-LOC прийти-PST-PASS[3SG]
'В наш лес кто-то пришел'.
- (4) *maša-jen χujat-ən juχət-s-a*
Маша-ART кто.INDEF-LOC прийти-PST-PASS[3SG]
'К Маше кто-то пришел'.

Таким образом, формально мы имеем дело с продвижением в субъектную позицию конечной локализации движения, но обязательность определенного посессора в (3) и метонимический сдвиг с обладаемого пространства на посессора в (4) свидетельствуют в пользу топикализации обладателя конечной локализации, которая происходит вопреки периферийной роли этого участника в аргументной структуре таких глаголов. В докладе предлагается ана-

лиз пассива движения в рамках теорий когнитивной грамматики [Langacker 1987] и каузального взаимодействия [Croft 2012] и обсуждаются следствия данного анализа для теории и типологии пассива.

Литература

- Кошкарёва 2002 — Н. Б. Кошкарёва. Коммуникативная парадигма хантыйского предложения // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск. Вып. 12, 2002. С. 29–44.
- Croft 2012 — W. Croft. Verbs: Aspect and Causal Structure. Oxford: OUP, 2012.
- Givón 1981 — T. Givón. Typology and functional domains // Studies in Language 5(2), 1981. P. 163–193.
- Langacker 1987 — R. W. Langacker. Foundations of Cognitive Grammar: Theoretical Prerequisites. Vol. 1. Stanford, CA: Stanford University Press, 1987.
- Nikolaeva 1999 — I. Nikolaeva. Ostyak. [Languages of the World]. München — Newcastle: LINCOM Europa, 1999.
- Shibatani 1985 — M. Shibatani. Passives and related constructions: A prototype analysis // Language 61(4), 1985. P. 821–848.

Т. А. Мухин

НИУ ВШЭ, Москва

АДДИТИВНАЯ И СОЧИНИТЕЛЬНАЯ КЛИТИКИ В РУТУЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Целью данной работы является описание употреблений аддитивной и сочинительной клитик в рутульском языке (нахско-дагестанская семья, лезгинская группа). В своей работе я главным образом использую данные кининского говора рутульского языка (с. Кина, Рутульский район Республики Дагестан). Объем корпуса составляет около 4220 словоупотреблений. При описании функций клитик я во многом основывался на типологической работе Д. Форкер [Forker 2016], а также на описаниях аддитивных клитик в других нахско-дагестанских языках ([van den Berg 2004; Jeschull 2004; Maisak 2015; van Willigen 2018] и др.).

Поскольку сочинительная клитика в кининском выполняет функции, которые в некоторых близкородственных языках выполняются одной лишь аддитивной клитикой, я рассматриваю их вместе. К примеру, в рутульском отрицательные местоимения образуются с помощью сочинительной клитики, тогда как в агульском для этого используется аддитивная [Maisak 2015: 4].

Согласно данным корпуса, в большинстве функций аддитивная клитика =*ха* (=x^ha) ‘и, тоже’ не имеет строгих синтаксических ограничений на своего «хозяина» и употребляется непосредственно с семантической вершиной. Так, «хозяин» =*ха* может быть как синтаксической вершиной группы, так и зависимым, вне зависимости от падежа:

¹ Публикация подготовлена в ходе проведения исследования № 19-04-040 в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2018–2019 гг. и в рамках проекта государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

- (1) *wi kowχa* [[*wi-di*] *dur=xa*] *kowχa*.
ты старшина ты-АТТР имя=ADD старшина
'Ты старшина, и твое имя тоже старшина'.
- (2) [[*salman baba-d=xa*] *xidildi*]
Салман дедушка-АТТР=ADD женщина
r-iq'i-r=a-d
2-умереть.PFV-CVB=быть-АТТР
'У Салман-бабы тоже жена умершая'.

Аддитив *=xa* может присоединяться к существительным, глаголам, атрибутивным формам², местоимениям, адвербиалам и числительным. Сочинительная же клитика *=na* 'и' присоединяется к числительным, местоимениям и существительным.

Аддитивная клитика употребляется в следующих функциях.

1) Аддитивная (добавление информации)

В этой функции *=xa* употребляется в примерах (1) и (2).

2) Контрастивный топик (противопоставление) и **переключение топика**

При контрастивном выделении *=xa* клитизуется ко второму элементу противопоставления:

- (3) ⟨...⟩ [[*žihil*] *gada=xa*] *mi u: šuw*
молодой парень=ADD этот сверху что
hak'a-r=a mi awtobus-a
держать-CVB=быть этот автобус[R]-IN.ESS
χi⁶-b-iχi-d hiši-r=a
PV-PV-1.стоять-АТТР 1.становиться.PFV-CVB=быть
'[Эта девушка молодая сидела там,] а молодой парень за что-то держался, в автобусе стоял'.

² Атрибутивный показатель *-di* в рутульском языке оформляет разные виды зависимых в именной группе, в том числе выполняя функции генитива (который не всегда выделяется как падеж в описаниях рутульского языка и может считаться лишь одной из функций атрибутивной деривации).

3) Концессивная (уступительная)

В этой функции аддитивная клитика присоединяется к условной форме на *-ne (-jne)*:

- (4) *lap hival [lɔvir-ne=x^{na}] je*
 очень дождь дождить.PFV-COND=ADD мы
du-ruʔi-s-i dü-vürke-s.
 НРЛ-идти-INF-FUT НРЛ-гулять-INF
 ‘Даже если пойдет дождь, мы пойдем гулять’. (элицитация)

4) Консекутивная

Консекутивной функцией я называю употребление аддитивной клитики для обозначения начала или конца события, или маркирование нескольких микро-событий в нарративе. В этой функции (не)употребление клитики при указании на смену событий зависит скорее от желания говорящего, а не регулируется какими-либо грамматическими правилами.

- (5) $\langle \dots \rangle$ [*s-e<t>χi-r=x^{na}*] *biga k'imadana*
 PV-(НРЛ)спать.PFV-CVB=ADD завтра рано.утром
 [[*la-ʔ*] *l-üzü-r=x^{na}*] *c'aj-bir*
 вверх-LAT PV-НРЛ.вставить.PFV-CVB=ADD огонь-PL
 [*hiʔi-r=x^{na}*]
 НРЛ.делать.PFV-CVB=ADD
 ‘ $\langle \dots \rangle$ спали, рано утром встали, огонь развели $\langle \dots \rangle$ ’.

5) Симметричное (или эмфатическое) сочинение

В этом случае аддитив выступает при каждом конъюнкте (“X=ADD, Y=ADD”).

Функции клитики =*na*:

1) Асимметричное сочинение

В отличие от симметричного, сочинение с клитикой =*na* прагматически нейтрально. В этой функции =*na* клитизируется только к вершине группы первого конъюнкта (“X=*na* Y”).

2) Образование числительных (дистрибутивных и сложных)

3) Образование некоторых отрицательных местоимений

Таким образом, типологически рутульские клитики близки, согласно известным описаниям, к соответствующим клитикам в родственных языках. Возможно, при более детальном сравнении родственных рутульскому языков можно будет выявить некоторое диахроническое стремление аддитивной/сочинительной клитики в сторону приобретения или утраты тех или иных функций.

Список условных сокращений

1 — 1 класс; 2 — 2 класс; ADD — аддитив; ATTR — атрибутив; COM — комитатив; COND — условный конверб; COP1 — полная форма связки; CVB — конверб; ERG — эргатив; FUT — будущее время; NPL — личное множественное число; IMP — императив; IN.ESS — ин-эссив; INF — инфинитив; LAT — латив; NPL — неличное множественное число; OBL — показатель косвенной основы; PFV — перфективная основа; PL — множественное число; PST — прошедшее время; PV — преверб; QUOT — квотатив; SG — единственное число.

Литература

- van den Berg 2004 — H. van den Berg. Coordinating constructions in Dagestani languages // M. Haspelmath (ed.). *Coordinating Constructions*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2004. P. 197–226.
- Forker 2016 — D. Forker. Toward a typology for additive markers // *Lingua* 180, 2016. P. 69–100.
- Jeschull 2004 — L. Jeschull. Coordination in Chechen / M. Haspelmath (ed.). *Coordinating Constructions*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2004. P. 241–265.
- Maisak 2015 — T. Maisak. The functions of additive markers in two Lezgic languages (Agul and Udi). Paper presented at the workshop “Additives across languages” during the 48th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea, Leiden University Centre for Linguistics, 4 September 2015.
- van Willigen 2018 — C. van Willigen. The Udi additive clitic *-al* in prose discourse // *Родной язык* 1, 2018. P. 6–28.

П. Л. Наследкова

НИУ ВШЭ, Москва

ИСТОЧНИКИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ОТЫМЕННЫХ ПОСЛЕЛОГОВ В НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Адлоги в языках мира часто грамматикализуются из имен [Nagège 2010: 162]. Источником грамматикализации послелогов обычно являются реляционные имена, имеющие значение частей тела ('голова', 'спина'), частей объекта ('перед', 'низ'), областей пространства ('небо', 'юг') и абстрактных объектов ('вещь', 'слово') [ibid.].

Послелогои нахско-дагестанских языков по происхождению делятся на наречные, отыменные и отглагольные. Основной темой данной работы являются послелогои, образованные от имен, обозначающих части тела. В качестве источников использовались грамматики.

Доля послелогов, образованных от названий частей тела, разная в разных языках: от более 80% в рутульском, до 0% в годоберинском, хваршинском и чеченском (рис. 1).

Языки, в которых доля послелогов, образованных от названий частей тела, больше или равна половине — это рутульский, цахурский, табасаранский и крызский. Все эти языки объединяет то, что они долгое время находились в тесном контакте с азербайджанским. Носители рутульского, цахурского и табасаранского живут на границе с Азербайджаном, тогда как на крызском говорят в самом Азербайджане. В азербайджанском языке есть ряд послелогов, образованных от названий частей тела, например, *yanunda* 'рядом, у' (< *yan* 'бок'), *arxasinda* 'за' (< *arxa* 'спина'). Во всех четырех языках, перечисленных выше, встречаются послелогои, образованные от имен с тем же значением (см. рутульское *begida* 'рядом' < *beg* 'бок' (полевые данные), табасаранское *q'äläq* 'позади' < *q'äl* 'спина' [Магометов 1965: 324]).

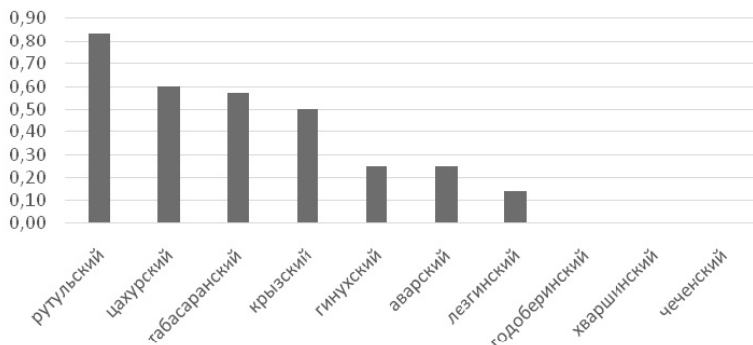

Рис 1. Доля послелогов, образованных от названий частей тела, в нахско-дагестанских языках

Контактное обоснование неравномерного распределения количества послелогов, образованных от названий частей тела, в нахско-дагестанских языках, подтверждается исследованиями по языковым контактам: согласно [Aikhenvald 2007: 28], “Meanings of ⟨...⟩ adpositions are easily calqued from one language to another”, а [Matras 2007: 61] указывает, что адлоги заимствуются чаще, чем другие грамматические категории, такие как числительные, местоимения, словообразовательные и словоизменительные суффиксы.

Литература

- Aikhenvald 2007 — A. Y. Aikhenvald. Grammars in contact. A cross-linguistic perspective // A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). Grammars in Contact. A Cross-Linguistic Typology. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Hagège 2010 — C. Hagège. Adpositions. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Matras 2007 — Y. Matras. The borrowability of structural categories // Y. Matras, J. Sakel (eds.). Grammatical Borrowing in Cross-Linguistic Perspective [Empirical Approaches to Language Typology 38]. Berlin—New York: Mouton de Gruyter, 2007.
- Магомедов 1965 — А. А. Магомедов. Табасаранский язык. Исследование и тексты. Тбилиси: Мецниереба, 1965.

А. Д. Ногина, Т. Б. Казакова

НИУ ВШЭ, Москва

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПАДЕЖИ В БЫСТРИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА

В докладе речь пойдет о выражении пространственной ориентации при помощи локативных падежей в быстринском диалекте эвенского языка. Используемые в докладе данные были получены в экспедиции НИУ ВШЭ в села Эссо и Анавгай Быстринского района Камчатского края в июне-июле 2019 года.

Задачи нашего исследования состояли в проверке наличия и активного использования пространственных падежей, выяснении особенностей их употребления, нахождении различий в значениях похожих по семантике падежей.

Место

Для выражения роли Место в быстринском эвенском используются локатив, датив и пролатив. В [Мальчуков 2008] описываются следующие критерии выбора между локативом и дативом:

Локатив	Датив
неодушевленное подлежащее	одушевленное
постоянный характер локализации	временный
бытийный семантический тип предложения	бытийный и локативный типы

В быстринском эвенском разрешены предложения каждого из типов с обоими падежами; носители утверждают, что семантических различий между вариантами не чувствуют. При этом сами носители порождают примеры практически исключительно с ло-

кативом, датив же признают грамматичным при озвучивании примеров с эвенского стимула.

- (1) *d'u illota-n migdel-dula / migdel-du*
дом стоять-3SG гора-LOC гора-DAT
'Дом стоит на горе'.

Пролатив может обозначать место лишь при дисперсной интерпретации. В примере 2 объект рассредоточен и находится в разных точках страны/города и т.д.

- (2) *bej bi-š-ni gorod-li*
человек быть-NFUT-3SG город-PROL
'Человек живет по городу (по разным местам)'.

Также пролатив используется для обозначения места, где происходит ненаправленное движение.

- (3) *bej gurge-vči-n d'u-li*
человек работа-VRBLZ-3SG дом-PROL
'Человек работает по дому'.

Путь

Объект, по которому (и/или вдоль которого) совершается движение, маркируется пролативом.

- (4) *girka-ri-wu otaran-duli*
идти-PST-1SG дорога-PROL
'Прошел по дороге'.

Источник

Аблатив маркирует начальную точку движения.

- (5) *migdin-duk ev-ri-n*
гора-ABL спускаться-PST-3SG
'Он пошел с горы'.

Цель

Для обозначения конечной точки движения используется директив.

- (6) *abd'akod'ak-tak ur-di-m*
веселье-DIR идти-FUT-1SG
'Иду туда, где веселье'.

В этом значении он конкурирует с локативом. В [Мальчуков 2008] сообщается, что локатив в отличие от директива «имплицитирует нахождение субъекта действия в момент его завершения в конечной точке ⟨...⟩ глаголы мгновенного действия (типа *i*-'войти') не могут сочетаться с дополнением в директиве, поскольку они по определению обозначают «результативные» действия». Это утверждение (конкретно про 'войти' и 'внести') для быстринского эвенского «не работает», с этими двумя глаголами носители чаще употребляли именно директив.

Таким образом, в быстринском эвенском языке возникает конкуренция при выражении роли Места и роли Цели. Из кластеров можно выделить локатив (совмещение Места и Цели) и пролатив (совмещение Места и Пути).

Система быстринских эвенских местных падежей будет сравниваться в докладе с локативными падежами других языков Камчатки: корякского, аллоторского, ительменского. В некоторых диалектах корякского (и в чукотском языке) отдельными показателями маркируются все четыре роли: Место, Цель, Источник и Путь [Мальцева 1998; Галимов 2018]. Интересно, что если происходит какое-то совмещение, то совмещаются в первую очередь падежи для выражения ролей Источника и Пути (так происходит в ительменском [Володин 1976: 140] и в аллоторском [Мальцева 1998]). Конкуренция между падежами возникает в первую очередь при кодировании цели перемещения.

Таким образом, быстринский эвенский, как и чукотско-камчатские языки, демонстрирует диахронические изменения в зоне локативной морфологии; сценарии этого изменения для эвенского и чукотско-камчатских схожи в области развития конкуренции в зоне маркирования Цели, но разнятся в том, какие кластеры локативных значений возникают в этих языках.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; PST — прошедшее время; NFUT — небудущее время; FUT — будущее время; SG — единственное число; ABL — аблатив; DAT —

датив; DIR — директив; LOC — локатив; PROL — пролатив; VRBLZ — вербализация.

Литература

- Володин 1976 — А. П. Володин. Ительменский язык. Л.: Наука, 1976.
- Галимов 2018 — Т. И. Галимов. Семантика пространственных падежей // мультимедийный интернет-ресурс «Chuklang» (chuklang.ru/media/sketch/ckt_TG_locative_cases.pdf)
- Мальцева 1998 — А. А. Мальцева. Система локальных падежей в чукотско-корякских языках // И. А. Невская (отв. ред.). Шорская филология и сравнительно-сопоставительные исследования. Новосибирск: СО РАН, 1998. С. 17–34.
- Мальчуков 2008 — А. Л. Мальчуков. Синтаксис эвенского языка: структурные, семантические, коммуникативные аспекты. СПб.: Наука, 2008.

С. А. Оскольская, М. Л. Федотов

*ИЛИ РАН, Санкт-Петербург,
ИЛИ РАН — НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург*

КАРИТИВ КАК СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПОНЯТИЕ: НАБРОСКИ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ¹

В докладе мы представим формулировку определения каритива как сравнительного понятия, которое удовлетворяло бы целям типологического исследования.

Иллюстрацией семантики каритива (в других работах используются также термины «абессив», «приватив») может служить русский пример (1):

(1) *Иван пришел без Маши.*

«Сравнительное понятие» («comparative concept» [Haspelmath 2010]) является инструментом, позволяющим более аккуратно проводить типологические исследования, поскольку оно определяется без апелляции к конкретноязыковым категориям. При этом сравнительное понятие заведомо неуниверсально и зависит от задач типологического исследования. Предлагаемое определение каритива разработано в рамках проекта по типологическому исследованию каритива.

Мы предлагаем следующее определение сравнительного понятия каритива:

(2) Каритив описывает невовлеченность в ситуацию (в частном случае отсутствие) некоторого участника (абсенса), при этом предикация невовлеченности является семантическим

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 18-78-10058 «Грамматическая периферия в языках мира: типологическое исследование каритивов». Авторы выражают благодарность Н. М. Заике и С. Б. Клименко, участвовавшим в формулировании определения.

модификатором этой ситуации или участника некоторой другой ситуации (ориентира).

Так, в примере (1) абсенс ‘Маша’ не вовлечена в ситуацию ‘прийти’ (не участвует в ней), и эта невовлеченность модифицирует ситуацию ‘Иван пришел’.

Данное определение описывает такие контексты, которые, по нашему мнению, можно считать ядерными каритивными контекстами, и при этом не включает ряд других контекстов, которые представляется корректным относить к каритивным. Например, предложение (3) *Иван пришел в гости не с Машей* не подходит под приведенное определение, поскольку предполагает, что некоторый участник — спутник — на самом деле, вовлечен в ситуацию, просто этот участник не является Машей. Также это определение позволяет отсеять конструкции с экзистенциальным отрицанием, такие как (4) *У Ивана нет бороды*, поскольку в этом случае предикация отсутствия бороды не модифицирует никакой ситуации и никакого участника другой ситуации, т. е. Иван не выступает участником какой-либо другой ситуации в этом примере. Правда, при этом синонимичные примеры типа (5) *Иван (сейчас) без бороды* окажутся также не охваченными приведенным определением. Тем не менее исключение предикативных контекстов в целом из числа ядерных каритивных контекстов не мешает относить случай (5) к периферийным каритивным контекстам.

Некоторую проблему для приведенного определения составляют высказывания типа (6) *Иван путешествовал, не имея денег*. В нашем типологическом исследовании такие конструкции не планируются включать в рассмотрение, по крайней мере, для языков, где наравне с ними имеется специализированный каритивный маркер типа русского *без*. При этом предложение (6) полностью подходит под приведенное определение. В связи с этим было принято решение снабдить определение методологическим уточнением:

- (7) Если в языке имеется несколько конкурирующих средств выражения каритивного значения, то для типологического исследования выбираются более специализированные, более грамматикализованные и более частотные средства. Если таких специализированных средств нет, то выбирает-

ся конструкция, выражающая каритивное значение в наиболее нейтральном контексте.

Данное уточнение позволяет исключить из рассмотрения конструкции типа (6) в языках со специализированным маркером, но при этом включить их в рассмотрение для тех языков, в которых такой способ выражения каритивного значения является основным или единственным. Такое решение продиктовано спецификой конкретного типологического проекта: он предполагает исследование основных средств выражения каритивной семантики в любых языках мира, в т. ч. и в таких, в которых она выражается только перифрастически.

В докладе будут подробно рассмотрены недостатки других определений каритива [Иванов 1995: 5; Stolz et al. 2007: 66; Haspelmath 2009: 514; Плунгян 2010: 170; Namari 2011], будут освещены основные методологические принципы составления определения, а также обсуждены проблемные аспекты предложенного определения.

Литература

- Иванов 1995 — Вяч. Вс. Иванов. Типология лишительности (каритивности) // Вяч. Вс. Иванов, Т. Н. Молошная (отв. ред.). Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках. М.: Индрик, 1995. С. 5–59.
- Плунгян 2010 — В. А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. Изд. 3, исп. и доп. М.: Книжный дом «Либроком», 2010.
- Namari 2011 — A. Namari. The abessive in the Permic languages // *Suomalais-Ugrilainen Seuran Aikakauskirja / Journal de la Société Finno-Ougrienne* 93, 2011. P. 37–84.
- Haspelmath 2009 — M. Haspelmath. Terminology of case // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 505–517.
- Haspelmath 2010 — M. Haspelmath. Comparative concepts and descriptive categories in crosslinguistic studies // *Language* 86 (3), 2010. P. 663–687.
- Stolz et al. 2007 — Th. Stolz, C. Stroh, A. Urdze. With(out): On the markedness relation between comitatives/instrumentals and abessives // *WORD: Journal of the International Linguistic Association* 58(1–3), 2007. P. 63–122.

Д. О. Петелин

МГУ, Москва

СИСТЕМА ТЕМПОРАЛЬНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В работе будут рассмотрены два класса темпоральных выражений в горномарийском языке: в первый входят названия времен года и частей дня, во второй лексемы со значением ‘секунда’, ‘минута’, ‘час’, ‘день’, ‘неделя’, ‘месяц’, ‘год’ и ‘век’. Мы проанализируем основания для этого разделения и морфосинтаксические различия между двумя классами выражений.

Выражение времени обсуждалось в ряде типологических работ (см., например, [Haspelmath 1997; Эршлер 2009]). В [Петелин 2018] рассматривается падежное оформление темпоральных выражений при наличии зависимых в горномарийском. Свойства темпоральных выражений с точки зрения привлекаемых далее морфосинтаксических параметров в литературе не описаны.

Данные собраны в с. Кузнецово и близлежащих деревнях (Горномарийский р-н, Марий Эл) методом анкетирования и путем анализа экспедиционного корпуса текстов объемом 63522 словоупотребления.

Мы рассмотрим следующие морфосинтаксические признаки.

Способ падежного оформления темпорального выражения в контекстах синхронной темпоральной локализации (по [Haspelmath 1997]). Лексемы первого класса наряду с генитивом могут быть оформлены аккузативом, лативом или выступать в неоформленном виде, тогда как лексемы второго класса могут быть употреблены только с генитивом.

Допустимость использования в тех же контекстах инессива. Для лексем первого класса инессивное оформление неприем-

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-012-00627а

лемо (1), тогда как для лексем второго класса оно допустимо в некоторых идиолектах (2).

- (1) *mən'-ən šǎžar-em* *tä kängǎž-əm* / **kängǎž-ǎštä*
я-GEN мл.сестра-POSS.1SG тот лето-ACC лето-IN
šǎč-ən
рождаться-PRET
'Моя младшая сестра родилась тем летом'.
- (2) *mən'-ən šǎžar-em* *tä tälzä-n* / *'tälzä-štä*
я-GEN мл.сестра-POSS.1SG тот месяц-GEN месяц-IN
šǎč-ən
рождаться-PRET
'Моя младшая сестра родилась в том месяце'.

Сочетаемость с некоторыми послелогам и послеложными группами. Только с лексемами второго класса может употребляться послелог *dono* 'с' в контекстах неопределенно-протяженной локализации (3) и послеложная группа *vuj gǎc* (голова EL) в контекстах итеративной локализации (4).

- (3) *pet'a ärn'ä-vlä* / **tel-vlä dono to-nâ-žǎ*
Петя неделя-PL зима-PL с дом-IN2-POSS.3SG
šǎnz-ä
сидеть-NPST.3SG
'Петя неделями/*зимами сидит дома'.
- (4) *pet'a ärn'ä* / **tel vuj gǎc tol-eš*
Петя неделя зима голова EL приходить-NPST.3SG
'Петя приезжает каждую неделю/*зиму'.

Интерпретация в сочетании с пролативным послелогом *gač* 'через'. В сочетании с лексемами из первого класса данный послелог несет в себе семантику неопределенно-протяженной локализации (5), тогда как с лексемами второго класса он имеет интерпретацию итеративной локализации (6).

- (5) *pet'a kängǎž gač rovojaj-a*
Петя лето через работать-NPST.3SG
'Петя все лето (*через лето) работает'.

- (6) *pet'a ärn'ä gač rovojaj-a*
 Петя неделя через работать-NPST.3SG
 'Петя работает через неделю (*всю неделю)'.

Сочетаемость падежного показателя с атрибутивизатором.

Лексемы из второго класса не способны сочетать падежный показатель и атрибутивизатор, в то время как оформленные лативом и неформленные лексемы первого класса способны на это (в случае аккумулятивного оформления, в некоторых идиолектах).

- (7) *tel-([?]äm)-šä kečä-vlä mâtâk-vlä*
 зима-ACC-ATTR день-PL короткий-PL
 'Зимние дни коротки'.
- (8) *tä tälzä-(*n)-šä kečä-vlä mâtâk-vlä*
 тот месяц-GEN-ATTR день-PL короткий-PL
 'Дни в тот месяц коротки'.

В эту систему вписывается бóльшая часть горномарийских лексем с темпоральной семантикой. Некоторые лексемы, например, названия праздников, конкретных дней недели (напр. понедельник) и конкретных месяцев (напр. сентябрь) не могут быть отнесены ни к одному из классов, т. к. сочетают их свойства, причем в разных соотношениях.

Предположительно, для некоторых из представленных различий (3)–(4) может быть предложено семантическое объяснение, основывающееся на чередовании во времени темпоральных выражений первого класса и однородности лексем второго класса (верно, что за месяцем идет месяц, однако неверно, что за летом идет лето), другие же ((1), (5)) могут быть объяснены некоторой лексикализованностью аккумулятивного оформления в темпоральных выражениях. Более подробные объяснения будут представлены в докладе.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккумулятив; ATTR — атрибутивизатор; EL — элатив; GEN — генитив; IN2 — инессив 2; PRET — претерит; NPST — непро-

шедшее время; POSS — поссесив; SG — единственное число; PL — множественное число.

Литература

- Петелин 2018 — Д. О. Петелин. Временные выражения в горномарийском языке: наречия или иг // Д. Ф. Мищенко (отв. ред.). Пятнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 22–24 ноября 2018 г.). СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 116–119.
- Эршлер 2009 — Д. А. Эршлер. К типологии непацентивных значений аккузатива // Вопросы языкознания 3, 2009. С. 32–49.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. From Space to Time: Temporal Adverbials in the World's Languages. München; Newcastle: LINCOM Europa, 1997.

В. А. Позднякова

ИЯз РАН, Москва

СИСТЕМА ИМЕННЫХ КЛАССОВ И КЛАССНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ В ЯЗЫКЕ ГИНЬАНГА¹

Гиньянга принадлежит к группе тано-гуанг семьи ква и распространен в префектуре Блитта на севере Того (10600 носителей на 2011 г. [Kalessou 2011]) и на северо-востоке региона Вольта в Гане.

Поскольку подробных описаний морфосинтаксиса гиньянга пока не существует, цель доклада — описание системы именных классов и классного согласования гиньянга: морфология и морфонология классных показателей, маркированные контексты, семантические корреляции. В докладе использованы данные экспедиции в деревню Агбанди (Того) в январе-феврале 2019 года, полученные методом элицитации, а также из собранной небольшой коллекции естественных текстов. Выводы, представленные в работе, носят предварительный характер и нуждаются в дальнейшем уточнении.

В гиньянга зафиксирована типологически нетривиальная [Allan 1974; Konoshenko, Shavarina 2018] система из 7 именных классов, из которых 2 сингулярные, а 5 — плюральные. В докладе будет рассмотрено их соотношение и семантические корреляты. Парадигма классных маркеров представлена в Таблице 1.

По именованному классу согласуются глаголы, связки и прилагательные в предикативной позиции, числительные и детерминативы. По классу различаются посессивное и объектное местоимение.

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Языки Западной Африки: описание и сопоставительный анализ» по гранту РФФИ №17-78-20071.

		Префикс	Пример
I	sg	ɔ-, e-, o-, Ø-	ɔ-cia 'женщина'
II	pl	a-	a-wul 'шефы'
III	pl	e-	e-kabo 'куры'
IV	sg	gV-	ga-bwe 'животное'
V	pl	n-	n-ke 'путешествия'
VI	pl	a-	a-kwadu 'бананы'
VII	pl	e-	e-ɔwɔl 'тела'

Таблица 1. Парадигма классовых маркеров

Классные префиксы подвержены общим для всего языка фонологическим процессам. В частности, маркер IV класса, объектное и посессивное местоимение демонстрируют чередования, а также прогрессивную гармонию по признаку продвинутости vs. отодвинутости корня языка [+ATR] (1)–(2) и регрессивную ассимиляцию (3).

(1) V ~ a/i_, v_, ε_, ɔ_ a_

(2) V ~ e/i_, u_, o_, e_, ə_

(3) e, i ~ o/_a

ε ~ a, ɔ/_a

i ~ u, o/_a, _e, _ε

В докладе будут представлены парадигмы классовых маркеров перфектива (4б) и имперфектива (4а), а также маркирование именных предикатов (5)–(6).

(4) а. *a-bulun we me-sa mui*
 II-девушка ART 3PL.IPFV-давать 3PL.POSS.мать
a-temi ma ɔ-cu so n-lin
 VI-деньги чтобы 3SG.IPFV-брать покупать V-лекарство
 'Девушки дают своей матери деньги на лекарство'.

б. *a-bulun we ma-sa mui a-temi*
 II-девушка ART 3PL.PFV-давать 3PL.POSS-мать VI-деньги
ma-cu pa wa
 3SG.PFV-брать помогать ART
 'Девушки дали своей матери денег, чтобы помочь ей'.

- (5) *a-cia* *ma-bu* *kampe*
II-женщина.ART 3PL.PFV-иметь красивый
'Женщины были красивы'.
- (6) *ga-təta* *ga-ji* *ga-pobal*
IV-дом.ART 3SG.PFV-быть IV-новый
'Дом был новым'.

Показатели классного согласования прилагательных в предикативной позиции и экзистенциальных связок совпадают.

- (7) а. *a-cia* *ma-fili* *gucho*
II-женщина.ART 3PL.IPFV-белый очень
'Женщины очень белые'.
- б. *a-cia* *ma-bu* *kampe* *gucho*
II-женщина.ART 3PL.IPFV-иметь красивый очень
'Женщины очень красивые'.

По классу также согласуются простые числительные от 2 до 6 (ср. (8а) и (8б)).

- (8) а. *n-wu* *ŋ-buɛ* *ŋ-sa*
1SG.IPFV-видеть V-птица V-три
'Я вижу трех птиц'.
- б. *n-wu* *e-kpəɛ* *sonu*
1SG.IPFV-видеть III-собака семь
'Я вижу семь собак'.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; I, II, III, IV, V, VI, VII — показатели именных классов; ART — артикль; IPFV — имперфектив; OBJ — объектное местоимение; POSS — показатель посессивности; PFV — перфектив; PL — мн. число; SG — ед. число.

Литература

Allan 1974 — E. J. Allan. A Grammar of Buem. PhD Thesis. University of London, London, 1974.

- Kalessou 2011 — T. K. Kalessou. *Système phonologique de ginyanga*. Mémoire, Université de Lomé, 2011.
- Konoshenko, Shavarina 2016 — M. Konoshenko, D. Shavarina. *Patterns of Noun Class Attrition in Kwa*. Talk presented at the Second International Congress Proto-Niger-Congo, Paris LLACAN, 2016.

В. К. Попова

НИУ ВШЭ, Москва

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ИМПЕРФЕКТИВА И РЕЗУЛЬТАТИВА В БЫСТРИНСКОМ ГОВОРЕ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА

Настоящий доклад посвящен значению аспектуальных показателей *-t-*, *-č-*, *-č'i-*, *-t'-* и *-d-*, *-d'-*, *-d'id-*, *-d'i-*, *-zi-* в эвенском языке, по отдельности и в сочетании друг с другом. Материал для доклада собран в селе Эссо Быстринского района Камчатского края в июне-июле 2019 года.

Показатель имперфектива *-d-*, *-d'-*, *-d'id-*, *-d'i-*, *-zi-* по [Роббек 1982] указывает на «действие в его совершении» или «действие, которое происходит, происходило или будет происходить в определенный отрезок времени». Это может быть «монолитный, не состоящий из отдельных актов» процесс, повторяющееся действие и «статальное состояние». [Malchukov 1995] трактует этот показатель как маркер прогрессива, однако, по данным быстринского говора, он совмещает в своей семантике значения прогрессива и хабитуалиса:

- (1) *bi ereyer bu-d-de-m kiniga-m*
я постоянно отдать-IPFV-NFUT-1SG книга-ACC
'Я отдаю книгу каждую неделю'.

Показатель результата *-t-*, *-č-*, *-č'i-*, *-t'-*, *-n* переходит в *ŋ* в несеченных основах на *-n-* (данный показатель вслед за [Malchukov 1995] глоссируется как *st*) по [Роббек 1982] указывает на «состояние, вызванное предшествующим этапом действия» (2) и по [Цинциус 1947] — на действие, которое «стабилизировалось на завершенной стадии своего развития» (3).

- (2) *oron n'oŋ-če-ri-n*
олень бежать-ST-PST-3SG
'Олень прибежал'.

- (3) *bi d'avi-če-d-de-m erka-m*
я взять-ST-IPFV-NFUT-1SG нож-ACC
'Я держу нож'.

Как видно из примера (2), значение данного показателя не может быть охарактеризовано как результативное в смысле, например, [Плунгян 2011]: акционально результатив должен интерпретироваться как «состояние», что не выполняется в данном примере.

Кажется, что результативная интерпретация появляется у данного показателя лишь в сочетании с показателем имперфектива, как в примерах (3) и (4).

- (4) *bi texi-če-d-de-m*
я сесть-ST-IPFV-NFUT-1SG
'Я сижу'.

Представляется, что семантика показателя результата в первую очередь комплетивная, то есть данный показатель выражает достижение логического предела ситуации, выраженной основой, как в примере (2). Однако тогда получается, что показатель имперфектива в (3) и (4) употребляется некомпозиционно: вместо аспектуальной модификации стадии завершения ситуации, он скорее выполняет вторично-аспектуальную функцию по [Плунгян 2011]: делает из акционально не охарактеризованного комплетива состояние — результатив. Данный сдвиг может возникать в результате коэрсии: возможно, эвенский комплетив акционально является точкой, и тогда модификация его имперфективным показателем ведет к сдвигу в ближайшую возможную длительную область — в результирующее состояние.

Интересно при этом, что в быстринском эвенском находятся примеры, в которых значение показателя результата в сочетании с прогрессивом и вовсе не проявляется:

- (5) *Beje-j o-če-d-de-n d'u-w*
мужчина-PTCL строить-ST-IPFV-NFUT-3SG дом-ACC
'Мужчина строит дом'.

Таким образом, в быстринском эвенском можно наблюдать частотное, но не очень ожидаемое с точки зрения семантики со-

четание двух аффиксов: комплетива и имперфектива, которое ведет либо к возникновению результативного компонента значения, либо к постепенному исчезновению комплетивного. В докладе более подробно будут освещены сценарии сочетания данных аффиксов с основами различных акциональных классов и с разными видовременными формами.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; IPFV — имперфектив; NFUT — небудущее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица с недостаточно изученной на данный момент семантикой; SG — единственное число; ST — статив¹.

Литература

- Malchukov 1995 — A. L. Malchukov. Even [Languages of the world 12]. München — Newcastle: LINCUM Europa, 1995.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Роббек 1982 — В. А. Роббек. Виды глагола в эвенском языке. Л.: Наука, 1982.
- Цинциус 1947 — В. И. Цинциус. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л.: Учпедгиз, 1947.

¹ Термины «прогрессив» и «статив» взяты из [Malchukov 1995], использованы для удобства и единообразия, не полностью отображают ситуацию в быстринском диалекте эвенского.

М. В. Попова

НИУ ВШЭ, Москва

КОМИТАТИВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ *-NUN*, *-G(V)LI*, *-ČIL*, *-J(V)* И АССОЦИАТИВНАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

В докладе речь пойдет о некоторых семантических и синтаксических ограничениях на использование показателей комитатива в эвенском языке с освещением типологической перспективы и элементами сопоставительного анализа когнатов из близкородственного эвенкийского языка. Материалы эвенского языка были собраны в ходе полевой работы, проведенной в Быстринском районе Камчатского края в июле 2019 г.

В эвенском языке принято выделять три или четыре показателя с комитативным значением, употребление которых в собственно комитативных и сочинительно-комитативных [Архипов 2004] конструкциях регулируется одушевленностью спутника [Архипов 2004: 61; Stolz et al. 2006]. При этом ни один из показателей в отношении своей дистрибуции, как правило, не определяется исследователями как соответствующий конкретному месту на выделяемой для эвенского языка шкале одушевленности [Stolz 1997: 524].

В [Stolz 1997] показатели *-nun*, *-čil* и *-g(V)li* ранжируются от *-nun*, имеющего самую широкую дистрибуцию (от личных имен до названий неодушевленных объектов), к *-čil*, употребляющемуся преимущественно с названиями людей и редко животных и к *-g(V)li*, который присоединяется исключительно к личным именам.

[Новикова 1960] также описывает *-nun* как показатель с самой широкой дистрибуцией, а *-g(V)li* как присоединяющийся только к именам собственным, отмечая при этом тенденцию к использованию *-nun* в типичных для *-g(V)li* контекстах.

Нами были зарегистрировано противоречащее этой тенденции изменение в дистрибуции данных показателей: показатель *-g(V)li* возможен как с личными именами, так и с названиями людей и животных:

- (1) *etiken atikan-gali ukčene-dde-Ø*
 старик старуха-COM беседовать-NFUT-3PL
 ‘Старик со старухой беседуют’.
- (2) *paša nin-gali girka-dda-n*
 Паша собака-COM идти-NFUT-3SG
 ‘Паша гуляет с собакой’.

Показатель *-čil*, согласно нашим данным, невозможен в сочетании с посессивным показателем и в большинстве случаев запрещается с именами собственными. Из этих ограничений может быть выделена «комитативно-рефлексивная» семантика показателя, конструкции с которым в общем виде могут быть описаны как ‘со своим X’:

- (3) **paša an'a-čil girka-dda-Ø*
 Паша Аня-COM идти-NFUT-3PL
 ‘Паша (со своей) Аней гуляют’.

Главная функция показателя *-j(V)* определяется в [Цинциус 1946] как комитативная. Нами был выделен лишь один случай использования этого суффикса в сочинительно-комитативной конструкции для выражения комитативного значения. Остальные употребления служат для маркирования ассоциативной множественности (4) или используются в составе конструкций вместе с другими комитативными показателями (5). При этом множественное значение, выражаемое этим суффиксом, может быть только ассоциативным, в отличие от эвенкийского *-ja*, где этот показатель присоединяется к ограниченному набору лексем, обозначающих близких родственников, и может иметь как ассоциативную, так и аддитивную интерпретацию.

- (4) *akmu-ja*
 отец-ASSOC
 ‘отец и кто-то еще’

- (5) *paša-ja an'a-nun uliče-le girka-dda-Ø*
Паша-ASSOC Аня-СОМ улица-ЛОС идти-NFUT-3PL
'Паша с Аней гуляют на улице'.

Конструкции типа (5), в которых семантика комитатива кодируется комбинацией показателя множественности и комитативного показателя, называются в [Vassilieva 2005] «extended associatives» [Vassilieva 2005: 2]. Подобные конструкции выделяются в языках миу-бандара (чадские < афроазиатские) и анализируются в [Vassilieva 2005] как близкие к Plural Pronoun Constructions.

В докладе будет представлен анализ конструкций типа (5) с сочетанием ассоциативного показателя и различных комитативных показателей с опорой на типологические параллели.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; ASSOC — ассоциативная множественность; СОМ — комитатив; ЛОС — локатив; NFUT — будущее время; SG — единственное число; PL — множественное число.

Литература

- Архипов 2004 — А. В. Архипов. Типология комитативных конструкций. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. МГУ, М., 2004.
- Новикова 1960 — К. А. Новикова. Очерки диалектов эвенского языка. Ч. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Цинциус 1946 — В. И. Цинциус. Эвенский (ламутский) язык. [Учен. зап. Ленингр. гос. Ун-та им. А. А. Жданова. Серия филологических наук. Вып. 10]. Л.: 1946.
- Stolz et al. 2006 — Th. Stolz, C. Stroh, A. Urdze. On Comitatives and Related Categories: A Typological Study with Special Focus on the Languages of Europe. Berlin—New York: Mouton de Gruyter, 2006.
- Stolz 1997 — Th. Stolz. Two Comitatives or More. On the Degree of Involvement of Participants // A. Gather, H. Werner (eds.). Semiotische Prozesse und natürliche Sprache. Festschrift für Udo L. Figge. Stuttgart: Steiner, 1997. P. 515–530.
- Vassilieva 2005 — M. Vassilieva. Associative and Pronominal Plurality. PhD Thesis. Stony Brook University, New York, 2005.

Е. А. Ренковская

ИЯз РАН — ИВ РАН, Москва

НЕОДУШЕВЛЕННЫЕ УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В ЯЗЫКЕ КУЛЛУИ

Системы указательных местоимений в новоиндийских языках характеризуются сравнительным единообразием: местоимения совмещают атрибутивные и субстантивные функции, выступают в роли личных местоимений 3 лица, а также имеют сходную этимологию. Насколько можно судить, изначально новоиндийская система указательных местоимений состояла из трех разрядов. Местоимения ближнего дейксиса обычно восходят к др.-инд. *ēṣa* ‘этот’ и в современных языках начинаются с гласного или дифтонга переднего ряда *i*, *e*, *ei* или сонанта *j*. Два других разряда имеют формы с начальными огубленными гласными заднего ряда *u*, *o*, *ou* или сонантом *w~b* и *s-* (косв. формы *t-*) и восходят, соответственно, к др.-инд. *asau* (косв. формы *amu-*) ‘тот’ и *sa* (косв. формы *ta-*) ‘тот’. При этом один из этих разрядов отвечает непосредственно за дальний дейксис, а другой приобретает дополнительное значение (как то коррелятивность, невидимость для наблюдателя и др.), закрепляется за личным местоимением 3 лица или вовсе утрачивается [Зограф 1976: 160–165; Masica 1991: 224–225].

Данная работа посвящена неодушевленным указательным местоимениям в языке куллуи (< языки химачали < северная подгруппа индоарийских языков; ареал распространения — округ Куллу, Химачал-Прадеш, Индия), которые не были исследованы ранее и не упоминаются в большинстве описаний языка [Diack 1896; Vailey 1908; Ranganatha 1981; Sharma 2014]. В основу нашей работы легли данные четырех экспедиций в округ Куллу (штат Химачал-Прадеш, Индия) в 2014–2018 гг¹. Неодушевлен-

¹ Данное исследование осуществлялось при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 19-012-00355 (2019–2021).

ные местоимения были зафиксированы и исследованы нами в диалектах г. Куллу, д. Нагар и д. Сума. Система указательных местоимений в этих диалектах выглядит следующим образом:

	ед. ч						мн. ч	
	муж. род		жен. род		неодуш.			
	ближ. дейк-сис	дальн. дейк-сис	ближ. дейк-сис	дальн. дейк-сис	ближ. дейк-сис	дальн. дейк-сис	ближ. дейк-сис	дальн. дейк-сис
Прям. падеж	<i>e</i>	<i>sɔ</i>	<i>e</i>	<i>sɔ</i>	–	–	<i>e</i>	<i>te</i>
Косв. падеж	<i>ei</i>	<i>tei</i>	<i>esa/ eha</i>	<i>tesa/ teha</i>	<i>ui/oi</i>	<i>tui</i>	<i>inha</i>	<i>tinha</i>
Эрг./инстр.	<i>eie</i>	<i>teie</i>	<i>ese/ ehe</i>	<i>tese/ tehe</i>	<i>uie/oie</i>	<i>tuie</i>	<i>inhe</i>	<i>tinhe</i>

По своей форме *ui* напоминает сохранившийся третий разряд новоиндийских местоимений (< *asau*), имеющий нетривиальное для новоиндийских языков значение. Противопоставление местоимений мужского и женского рода неодушевленным местоимениям типологически предполагает, что категория рода в таком случае характерна только для одушевленных местоимений, однако в куллуи это не так. Здесь наблюдается интересный феномен, когда местоимениями мужского и женского рода могут обозначаться как одушевленные, так и неодушевленные объекты, а на долю неодушевленных местоимений остается устойчивый набор функций, среди которых можно назвать следующие:

- замещение сентенциального актанта
- (1) *dze dze kal tɔkhe hu-a tui be*
 что что вчера там быть-PFV.M INAN.DIST ACC/DAT
tu dɛs-i sɛk-a sa
 ты рассказать-CVB мочь-GER COP.SG
 ‘Ты можешь рассказать о том, что вчера там произошло?’
- (если актанта не сентенциальный) употребление со всеми послелогом, кроме аккузативно-дательного

- (2) *le e pen ui senge likh*
 взять.IMP PROX.DIR ручка INAN.PROX INSTR писать.IMP
tebe ei tumbe barəs de-i
 потом PROX.M.OBL я.ACC/DAT обратно дать-IMP.FUT
 ‘Возьми эту ручку, пиши ей, а потом отдай мне ее обратно’.

В последнем случае получается, что один и тот же неодушевленный объект может быть маркирован разными видами местоимений в зависимости от падежа и оформления послелогом. Эти и другие функции неодушевленных местоимений будут подробно обсуждены в докладе. Кроме того, предполагается рассмотреть, какие факторы могли повлиять на появление таких функций.

Список условных сокращений

ACC/DAT — аккузативно-дательный послелог; COP — копула; CVB — конверб; DIST — местоимение дальнего дейксиса; F — женский род; GER — герундий; IMP.FUT — императив будущего времени; INAN — неодуш. местоимение; INSTR — инструментальный послелог; LOC — локативный послелог; M — мужской род; OBL — косвенный падеж; PL — множественное число; PROX — местоимение ближнего дексиса; PTCP — причастие; SG — единственное число.

Литература

- Bailey 1908 — T. G. Bailey. The Languages of the Northern Himalayas, Being Studies in the Grammar of Twenty-Six Himalayan Dialects. London: The Royal Asiatic Society, 1908.
- Diack 1896 — A. H. Diack. The Kulu Dialect of Hindi: Some notes of its Grammatical Structure, with Specimens of the Songs Current Amongst People, and a Glossary. Lahore: The Civil and Military Gazette Press, 1896.
- Grierson 1916 — G. A. Grierson. Linguistic Survey of India. Vol. IX. Part IV. Delhi-Varanasi Patna, 1916.
- Masica 1991 — C. Masica. The Indo-Aryan Languages. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

- Ranganatha 1981 — M. R. Ranganatha. Survey of Mandeali and Kului in Himachal Pradesh. Census of India, 1971. Language monograph No.7. Delhi, 1981.
- Sharma 2014 — D. Sharma (Saraswat). Kuluti-Hindi vyakaran. Ek tulnatmak adhyayan (Грамматика кулуту и хинди: сопоставительный анализ). New Delhi: Lekhni, 2014.
- Thakur 1975 — M. R. Thakur. Pahari bhasha kului ke vishesh sandarbh men (Язык пахари с приложением описания кулуи). Delhi: Sanmarg Prakashan, 1975.
- Зограф 1976 — Г. А. Зограф. Морфологический строй новых индоарийских языков. М.: Наука, 1976.

А. А. Русских
НИУ ВШЭ, Москва

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПОЛНОГО ОХВАТА В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

1. Введение

Настоящий доклад является типологическим исследованием числительных со значением полного охвата, таких как рус. *оба* и *все три*. В основание сравнительного концепта¹ положена семантика числительных со значением полного охвата. Принимая во внимание анализ числительных со значением полного охвата, предложенный в [Мельчук 1985: 37; Heim, Kratzer 1998: 154] и [Mladenova 2007: 157], в данном исследовании под числительными со значением полного охвата я понимаю такие случаи, когда квантифицируемая группа выражает выбор N предметов из множества n. В докладе на материале 106 языков будут рассмотрены возможные стратегии кодирования полного охвата с числительными и их дистрибуция. Данные для каждого языка были получены из грамматик и словарей.

2. Стратегии кодирования полного охвата с числительными

Типологическое исследование 106 языков позволяет выделить следующие три возможные стратегии кодирования полного охвата с числительным:

- A. Прибавление к числительному универсального квантора (УК) — ср. фр. *tous les deux* [UQ.DEF.PL два] ‘оба’;
- B. Супплетивное — ср. нем. *beide* ‘оба’;
- C. С помощью отдельного показателя или синтаксической конструкции, не привносящих значения универсальной кван-

¹ Об определении сравнительного концепта см. [Haspelmath 2018].

тификации вне сочетания с числительными, — ср. чуваш. *ik atë-i=de* [два ребенок-р_3=ADD] ‘оба ребенка’.

Отдельный интерес представляет стратегия С, которая включает в себя специализированные и неспециализированные средства кодирования полного охвата. **Специализированные маркеры**, кодирующие полный охват, не имеют смежных функций. Например, в карибском языке суффикс *-oro* употребляется исключительно для образования конструкций со значением полного охвата с числительным²:

- (1) КАРИБСКИЙ [Courtz 2008: 108]
oko-oro
два-COLL
‘оба’

Под **неспециализированными средствами** понимаются такие аффиксы и несегментные средства или синтаксические модели, для которых обнаруживаются синхронные омонимичные соответствия, имеющие другие функции помимо кодирования полного охвата. Так, в языке гурунг значение полного охвата кодируется с помощью редупликации и маркирования суффиксами *-na' -n'*, см. (2). С помощью той же модели образуется континуативное значение с глаголами, см. (3).

- (2) ГУРУНГ [Glover, Gurung 1979: 121]
ngxi-na' ngxi-n'
два-COLL два-COLL
‘оба’

- (3) ГУРУНГ [Glover, Gurung 1979: 122]
pxra-na' pxra-n'
гулять-COLL гулять-COLL
‘долго гулять’³

В докладе будут подробно обсуждаться наиболее часто встречающиеся смежные значения неспециализированных показате-

² В [Courtz 2008] примеры употребления суффикса *-oro* в других значениях обнаружены не были.

³ В оригинале ‘walking and walking’.

лей, кодирующих полный охват с числительными, а также возможные семантические переходы между ними.

3. Дистрибуция стратегий кодирования полного охвата

Не все три стратегии — А, В и С — встречаются со всеми числительными. В Таблице 1 представлено распределение стратегий для квантификатора ‘два’ и квантификаторов ‘три’ и более. Стратегия отмечена плюсом в том случае, если зафиксирован хотя бы один язык, использующий ее для кодирования полного охвата с числительным.

Стратегия	2	≥ 3
А: прибавление УК	+	+
В: супплетивное	+	–
С: отдельный показатель / синтаксическая модель	+	+

Таблица 1. Распределение стратегий А, В и С с разными квантификаторами

Таблица 1 позволяет заметить, что стратегии А и С могут использоваться со всеми квантификаторами, в то время как кодирование полного охвата с помощью стратегии В возможно только с множествами, состоящими из двух объектов.

Несмотря на то, что одновременное использование всех трех стратегий в одном языке для образования конструкций со значением полного охвата не кажется логически невозможным, в рассмотренной мной выборке такие случаи отсутствуют. Стратегии В и С находятся в дополнительной дистрибуции и не используются одновременно в одном языке, в то время как стратегия А встречается во всех языках и для 62 языков из рассмотренных 106 является единственной возможной.

Наличие/отсутствие	Наличие стратегии С	Отсутствие стратегии С
Наличие стратегии В	0 языков	22 языка
Отсутствие стратегии В	22 языка	62 языка

Таблица 2. Распределение стратегий В и С

Список условных сокращений

ADD — аддитив; COLL — маркер, кодирующий полный охват; DEF — определенный артикль; P_3 — поссесивность, 3 лицо; PL — множественное число; UQ — универсальный квантор.

Литература

- Courtz 2008 — H. Courtz. *A Carib Grammar and Dictionary*. Toronto: Magoria Books, 2008.
- Glover, Gurung 1979 — J. Glover, D. Gurung. *Conversational Gurung*. Pacific Linguistics: The Australian National University, 1979.
- Haspelmath 2018 — M. Haspelmath. How comparative concepts and descriptive linguistic categories are different // D. van Olmen, T. Mortelmans, F. Brisard (eds.). *Aspects of Linguistic Variation*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2018. P. 83–114.
- Heim, Kratzer 1998 — I. Heim, A. Kratzer. *Semantics in Generative Grammar*. Oxford: Blackwell, 1998.
- Mladenova 2007 — O. Mladenova. *Definiteness in Bulgarian*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007.
- Мельчук 1985 — И. Мельчук. *Поверхностный синтаксис русских числовых выражений*. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1985.

Е. А. Рыжкова
НИУ ВШЭ, Москва

**ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ
СЛОЖНОГЛАГОЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
В МАЛОКАРАЧКИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ
ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА.
СЕМАНТИКА СОЧЕТАНИЙ С ГЛАГОЛОМ *УК* ‘ПАДАТЬ’¹**

В чувашском языке сложноголагольные конструкции представлены сочетанием деепричастия на *-sA* с вершиной сложного глагола, которая выбирается из закрытого списка, включающего глаголы движения и каузации движения, глаголы позиции и фазовые глаголы:

- (1) a. *klavə tarək-sa garⁱ-ə*
Клава злиться-CV_SIM уходить.PST-3SG
‘Клава разозлилась / *Клава ушла, злась’.
- b. *klavə tarək-sa gaj-za²*
Клава злиться-CV_SIM уходить-CV_SIM
‘Клава разозлилась / *Клава разозлилась и ушла’.

Списки этих глаголов, представленные в следующих публикациях [Резюков 1959: 143–144; Андреев 1961: 615–616; Федотов 1980–1986: 64–66; Шлуинский 2001]³, включают единицы, которые находятся на разных ступенях грамматикализации по семантическим, фонетическим и синтаксическим критериям [Heine 1993].

¹ Материалы для исследования собраны в экспедициях НИУ ВШЭ (СПб) в с. Малое Карачкино, Чувашская Республика.

² В малокарачкинском диалекте деепричастие на *-sA* может использоваться в качестве вершины финитной клаузы.

³ Следует отметить, что эти списки составлены для литературного чувашского и других низовых диалектов. Далее речь идет о малокарачкинском диалекте, который относится к группе верховых диалектов.

На данный момент можно выделить группу глаголов, включающую около 10 единиц, сложногоглагольные конструкции с которыми являются наименее композиционными:

глагол	перевод	значение в сложногоглагольной конструкции
<i>il</i>	брать	аттенуатив [Шлуинский 2006]
<i>pərak</i>	бросать	образует пунктивный сложный глагол [Голосов 2019]
<i>par</i>	давать	актантная рамка сложногоглагольной конструкции включает бенефицианта
<i>eit</i>	достигать	образует сложный глагол со значением достижения естественного предела
<i>kaj</i>	уходить	образует пунктивный сложный глагол [Голосов 2019]
<i>lart</i>	сажать	образует пунктивный сложный глагол [Голосов 2019]
<i>tək</i>	лить	образует пунктивный сложный глагол [Голосов 2019]
<i>yk</i>	падать	образует пунктивный сложный глагол
<i>jar</i>	пускать	образует пунктивный сложный глагол [Голосов 2019]

Таблица 1. Вершины сложных глаголов и значения соответствующих конструкций

В докладе семантические свойства сложных глаголов рассматриваются на примере сочетаний с глаголом *yk* ‘падать’, который сочетается только с деепричастиями, образованными от непереходных глаголов, и обычно образует сложные глаголы со значением вхождения в состояние или процесс, при этом необходимо, чтобы само вхождение в состояние/процесс не было длящимся во времени (пример (2)). С пунктивными глаголами *yk* ‘падать’ сочетается только в том случае, если предполагается неожиданность события (пример (3)):

- (2) а. *ɛbala todək-sa gari-ə /*
 ложка ржаветь-CV_SIM уходить.PST-3SG
**todək-s=yk-r-ë /*
 ржаветь-CV_SIM=падать.PST-3SG
**teastarak todək-s=yk-r-ë*
 быстро ржаветь-CV_SIM=падать.PST-3SG
 ‘Ложка заржавела’.

b. *temër taza kislorod-ra todäk-sa /*
 железо чистый кислород-LOC ржавеет-CV_SIM
gari-ə (^{OK}*teastarak*)
 уходить.PST-3SG быстро
todäk-s=yk-r-ë
 ржавеет-CV_SIM=падать.PST-3SG
 ‘Железо заржавело в чистом кислороде’.

- (3) *klavə pojan-la-n-za gari-ə /*
 Клава богатый-VBZ-REFL-CV_SIM уходить.PST-3SG
[?]***pojan-la-n-z=yk-r-ë***
 богатый-VBZ-REFL-CV_SIM=падать-PST-3SG
 i. ‘Клава резко разбогатела {например, нашла клад}’.
 ii. *‘{Клава долго работала, и вот...}Клава разбогатела’.
 iii. ^{??}‘Клава разбогатела’.

Значение сложного глагольных конструкций с вершинами, не включенными в Таблицу 1, в основном более композиционно, ср. (4) и (5):

- (4) *nikanor igë ojəx teir-le-ze*
 Никанор два месяц болезнь-VBZ-CV_SIM
vird-at (**εabak ëε-le-me εφr-et*)
 лежать-NPST[3SG] однако работа-VBZ-INF ходить-NPST[3SG]
 ‘Никанор болеет уже два месяца (= ‘болея, лежит’), (но все равно ходит на работу)’.

- (5) *tëz-ë olzən-z=yk-r-ë*
 цвет-P_3 меняться-CV_SIM=падать-PST-3SG
 ‘Цвет поменялся’.

Неочевидной представляется ситуация с фазовыми глаголами, к которым также примыкает глагол *εit* ‘достигать’, поскольку, хотя значение сложного глагола в данном случае близко к представленным в Таблице 1, оно вполне композиционно.

Степень композиционности значения сложного глагола в основном коррелирует со степенью синтаксической свободы входящих в него компонентов, а также с наличием или отсутствием

фонетических признаков, указывающих на большую фонетическую близость компонентов. Для проведения синтаксических и фонетических тестов необходимо различать:

- 1) свободные сочетания деепричастия и финитного глагола (*tagən-za uk-r-ë* ‘споткнувшись, упала’ \approx *tagən-tə-ə=da uk-r-ë* ‘споткнулась и упала’);
- 2) сложные глаголы с не ассимилирующей вершиной (*vil-ze garⁱ-ə* ‘умерла’ \neq *vil-tə-ë=de garⁱ-ə* ‘умерла и ушла’);
- 3) сложные глаголы с ассимилирующей вершиной (*xəra-za=uk-r-ë* ‘испугалась’ \neq *xəra-za uk-r-ë* ‘испугалась и ушла’).

Фонетическая ассимиляция вершины и деепричастия является важной чертой сильно грамматикализованных сочетаний с *il* ‘брат’, *jar* ‘пускать’, *uk* ‘падать’ и примыкающих к ним сложных глаголов с *jol* ‘оставаться’: выпадает последний гласный деепричастия и *j* в глаголах, начинающихся с *j*, *jar* ‘пускать’ меняет ряд гласного в корне.

Если вершина сложного глагола начинается на любой другой согласный, кроме *j*, фонетической ассимиляции не происходит, даже если семантически сложный глагол относится к группе с наименее композиционными значениями. Однако у некоторых из этих глаголов наблюдаются другие фонетические черты, свидетельствующие в пользу большей слитности компонентов сложного глагола. Так, глагол *kaj* ‘уходить’ значительно чаще других глаголов в позиции после деепричастия на *-sA* выступает в озвонченной форме *gaj* (см. пример (1)); при этом в других случаях *k* обычно не встречается в интервокальной позиции внутри слова, другие вершины сложных глаголов или свободных сочетаний чаще выступают в неозвонченной форме.

Синтаксические тесты представлены, например, тестом на возможность вставить эмфатическую частицу =*Ak* между деепричастием на *-sA* и вершиной сложноглагольной конструкции. Частица =*Ak* может разрывать свободные сочетания и сложные глаголы с неассимилирующей вершиной. Сложные глаголы с неассимилирующей вершиной распадаются на две единицы, не обладающие фонетической слитностью, и иногда при этом «восстанавливают» утраченные фонемы:

- (6) *vəl şorbe ei-zek jer-të-ë* /
 он(а) суп есть-CV_SIM.EMPH пускать-PST-3SG
 **ei-zek=er-të-ë*
 есть-CV_SIM.EMPH=пускать-PST-3SG
 ‘Она съела весь-весь суп’.

В малокарачкинском диалекте чувашского языка сложногоглагольные конструкции с разными вершинами грамматикализованы по-разному, что отражается в их семантических, синтаксических и фонетических характеристиках. На данный момент можно выделить группу наиболее грамматикализованных сочетаний — сочетания с глаголами с ассимилирующей вершиной, однако примыкающие к ней сочетания с сильно грамматикализованными глаголами, начинающимися на согласный, хотя и имеют некомпозиционное значение и синтаксические ограничения на перемещения компонентов, не подвержены никаким фонетическим изменениям.

Список условных сокращений

3 — третье лицо; ATTR — атрибутивизатор; CV_SIM — деепричастие одновременности; EMPH — эмфатическая частица; INF — инфинитив; LOC — локатив; NPST — не прошедшее время; OBJ — объектный падеж; PST — прошедшее время; SG — единственное число; VBZ — вербализатор.

Литература

- Андреев 1961 — Н. А. Андреев. Краткий грамматический очерк чувашского языка // М. Я. Сироткин (ред.). Чувашско-русский словарь. М., 1961.
- Голосов 2019 — Ф. В. Голосов. Семантика сложных глаголов в малокарачкинском чувашском языке. Доклад, прочитанный на экспедиционном семинаре, 2019.
- Резюков 1959 — Н. А. Резюков. Сопоставительная грамматика русского и чувашского языков. Чебоксары, Чувашгосиздат, 1959.
- Федотов 1980–1986 — М. Р. Федотов. Чувашский язык в семье алтайских языков: В 3–х кн. / Под ред. Н.А. Баскакова. Чебоксары: Чуваш, кн. изд-во, 1980–1986.

- Шлуинский 2001 — А. Б. Шлуинский. Семантика сериализованных конструкций (отчет), 2001.
- Шлуинский 2006 — А. Б. Шлуинский. Акциональность и аспектуальный показатель: конструкция со вспомогательным глаголом *il-* в чувашском языке // М. Л. Ремнёва (ред.) Вестник МГУ. Сер. 9. Филология, 1, 2006. С. 32–47.
- Heine 1993 — В. Heine. *Auxiliaries. Cognitive Forces and Grammaticalization*. Oxford: Oxford University Press, 1993.

А. Н. Сидорова

НИУ ВШЭ, Москва

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЧУКОТСКОМ ЯЗЫКЕ (ГОВОР С. АМГУЭМА)¹

Доклад посвящен вопросительным предложениям в чукотском языке. Мы поставили перед собой задачу описать способы выражения вопроса в говоре с. Амгуэма. Материалом для исследования стали примеры, собранные в ходе экспедиции НИУ ВШЭ (август 2019) при помощи элицитации, а также тексты, полученные в этой и предыдущих экспедициях в с. Амгуэма.

В отличие от других языков с развитой морфологией, в чукотском языке нет специального вопросительного наклонения [Dunn 1999]. Вопросы, предполагающие ответ «да» или «нет», выражаются с помощью интонации. Обычно это заметный резкий подъем тона на предикате. Порядок слов свободный и не влияет на интерпретацию предложения как вопроса. В некоторых случаях используется частица *etə* ('разве').

Специальные вопросы (wh-questions) в чукотском задаются с помощью слов *rʔenut* (*rʔenute*- косвенная основа; *rʔanot*- другой сингармонизм) 'что'; *mejin* (*mikə*-/*mekə*- в косвенных формах) 'кто', *miŋkə* 'где', *tite* 'когда', *ʔemi* 'где', *miŋkəri* 'куда, каким образом', *meŋqo* (*meŋqorə*) 'откуда', *miŋkemiŋ* 'в какой степени' и др. [Венстен 2015]. Рассмотрим их подробнее.

Слово *rʔenut* — это вопросительное местоимение со значением 'что' и одновременно неопределенное местоимение 'что-то', существует также в формах *req* (в свободной форме или инкорпорированной), *rʔe*- (только при инкорпорации или с глагольной

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 году.

морфологией). В форме *rʔenut* может употребляться самостоятельно, принимая падежные суффиксы (напр. *rʔenute-te* что-INS, ‘чем’), а может выступать инкорпорированно (*rʔanot-semawə-lʔə-n*, что-ломаться-ATTR-NOM.SG, ‘что сломавший [мальчик заплакал]?’). То же верно и для формы *req*, за исключением того, что ее номинатив, *reqən*, может сочетаться только с глаголами речи. Основы *req* и *rʔe* могут выступать в качестве корня в вопросительном глаголе (*nərʔeqin?* ‘что он делает?’) [Мультимедийный корпус амгуэмского диалекта]. Все формы могут инкорпорироваться в глагол.

Вопросительное слово *ʔemi* не может сочетаться с глаголом и употребляться как неопределенное местоимение. В то же время *miŋkə* требует глагола и может быть неопределенным местоимением. По-видимому, *ʔemi* обладает некоторыми глагольными свойствами, хотя и не может присоединять глагольные показатели.

В чукотском языке возможен вопросительный вынос из сочинительной конструкции:

- (1) *rʔenut* *petja-na* \emptyset -*kur-ni-n*
 что.NOM.SG Петя-AN.INS 2/3.S/A-купить-3SG.A.3.0-3SG.O
ənkʔam ləweerʔə-n?
 и молоко-NOM.SG
 ‘Что Петя купил и молоко?’

Допускается вынос обстоятельств и аргументов из придаточной инфинитивной клаузы:

- (2) *miŋ-kə* *na-ntəjawatə-na-t* *kurə-k* *ris?*
 где-LOC LOW.A-забыть-3SG.O-PL купить-INF рис
 ‘Где они забыли купить рис?’
- (3) *rʔenute-t* *na-ntəjawatə-na-t* *kurə-k* *walətkora-k?*
 что-NOM.PL LOW.A-забыть-3SG.O-PL купить-INF магазин-LOC
 ‘Что они забыли купить в магазине?’

Вопросительный вынос из финитных придаточных невозможен ни для аргументов, ни для адъюнктов:

- (4) а. *əryə-nan* *na-waləmə-n* *ləmŋəl*
 они-AN.INS LOW.A-слышать-3SG.O сказка.NOM.SG

miŋ.kə-ri wɛtʷ-e Ø-temju-ni-n
 где-ADV.ALL ворон-INS 2/3.S/A-обманывать-3SG.A.3.O-3SG.O
reqokatʷə-n.

лиса-NOM.SG

‘Они слышали сказку, как ворон обманул лису’

b. **meŋin əɾʷə-nan na-waʎomə-n təmŋət*
 кто.NOM они-AN.INS LOW.A-слышать-3SG.O сказка.NOM.SG
miŋ.kə-ri wɛtʷ-e Ø-temju-ni-n?

где-ADV.ALL ворон-INS 2/3.S/A-обманывать-3SG.A.3.O-3SG.O
 Ожид. зн. ‘Кого обманул ворон в сказке, которую они слышали?’

In situ вопросительные местоимения интерпретируются как неопределенные. Такие предложения могут быть вопросами только при переспросе.

Остров вопросительной группы в чукотском языке является слабым:

(5) *rʔenut tajkə-jo-lqət ʷət ʷə-simʷu-jʷət*
 что.NOM.SG делать-PTCL.PASS-DEB ты PF-думать-NP.2SG
miŋ.kə-ri tejkə-k?

где-ADV.ALL делать-INF

‘Какую задачу ты думал, как решить?’

(6) **miŋ.kə-ri ʷət ʷə-simʷu-jʷət rʔenut*
 где-ADV.ALL ты PF-думать-NP.2SG что.NOM.SG
tajkə-jo-lqət tejkə-k?

делать-PTCL.PASS-DEB делать-INF

Ожид. зн. ‘Каким образом ты думал, какую задачу решить?’

Список условных сокращений

NOM.SG — номинатив единственного числа; AN.INS — инструменталис (выступает в роли эргатива) одушевленного склонения; LOW.A — показатель опущенного агенса, также употребляется при агенсе третьего лица множественного и единственного числа при субъектно-объектном

согласовании; 3SG.O — показатель согласования с объектом в 3SG; INF — инфинитив; ADV.ALL — суффикс, образующий от наречий наречия с аллативным значением; 2/3.S/A — агенс или единственный участник второго или третьего лица; 3SG.A.3.O — согласование с субъектом в единственном числе третьего лица и объектом третьего лица; PTCL.PASS — пассивное причастие; DEB — дебитив; PF — показатель перфекта; NP.2SG — согласование с субъектом неглагольной предикации во втором лице единственном числе, встречается также в показателе статива.

Источники

Мультимедийный корпус амгуэмского диалекта [Электронный ресурс].
(chuklang.ru/corpus)

Литература

- Венстен 2015 — Ш. Венстен. Чукотско-французско-англо-русский словарь: в 3-х томах. Анадырь, 2015.
- Dunn 1999 — M. J. Dunn. A Grammar of Chukchi. PhD Thesis. Australian National University, Canberra, 1999.

М. А. Сидорова

МГУ — ИЯз РАН, Москва

АППРОКСИМАТИВНЫЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ТАТЫШЛИНСКОМ ГОВОРЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Работа посвящена синтаксическим и семантическим ограничениям в аппроксимативных количественных конструкциях (КК_{АППР}) в татышлинском говоре удмуртского языка¹. Материал собран методом анкетирования носителей в Республике Башкортостан в селах Старый Кызыл-Яр, Ивановка, Нижнебалтачево и Новые Татышлы в 2019 г.

В татышлинском говоре есть несколько стратегий выражения неточного количественного значения. Система числительных этого говора описана не вполне подробно — так, в [Кельмаков 1998: 133–134] нет данных о выражении неточного количества. В [Baidoullina 2003: 66] на материале татышлинского говора и в [Стрелкова 2013: 78–92] на материале различных удмуртских диалектов перечисляются следующие стратегии:

- (i) соположение форм количественных числительных (в т. ч. с частицей *-a*);
- (ii) послеложные стратегии;
- (iii) краткая форма *ok* ‘один’, находящаяся в препозиции к числительному;
- (iv) количественное числительное с показателем *-o*;
- (v) маркирование существительного в КК или одиночного числительного показателем множественного числа;
- (vi) комбинации перечисленных стратегий.

В указанных работах практически не затрагивается вопрос синтаксиса таких конструкций.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ №19-012-00627а.

В ходе нашего исследования, **во-первых**, уточнен инвентарь стратегий, используемых в изучаемом говоре, и некоторые особенности уже отмечавшихся стратегий. Например, числительные с *-o* в аппроксимативном значении не употребляются автономно, см. **(ok) das-o* (**один** десять-APPR). Опрошенные носители используют не все приводимые предшественниками послеложные стратегии. Существует не зафиксированная ранее стратегия с компаративным маркером *-ges*. Не была учтена ранее стратегия с постпозитивным маркером *kemda*, ограниченная контекстами единиц измерения (время и расстояние). Мы выявили и другие ограничения на сочетаемость аппроксимативных показателей. Так, стратегия (v), по нашим данным, тоже ограничивается небольшим подклассом контекстов с единицами измерения, ср. (1)–(3). Кроме того, эта стратегия может использоваться с порядковыми числительными (в отличие от послеложной стратегии).

- (1) *so-len urom-jos-âs das gorod-jos-ân*
 он-GEN1 друг-PL-POSS.3SG десять город-PL-LOC
ul-o
 жить-PRS.3PL
 ‘Его друзья живут (ровно) в десяти городах / *примерно в десяти городах’.
- (2) *so kün' sägüt-jos-â lâkt-o-z*
 он три час-PL-ILL приходить-FUT-3
 ‘Он придет примерно / *ровно к трем часам’.
- (3) *tač'e zadačâ-os-âs vit'-eti klas-jos-ân*
 такой задача-PL-POSS.3SG пять-ORD класс-PL-LOC
uža-lo
 работать-PRS.3PL
 ‘Такие задачи решают примерно в пятом классе’.

Во-вторых, рассмотрены некоторые вопросы синтаксиса KK_{APPR} (линейная позиция послеложного маркера, сочетаемость показателей с различными разрядами, маркирование существительных показателями именных категорий). Рассмотрим в качестве примера послелог *mate*, приписывающий имени падеж (DAT). Согласно [Plank 2004: 165], внутренняя структура таких KK_{APPR}

может оставаться адложной, но они получают возможность занимать позиции, доступные только для ИГ. Основной конфликт возникает, когда адложная КК_{APPR} приобретает возможность заполнять валентность предиката. Татышлинский говор удмуртского языка использует следующую стратегию: в случае, если отсутствует приписываемый извне падеж, выраженный каким-либо показателем, для *mate* доступна позиция после измеряемого существительного (4), тогда как в остальных случаях доступна только позиция после количественного слота, причем не во всех идиолектах (5).

- (4) *var'en'ije das baŋkâ-lâ mate lu-oz*
 варенье десять банка-DAT APPR быть-FUT.3SG
 'Варенья будет примерно десять банок'.
- (5) *var'en'i-jes [?]das-lâ mate baŋka-je /*
 варенье-ACC десять-DAT APPR банка-ILL
 **das baŋka-lâ mate-je /*
 десять банка-DAT APPR-ILL
 **das baŋka-je-lâ mate /*
 десять банка-ILL-DAT APPR
 **das baŋka-je mate târ-ono*
 десять банка-ILL APPR класть-DEB
 'Варенье нужно разложить примерно в десять банок'.

В-третьих, изучена сочетаемость данных показателей вне КК и проанализированы имеющиеся данные об их происхождении. Мы рассмотрим эти вопросы в типологической перспективе с опорой, в частности, на [Billings 1995; Plank 2004; Mihatsch 2009; Masini et. al. 2018].

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; APPR — приблизительность; DAT — датив; DEB — дебитив; FUT — будущее время; GEN — генитив; ILL — иллатив; LOC — локатив; ORD — порядковое числительное; PL — множественное число; POSS — посессивный показатель; PRS — настоящее время; SG — единственное число.

Литература

- Кельмаков 1998 — В. К. Кельмаков. Краткий курс удмуртской диалектологии. Ижевск: Изд-во УДГУ, 1998.
- Стрелкова 2013 — О. Б. Стрелкова. Имена числительные удмуртского языка. Монография. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013.
- Baidoullina 2003 — A. Baidoullina. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология (Magistritöö). Tartu: Tartu Ülikool, 2003.
- Billings 1995 — L. A. Billings. Approximation in Russian and the Single-Word Constraint. PhD Thesis. Princeton University, Princeton, 1995.
- Masini et al. 2018 — F. Masini, M. S. Micheli and Sh. Huang. Attenuation and categorization: a cross-linguistic study // 51st Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (29 August – 1 September 2018). Tallinn: 2018. P. 341–342.
- Mihatch 2009 — W. Mihatsch. The approximators French *comme*, Italian *come*, Portuguese *como*, Spanish *como* from a grammaticalization perspective // C. Rossari, C. Ricci and A. Spiridon (eds.). Grammaticalization and Pragmatics: Facts, Approaches, Theoretical Issues. [Studies in pragmatics 5]. Bingley: Emerald Group Publishing, 2009. P. 65–92.
- Plank 2004 — F. Plank. Inevitable reanalysis: From local adpositions to approximative adnumerals, in German and wherever // Studies in Language 28, 2004. P. 165–201.

Ю. В. Сеницына

МГУ, Москва

**МОРФОСИНТАКСИС И СЕМАНТИКА
ГОРНОМАРИЙСКОГО КОМПАРАТИВНОГО
СУФФИКСА -РАК¹**

Объектом исследования, выполненного на материале горномарийского языка, является морфосинтаксис и семантика суффикса *-rak* (*-räk*). Материал собран в 2018–2019 гг. в с. Кузнецово и близлежащих деревнях (Республика Марий Эл) методом анкетирования. Также привлекался материал экспедиционного корпуса текстов объемом около 60 тыс. словоупотреблений.

В [Саваткова 2002: 134–135] *-rak* трактуется как суффикс сравнительной степени прилагательных. В [Галкин 1964: 95] указывается также, что *-rak* часто выражает неполную степень проявления признака. Для луговомарийского когната *-rak* в [Казанцева 2005: 157] указывается две основные функции: синтетический способ образования сравнительной степени, а также указание на «ослабленный характер признака или свойства предмета». Согласно [Федотов 1990: 99; Галкин 1964: 95; Майтинская 1979: 147] и др., данный суффикс является тюркским заимствованием.

Суффикс *-rak* необязателен в качестве маркера параметра на прилагательном в сравнительных конструкциях (1), однако в указанной литературе не обсуждается, какие факторы способствуют его наличию или отсутствию в конкретном контексте. Этот вопрос поднимался для некоторых других уральских и тюркских языков, например, для мокшанского в [Холодилова 2018], мишарского диалекта татарского в [Былинина 2017], турецкого в [Hofstetter 2013]. Так, в мишарском диалекте татарского языка

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-012-00627а.

маркер параметра обязательно выражается, если в качестве параметра сравнения выступает наречие [Былинина 2017: 451]. В горномарийских сравнительных конструкциях употребление *-rak* с наречиями необязательно, как и с прилагательными. В то же время *-rak* как маркер параметра обязателен в случае невыраженного стандарта сравнения (2), что также справедливо для маркеров параметра в мокшанском (*s'adə*) и турецком (*daha*) языках [Холодилова 2018; Hofstetter 2013].

Являясь необязательным маркером параметра в сравнительных конструкциях с выраженным стандартом сравнения, *-rak* выражает то, что объект сравнения обладает указанным свойством в немного большей степени, чем стандарт сравнения.

Вне сравнительных конструкций прилагательные, модифицированные суффиксом *-rak*, могут получать разные интерпретации. Так, одна группа прилагательных, сочетаясь с *-rak*, интерпретируется как в (1), то есть *-rak* указывает на отклонение от некоторого (эксплицитно не выраженного) стандарта сравнения в большую сторону (2). В других случаях прилагательные с суффиксом *-rak* означают, что индивид обладает указанным свойством в небольшой степени (3).

Наш анализ основывается на предположении, что *-rak* является модификатором степени и выражает отношение между двумя степенями на шкале соответствующего прилагательного (см. анализ [Kagan, Alekseyenko 2011] для русского суффикса *-оват-/еват-*). При этом на интерпретацию влияет тип шкалы, к которому относится прилагательное. В сочетании с прилагательным открытой шкалы (*kogo* ‘большой’ в (3)) *-rak* допускает только значение превышения степени признака, в то время как в сочетании с прилагательным закрытой снизу шкалы (*l'ävärän* ‘грязный’ в (2)) *-rak* свидетельствует о небольшой степени проявления признака.

- (1) *pet'a vas'a gäc kužä-(rak)*
Петя Вася ЕЛ длинный-СМРР
‘Петя (**немного**) выше Васи’.

- (2) а. *pet'a kogo-rak*
Петя большой-СМРР
‘Петя повыше (чем кто-то) / *‘Петя не очень высокий’.

- b. *pet'a kogo*
Петя большой
'Петя высокий'.
- (3) a. *l'ävärän-rük posuda stöl vël-në ulâ*
грязный-СМРР посуда стол на-IN2 имеется
'На столе стоит грязноватая посуда'.
- b. *l'ävärän posuda stöl vël-në ulâ*
грязный посуда стол на-IN2 имеется
'На столе стоит грязная посуда'.

Список условных сокращений

СМРР — компаратив; EL — элатив; IN2 — второй (непродуктивный) инессив.

Литература

- Былинина 2017 — Е. Г. Былинина. Сравнительные конструкции // С. Г. Татевосов, Е. А. Лютикова, А. А. Бонч-Осмоловская и др. Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект. М.: Буки Веди, 2017. С. 448–464.
- Галкин 1964 — И. С. Галкин. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Часть I. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964.
- Казанцева 2005 — И. В. Казанцева. Функционально-семантическое поле компаративности в марийском литературном языке: Дисс. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2005.
- Майтинская 1979 — К. Е. Майтинская. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979.
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка. [Bibliotheca Ceremissica 5]. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.
- Федотов 1990 — М. Р. Федотов. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск: Изд-во Саран. ун-та, 1990.
- Холодилова 2018 — М. А. Холодилова. Сравнительные конструкции // Элементы мокшанского языка в типологическом освещении. М.: Буки Веди, 2018. С. 779–798.

- Hofstetter 2013 — S. Hofstetter. Selected Issues in the Theory of Comparison: Phrasal Comparison in Turkish and a Cross-Linguistic Perspective on Intensifiers, Negative Island Effects and the Distribution of Measure Phrases. PhD Thesis. Eberhard-Karls-Universität Tübingen, 2013.
- Kagan, Alekseyenko 2011 — O. Kagan, A. Alekseenko. Degree modification in russian morphology: The case of the suffix *-ovat* // I. Reich et al. (eds.). Proceedings of Sinn & Bedeutung 15. Saarbrücken: Universaar — Saarland University Press, Germany, 2011. P. 321–335.

М. В. Скачедубова

НИУ ВШЭ — ИРЯ РАН, Москва

К ВОПРОСУ О ГРАММАТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ Л-ФОРМЫ И ЕЕ ДИСКУРСИВНЫХ СВОЙСТВАХ В ДРЕВНЕРУССКОМ НАРРАТИВЕ

Л-форма в древнерусском, употребленная без связки по отношению к прошедшему времени, традиционно интерпретируется как бессвязочный перфект. В связи с тем, что перфектное значение для нарратива в целом не свойственно, то *л*-формы, частотные в летописном тексте, рассматриваются обычно как финитная форма, возникшая в результате утраты перфектом его первичного значения и случайно проникшая в текст из живой речи пишущего ([Кузнецов 1959: 214–230; Горшкова, Хабургаев 1981: 325–341; Шевелева 2001, 2009, 2015] и др.). Между тем анализ синтаксических структур и выделение контекстов, наиболее частотных для *л*-форм, помогает выявить закономерность в их употреблении, сделать новые предположения о грамматическом статусе *л*-формы и ее дискурсивных свойствах в летописном повествовании.

Проведенное исследование показало, что в древнерусских летописях *л*-формы без связки употребляются не непредсказуемо, а закономерно, в определенных типах контекстов, набор которых одинаков во всех проанализированных памятниках. В выделенных контекстах *л*-форма используется в функциях, типичных для действительных причастий прошедшего времени на *-ъи/-въи*-. обозначает дополнительное или фоновое действие, употребляется в контекстах, типичных для зависимых причастных предикаций, и др.

Предположение о способности *л*-формы актуализировать свои причастные свойства и выступать в функции «обычных» причастий прошедшего времени проливает свет и на ее дискурсивные особенности и позволяет выдвинуть объяснение ее использованию, подходящее ко всем без исключения контекстам.

Исследователи отмечали отдельные дискурсивные свойства употребления *л*-формы. Так, например, Е. С. Истрина писала, что *л*-причастия регулярно употребляются в некоторых типах придаточных предложений [Истрина 1923: 199]. Э. Кленин замечала, что «...перфект ⟨...⟩ используется для описания событий в резюмированной форме, приглашая слушающего обратиться к событиям уже или хранящимся в его памяти, или, если новым, сразу доступным для хронологического рассмотрения» [Klenin 1993: 334]. П. В. Петрухин на материале Новгородской первой летописи старшего извода приходит к выводу о дискурсивно-прагматическом распределении форм перфекта и плюсквамперфекта: «перфект передает известную информацию, плюсквамперфект — новую» [Петрухин 2003: 87].

Однако ни одно из данных предположений не позволяет объяснить употребление *л*-формы во всех выделенных контекстах. Как показывает материал, *л*-формы употребляются как в зависимых, так и в главных предложениях: следовательно, синтаксическая структура не влияет на использование *л*-форм. Далеко не всегда *л*-форма обозначает фоновое действие, находящееся вне нарративной цепи. Также на более широком материале не обнаруживается распределение форм в зависимости от известности информации.

Проведенный анализ показал, что причиной употребления *л*-формы в анализируемых контекстах является ее причастный характер. Причастность — единственное, что объясняет появление *л*-формы во всех без исключения примерах. Как и «обычное» причастие, *л*-причастие могло обозначать длительное действие, противопоставленное по своему характеру ряду аористов, обозначающих последовательные действия; оно могло иметь семантику фоновости, обозначать дополнительное действие и др. Дискурсивной особенностью *л*-формы было ее употребление для маркирования действия, противопоставленного последовательным действиям в нарративной цепи, выражаемым, как правило, формами аориста.

Описанная ситуация схожа с картиной употребления (дее)причастий, наблюдаемой в карачаево-балкарском языке, описанной А. А. Кибриком: «Деепричастное оформление цепочки клауз подчеркивает, что данная группа событий образует единство, одно

макро-событие. То есть деепричастное оформление указывает на иерархическую организацию событий, на то, что два или несколько событий низкого уровня объединяются в событие более высокого уровня» [Кибрик 2008: 145]. Данные замечания можно отнести и к рассматриваемому древнерусскому материалу.

Литература

- Горшкова, Хабургаев 1981 — К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981.
- Истрина 1923 — Е. С. Истрина. Синтаксические явления синодального списка I Новгородской летописи. Петроград, 1923.
- Кибрик 2008 — А. А. Кибрик. Финитность и дискурсивная функция клаузы (на примере карачаево-балкарского языка) // Исследования по теории грамматики. Вып. 4. Грамматические категории в дискурсе. М., 2008. С. 131–166.
- Кузнецов 1959 — П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.
- Петрухин 2003 — П. В. Петрухин. Лингвистическая гетерогенность и употребление прошедших времен в древнерусском летописании. Дисс... канд. филол. наук. ИРЯ РАН, М., 2003.
- Шевелева 2001 — М. Н. Шевелева. Об утрате древнерусского перфекта и происхождении диалектных конструкций со словом *есть* // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сборник научных статей к 80-летию профессора К. В. Горшковой. М., 2001. С. 199–216.
- Шевелева 2009 — М. Н. Шевелева. «Согласование времен» в языке древнерусских летописей (к вопросу о формировании относительно-го употребления времен и косвенной речи в русском языке) // Русский язык в научном освещении, 2(18), 2009. С. 144–174.
- Шевелева 2015 — М. Н. Шевелева. О некоторых глагольных формах в «Поучении» Владимира Мономаха и языке Киева на рубеже XI–XII вв. // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies 4(1), 2015. P. 564–577.
- Klenin 1993 — E. Klenin. The perfect tense in the Laurentian Manuscript of 1377 // R. A. Maguire, A. Timberlake (eds.). American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists. Bratislava, August–September 1993. Literature. Linguistics. Poetics. Columbus (Ohio), 1993. P. 330–343.

А. А. Смирнова
НИУ ВШЭ, Москва

**НЕПОСЕССИВНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ПОСЕССИВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ
НА ПРЯМОМ ОБЪЕКТЕ
В СЕВЕРНОМ ХАНТЫЙСКОМ
(КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

Дифференцированное маркирование прямого дополнения (Differential Object Marking, DOM), т.е. различное кодирование объекта в зависимости от факторов, не связанных с семантической ролью и диатезой, широко распространено в языках мира и типично для финно-угорских языков [Сердобольская, Толдова 2012]. Среди факторов, влияющих на выбор стратегии оформления объекта, могут быть характеристики глагола, клаузы, информационная структура, референциальный статус объекта, его одушевленность или квантификация [ibid.].

В хантыйском языке в аспекте DOM традиционно рассматривается факультативное согласование с объектом на глаголе [Rédei 1965; Nikolaeva 1999; Ковган 2002]. Однако иногда на объекте появляется посессивный маркер, не имеющий собственно посессивной интерпретации:

- (1) *sorńe-ŋ* *χил-ije-λ* *woχ-əs*
золото-ATTR рыба-DIM-POSS.3SG звать-PST[3SG]
‘Золотую рыбку позвал’.

Такое употребление посессивного показателя можно рассматривать как DOM.

В выборе факторов, которые могут влиять на различное оформление прямого дополнения, мы опирались на список в [Сердобольская, Толдова 2012], впрочем, им не ограничиваясь. Мы рассмотрели следующие параметры:

- согласование с объектом на глаголе;
- финитность клаузы;
- перфективность клаузы;
- референциальный статус объекта;
- положение объекта на шкале одушевленности;
- статус глагола и объекта как темы или ремы.

Наши данные взяты из экспедиционного корпуса¹ трех диалектов хантыйского языка: казымского, тегинского и шурышкарского. Для каждого диалекта мы рассмотрели выборку из ста предложений с прямым дополнением, где мы отметили наличие посессивного маркера на прямом дополнении и факторы, указанные выше. Единственным фактором, однозначно определяющим выбор стратегии, являются временные и аспектуальные характеристики глагола. Так, во всех диалектах имперфективное прошедшее время блокирует посессивное маркирование прямого объекта. В непрошедшем времени ситуация разнится в зависимости от диалекта. В шурышкарском диалекте в имперфективной клаузе посессивное маркирование невозможно и в непрошедшем времени. В тегинском говоре, независимо от аспектуальных характеристик глагола, в непрошедшем времени вероятность появления посессивного показателя на объекте сильно снижается. В казымском диалекте в имперфективных клаузах в непрошедшем времени чаще используется немаркированная форма, а в перфективных — маркированная.

Среди других важных факторов оказывается референциальный статус объекта. Исследование показало, что вероятность посессивного маркирования повышается при определенном объекте. Объекты с референтной неопределенной интерпретацией по своим свойствам в данных контекстах похожи скорее на нереферентные именные группы.

Наши результаты по различным факторам обобщены в таблице ниже:

¹ Корпус текстов на хантыйском языке общим объемом в 42174 словоупотребления, разработанный Е. В. Кашкиным в рамках программы фундаментальных исследований президиума РАН «Корпусная лингвистика» (2012–2014 гг.).

повышает вероятность посессивного маркирования	понижает вероятность посессивного маркирования
перфективность клаузы	имперфективность клаузы
определенный объект	неопределенный объект
одушевленный объект	неодушевленный объект
объект в теме	объект в реме

Таблица 1. Факторы, влияющие на вероятность
посессивного маркирования

В докладе мы также сопоставим результаты проведенного исследования с некоторыми данными родственных языков и с гипотезой переходности [Nopper, Thompson 1980]. По [ibid.] специальное маркирование наиболее вероятно в клаузах, приближенных к прототипу переходности. По результатам анализа хантыйских данных получается, что специальное маркирование ожидается, в первую очередь, в клаузах, максимально приближенных к прототипу. Таким образом, наши результаты поддерживают гипотезу переходности, так же как, например, данные мокшанского языка [Козлов 2017].

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; ATTR — атрибутив; DIM — диминутив; POSS — посессор; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Ковган 2002 — Е. В. Ковган. Способы выражения кореферентности в хантыйском тексте // Н. Б. Кошкарева, И. В. Октябрьская (ред.), Языки коренных народов Сибири. Vol. 12. Новосибирск, 2002. С. 3–28.
- Козлов 2017 — А. А. Козлов. Акциональный DOM в мокшанском языке и проблема циклов грамматикализации // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН XIII, 3, 2017. С. 158–193.

- Сердобольская, Толдова 2012 — Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: *Studia Philologica*, 2012. С. 59–142.
- Hopper, Thompson 1980 — P. J. Hopper, S. A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse. *Language* 56 (2), 1980. P. 251–299.
- Nikolaeva 1999 — I. Nikolaeva. *Ostyak* [Languages of the World]. München — Newcastle: LINCUM Europa, 1999.
- Rédei 1965 — K. Rédei. *Northern Ostyak chrestomathy*. The Hague, Bloomington: Indiana University Press, 1965.

А. М. Старченко
НИУ ВШЭ, Москва

В ПОИСКАХ АНТИПАССИВА В АМГУЭМСКОМ ГОВОРЕ ЧУКОТСКОГО ЯЗЫКА ¹

В работах, посвященных чукотскому языку, отмечается существование в нем антипассива, выражаемого показателем *ine-/ena-*, — залоговой альтернатиции, состоящей в понижении объекта [Недялков 1979; Kozinsky et al. 1988]. Пример антипассивизации можно наблюдать в (1) ([Kozinsky et al. 1988]: (1b), (2b) с адаптацией транскрипции и глосс к принятой нами системе записи). По сравнению с примером (1a) с прямой диатезой, в (1b) можно видеть пониженное из абсолютива в инструменталис прямое дополнение (возможно также понижение в датив и локатив) и маркирование исходного эргативного² подлежащего абсолютивом. Вместе с маркированием изменяется согласование: в примере (1a) глагол имеет переходное согласование, а в (1b) согласуется только с субъектом.

- (1) a. *ʔaacek-a kimitʔə-n ne-nlʔetetə-n*
youth-ERG load-ABS.SG LOW.A-carry-3SG.O
- b. *ʔaacekə-t ine-nlʔetet-γʔe-t kimitʔ-e*
youth-ABS.PL [2/3.S/A]ANTI-carry-TH-PL load-INS
'(The) young men carried away the load'.
[Kozinsky et al. 1988]

В отличие от других диалектов (и текстов, язык которых соответствует кодифицированной литературной норме) в амгуэмском диалекте чукотского языка, которому посвящен настоящий до-

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 году.

² Следует заметить, что эргатив и инструменталис в чукотском имеют фонетически одинаковые показатели.

клад, конструкции с антипассивом на *ine-* воспринимаются или как невозможные, или как неестественные, допустимые только в книге или газете, но не разговорной речи [Стенин (рук.)]:

- (2) [?]*ʔətla ewirʔ-e ena-jme-yʔ-e*
 мать.ABS.SG одежда-ERG [2/3.S/A]ANTI-вешать-ТН-2/3SG.S
(ɲety-ətə / ɲityə-k)
 веревка-DAT веревка-LOC
 ‘Мать повесила одежду на веревку’.

В амгуэмском чукотском, однако, существует свободно употребляемая лексическая единица, которая исторически содержит антипассив, — глагол (*ena*)*rerək* ‘искать’. В (3а) представлено ее употребление с показателем антипассива, в (3б) — без него, с инкорпорацией прямого объекта.

- (3) a. *maša ena.rerə-rkən*
 Маша.ABS.SG [2/3.S/A]ANTI.искать-IPFV
 ‘Маша (что-то) ищет’.
- b. *nə-qaə-mkə-rer-qen*
 ST-олень-COLL-искать-ST.3SG
 ‘Он ищет часть стада оленей’.

enarerək проявляет ряд свойств антипассивной формы, в частности, не может присоединять выраженного отдельным словом пациенса:

- (4) [?]*maša-na ker~ker*
 Маша-AN.ERG керкер~RED.ABS.SG
ena.rerə-rkə-nen
 [2/3.S/A]ANTI.искать-IPFV-3SG.A.3.O
 #‘Маша ищет керкер’.
[?]‘Маша обыскивает керкер’.

Рассматриваемый глагол может присоединять прямое дополнение со значением места, что соответствует антипассивной конструкции, в которой место пониженного прямого объекта занимает исходный косвенный объект [Kozinsky et al. 1988: (20)]. Для примера (4) такое прочтение является единственным возможным, хотя и не вполне естественным: керкер — женский меховой комбинезон — признается некоторыми носителями непрототипиче-

ским местом для поиска. Если в качестве дополнения выступает вместилище, например, *tejusʷən* ‘сумка’, предложение признается абсолютно правильным.

С другой стороны, в некоторых случаях *enarerək* проявляет неожиданное для антипассивной формы поведение, в частности, при нем не может быть выражено пониженное дополнение в косвенном падеже:

- (5) **maša* *ker-etə* / *ker-a* / *kerə-k*
Маша.ABS.SG керкер-DAT керкер-INS керкер-LOC
ena.rerə-rkən
[2/3.S/A]ANTI.искать-IPFV
‘Маша ищет керкер’.

Кроме того, в *enarerək* возможна инкорпорация объекта с сохранением *ena-*, тогда как, согласно [Kozinsky et al. 1988: 661], антипассив и инкорпорированный объект не могут сочетаться в рамках одной словоформы.

- (6) *nə-qaə-mk-ena.rer-qen*
ST-олень-COLL-ANTI.искать-ST.3SG
‘Он ищет часть стада оленей’.

Таким образом, перед нами единица, которая переживает процесс лексикализации: с одной стороны, она может употребляться без показателя антипассива и сохраняет ряд его свойств, с другой стороны, демонстрирует поведение, которое от антипассивной формы не ожидается. В докладе мы более подробно рассмотрим, какие особенности *enarerək* следуют из его антипассивной природы, а какие ей противоречат, в том числе рассмотрим его взаимодействие с инверсивным употреблением показателя *ine-* (*spurious antipassive* в терминологии [Bobaljik, Branigan 2006]).

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; А — агентивный участник; ABS — абсолютив; ANTI — антипассив; COLL — собирательная множественность; DAT — датив; ERG — эргатив; INS — инструменталис; IPFV — имперфектив; LOC — локатив; O — пациентивный участник; PL — множественное число;

RED — редупликация; S — подлежащее непереходной клаузы; SG — единственное число; ST — статив; TH — тематический элемент.

Литература

- Недялков 1979 — В. П. Недялков. Чукотский антипассив и вторичная транзитивация // Г. К. Широков и др. (ред.). XIV Тихоокеанский научный конгресс. Август 1979 г., Хабаровск. Комитет Л. Секция «Этнокультурные проблемы изучения народов Тихоокеанского региона». Языки бассейна Тихого океана. Тезисы докладов. М., 1979. С. 266–268.
- Стенин (рук.) — И. А. Стенин. Согласование в чукотском языке. Рукопись.
- Bobaljik, Branigan 2006 — J. D. Bobaljik, Ph. Branigan. Eccentric agreement and multiple case checking // A. Johns, D. Massam and J. Ndayiragije (eds.). Ergativity: Emerging Issues. Dordrecht: Springer, 2006. P. 47–77.
- Kozinsky et al. 1988 — I. Kozinsky, V. Nedjalkov and M. Polinskaja. Antipassive in Chukchee // M. Shibatani (ed.). Passive and Voice. Amsterdam: John Benjamins, 1988. P. 651–706.

Р. В. Тарасов

НИУ ВШЭ, Москва

К ПОСТРОЕНИЮ ТИПОЛОГИИ ТРОПАТИВА

Доклад посвящен типологии тропатива — категории, имеющей значение ‘X считает Y обладающим качеством Q’. В докладе описывается устройство различных тропативных конструкций в языках мира и их виды.

Термин «тропатив» введен в работе [Larche 1996] о «лексических деривациях» (тропативе и меритативе) в арабском языке в значении «аффикс, создающий из глагола со значением ‘быть X-ом’ глагол со значением ‘считать X-ом’». Данной деривации в джапхугском языке посвящена статья [Jacques 2013]; некоторые сведения также можно найти в [Стенин 2015] (рецензия на грамматику тундрового ненецкого языка [Nikolaeva 2014], в которой какие-либо сведения о тропативе отсутствуют; в рецензии используется термин «декларатив»). Все эти работы — конкретно-языковые; типологических обобщений по теме тропатива в литературе обнаружено не было.

В ходе исследования было обработано 111 различных языков различных семей и ареалов — 100 естественных, 11 искусственных. Выборка в целом является convenience sample и не претендует на репрезентативность, но в целом она составлялась таким образом, чтобы число представленных семей и ареалов было максимальным.

В докладе описываются средства выражения тропатива, правила построения тропативных конструкций в различных языках мира.

Также поставлена дополнительная задача — проверить эффективность и применимость метода среза — краткого онлайн-опроса, проводимого среди носителей естественных и пользователей искусственных языков. Основной причиной применения данного метода является периферийность тропатива, вследствие

чего в грамматиках ему обычно не уделяется места. Аргументом в пользу выбора краткого онлайн-опроса вместо обычной полевой эlicitации стала возможность получения данных по большему количеству языков, а также сравнительная простота и удобство метода для информантов. Представляется, что с некоторыми оговорками данный метод удобен для построения предварительной типологии различных слабограмматикализованных деривационных категорий.

Понимание термина «тропатив» будет расширено в докладе. Он также будет включать деривацию со значением ‘считаться Q’. Такие конструкции названы *обратными*, исходные — *прямыми*. Также тропативом будут называться аналогичные конструкции с отрицанием — *негативные* (‘X не считает Y обладающим качеством Q’), исходные (без отрицания) конструкции будут названы *позитивными*. Производится классификация случаев грамматикализации тропатива по различным признакам: универсальность, наличие более широкого значения. В ходе работы установлено, что обратные конструкции — как правило, пассивизация прямых, но есть исключения. Например, в языке зулу используются разные глаголы:

- (1) *ngi-ca(ba)nga* *uhlakanipha*
 1SG.S-думать(3SG.O) умный
 ‘Я считаю его (ее) умным(-ой)’.¹
- (2) *u-bheka* *uhlakanipha*
 3SG-выглядеть умный
 ‘Он(а) считается умным(-ой)’.

Негативные конструкции — как правило, отрицание к позитивным, но есть исключения. Так, в языке аймара для обратных позитивных конструкций используется глагол *siwa*, не являющийся пассивной формой глагола ‘говорить’, но аналогичный форме *to be told about* в английском языке. Для образования же обратных негативных конструкций используется пассивизация прямой негативной конструкции с глаголом ‘видеть’:

¹ Этот и последующие примеры, использованные в докладе, получены методом онлайн-опроса.

- (3) *jupa chi'qhi-ta siwa*
3SG умный-ABL говорить.PASS
'Он(а) считается умным(-ой)'.
(4) *jupa jan chi'qhi-ru unta-si*
3SG NEG умный-ALL видеть-PASS
'Он(а) не считается умным(-ой)'.

В качестве грамматического тропатива может использоваться деривация с более широким значением. Так, в нанайском языке эту функцию выполняет суффикс *-si*, предназначенный для образования глаголов от существительных, прилагательных или других глаголов, например:

- (5) *orkin* 'плохой' — *orki-si-ori* 'считать плохим, обижаться'
но также
(6) *alo-v-ori* 'передавать' — *alo-si-ori* 'учить, преподавать'

Наиболее частая полисемия лексического тропатива — ментальная (напр., рус. *считать*, греч. *theopo* — 'видеть') и посесивная (англ. *find* и франц. *trouver* — 'находить', пол. *miec* — 'иметь') сферы.

В докладе рассматривается также тропатив искусственных языков. Эта часть исследования призвана показать, какие типы конструкций выбираются создателями языков, в зависимости от целей и задач языка. Рассмотрено 11 различных искусственных языков, в число которых включен среди прочих графический язык Эмодзи.

Практическим результатом работы стала база данных "Roman Tarasov's Trovative Database", расположенная по адресу: apptrovative.herokuapp.com.

Список условных обозначений

1, 3 — 1, 3 лицо; ABL — аблатив; ALL — аллатив; NEG — отрицание; O — объект; PASS — страдательный залог; SG — единственное число; S — субъект.

Литература

- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Стенин 2015 — И. А. Стенин. Грамматика тундрового ненецкого языка И. А. Николаевой и проблемы описания самодийских языков // Вопросы языкознания 4, 2015. С. 91–133.
- Jacques 2013 — G. Jacques. Applicative and Tropative Derivations // Linguistics of Tibeto-Burman area 36 (2), 2013. P. 1–13.
- Larche 1996 — P. Larche. Dérivation lexicale et relation passif en arabe classique // Journal Asiatique 284(2), 1996. P. 265–290.
- Nikolaeva 2014 — I. Nikolaeva. A Grammar of Tundra Nenets. [Mouton Grammar Library 65]. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014.

И. А. Хомченкова, М. Л. Федотов

*МГУ — ИРЯ РАН, Москва
ИЛИ РАН — НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург*

ВЫРАЖЕНИЕ КАРИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ В ГОРНОМАРИЙСКОМ И ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ¹

В работе описываются способы выражения каритивной семантики в двух неродственных языках Волго-Камского языкового союза: горномарийском (< уральские; восточные говоры) и чувашском (< тюркские; малокарачкинский диалект). Сопоставление именно этих двух языков интересно в силу их непосредственной ареальной близости и длительного нахождения в контакте, ср. [Федотов 1990]. Исследование основано на полевом материале (данные устного анкетирования и спонтанные тексты), собранном в селе Кузнецово и близлежащих деревнях Горномарийского района республики Марий Эл в 2018–2019 гг. и в селе Малое Карачкино Ядринского района Чувашской республики в 2017–2019 гг.

Семантику **каритива** можно охарактеризовать как описывающую неучастие в ситуации некоторого участника: ср. *Иван пришел без жены; Иван пришел без денег; Иван открыл бутылку без штопора*. В определенном смысле каритив выступает отрицательным эквивалентом комитатива: *Иван пришел с женой / с деньгами*, ср. [Stolz et al. 2007].

В горномарийском² языке каритивное значение могут выражать падежный показатель *-de* <CAR> и постпозитивное составное

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 18-78-10058 «Грамматическая периферия в языках мира: типологическое исследование каритивов».

² Горномарийские каритивные средства были предметом недавнего исследования [Хомченкова 2018], где в первую очередь рассматривалось, в какой степени они являются отрицательными эквивалентами комитативно-инструментального послелого *done*. В настоящей работе фо-

средство *găc pasna* (EL отдельный). В атрибутивной позиции используется специализированный суффиксальный показатель *-dəmƏ* (*-dəmă/-dəmâ*) (NEG.ATTR)³:

- (1) *maša pört-ăškă kot'i găc pasna /*
 Маша дом-ILL кошка EL отдельный
kot'i-de pârâ-ş
 кот-CAR входит-AOR
 'Маша зашла в дом **без** кота'.
- (2) [*pač-dâmâ kot'i-län*] / **[pač-de kot'i-län]* /
 хвост-NEG.ATTR кошка-DAT хвост-CAR кошка-DAT
 **[kot'i-län pač-de]* *kolbasa-m pu-ş-əm*
 кошка-DAT хвост-CAR колбаса-ACC дать-AOR-1SG
 'Я дала кошке **без** хвоста колбасу'.

В чувашском языке имеется каритивный суффикс *-Sər* (*-sər/-sër/-zər/-zër*) (CAR), который употребляется в любых синтаксических позициях, как атрибутивных, так и неатрибутивных:

- (3) a. *maşə kožak-sər ki-ze.*
 Маша кошка-CAR прийти-CV_SIM
- b. **maşə kožak-sər poen'a ki-ze.*
 Маша кошка-CAR кроме прийти-CV_SIM
 'Маша пришла **без** кошки'.
- (4) *jep [xyre-zër kožag-a] kəlbassi par-d-əm*
 я хвост-CAR кошка-OBJ колбаса давать-PST-1SG
 'Я дала кошке **без** хвоста колбасу'.

Отметим, что горномарийская единица *pasna* 'отдельный; без; кроме' является заимствованием чувашского послелога *пуçне* 'кроме' (малокар. *poe-ni-a* (голова-P_3-OBJ)) [Федотов 1990: 216; Галкин 1964: 32].

кус будет сделан на свойствах каритивных показателей в сопоставлении с синонимичными чувашскими средствами.

³ Существование подобных пар каритивных суффиксов, в которых один используется в атрибутивной позиции, а другой — в неатрибутивных, характерно и для других уральских языков, см. [Наматі 2011].

При этом в чувашском (во всяком случае, в малокарачкнском диалекте) этот послелог не используется в собственно каритивных контекстах, а лишь в контекстах со значением ‘кроме’ (т. н. эксептив — семантическая зона, смежная с каритивной) — ср. (3b) и (5):

- (5) *man-zər boсn'ia* / **man-zər, por=da xola-j-a*
я-CAR кроме я-CAR все=и город-P_3-OBJ
kaj-za
идти-CV_SIM
‘Все, **кроме** меня, поехали в город’.

Горномарийская единица *găc pasna* (но не *-de!*) также используется в эксептивных контекстах:

- (6) *ivan găc pasna* / **ivan-de cilä-n*
Иван EL отдельный Иван-CAR весь-ADV
tol-ân-ât
приходить-PRET-3PL
‘Все, **кроме** Ивана, пришли’.

Однако, в отличие от чувашской единицы, горномарийская *găc pasna* полноценно используется и в собственно каритивных контекстах, ср. (1)⁴.

В глагольной сфере в горномарийском показатель *-de* также употребляется, образуя «отрицательное деепричастие»; при этом он присоединяется к чистой глагольной основе⁵:

- (7) *măn' lem-äm kač-de(=ok) mad-aš ke-n-äm*
я суп-ACC есть-CAR=EMPH играть-INF идти-PRET-1SG
‘Я пошла играть, не съев суп’.

В чувашском аналогичная по функции форма образуется присоединением более длинного (по всей видимости, составного)

⁴ При этом в то время как в горномарийском она практически на равных конкурирует в них с суффиксом *-de*, ее луговомарийский вариант *deč posna* вытесняет *-de* — там он практически не употребляется [Галкин 1964: 32].

⁵ Аналогично *-dămă* образует «отрицательное причастие»: *päl-ăš* (знать-INF) > *pälă-dămă* ‘незнакомый’.

показателя, вторая часть которого также совпадает с каритивным суффиксом (а первая — с суффиксом инфинитива): *-mA-zəɾ* (INF-CAR):

- (8) *jep abat ei-me-zër(=ex) vil'a-ma kari-əm*
 я суп есть-INF-CAR=EMPH играть-INF идти.PST-1SG
 ‘Я пошла играть, не съев суп’.

Помимо перечисленного, в докладе будут рассмотрены морфологические свойства каритивных показателей в двух языках — в том числе их совместимость с показателями числа и посессивности и особенности их «безвершинных» употреблений (атрибутивных употреблений с невыраженным вершинным именем, ср. ‘[Те, кто] без друзей — обычно грустные’).

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лица; ACC — аккузатив; ADV — адвербиализатор; AOR — аорист; CAR — каритив; CV_SIM — «деепричастие одновременности» (используется в том числе финитно, с референцией к плану прошедшего); DAT — датив; EL — элатив; EMPH — эмфатическая частица; ILL — иллатив; INF — инфинитив; NEG.ATTR — отрицательный атрибутивизатор; OBJ — объектный падеж; P — посессивность; PL — множественное число; PRET — претерит; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Галкин 1964 — И. С. Галкин. Историческая грамматика марийского языка: Морфология. Йошкар Ола: Марийское книжное изд-во, 1964.
 Федотов 1990 — М. Р. Федотов. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск: Изд-во Саратовского университета. Саранский филиал, 1990.
 Хомченкова 2018 — И. А. Хомченкова. Каритивный показатель *-de* в горномарийском языке // Д. Ф. Мищенко (отв. ред.). Пятнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 22–24 ноября 2018 г.) СПб: ИЛИ РАН, 2018. С. 175–178.

- Hamari 2011 — A. Hamari. The abessive in the Permic languages // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja / Journal de la Société Finno-Ougrienne 93, 2011. P. 37–84.
- Stolz et al. 2007 — T. Stolz, C. Stroh and A. Urdze. With(out): On the Markedness Relation between Comitatives/Instrumentals and Abessives // WORD: Journal of the International Linguistic Association 58(1–3), 2007. P. 63–122.

М. О. Черемисинова

НИУ ВШЭ, Москва

**КОМПАРАТИВНО-АТТЕНУАТИВНЫЙ
ПОКАЗАТЕЛЬ =*šək*
В КАЗЫМСКОМ ДИАЛЕКТЕ
ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА**

Настоящий доклад посвящен показателю Компаратива =*šək* в казымском диалекте хантыйского языка¹. Данный показатель обладает набором нетривиальных свойств: он не требуется для образования сравнительной конструкции, обладает аттенуативным значением, а также сочетается с отрицательным элементом *än*.

1. =*šək* в компаративной конструкции

В грамматиках хантыйского языка [Nikolaeva 1999: 21; Каксин 2007: 101] указывается, что показатель =*šək* опционально может участвовать в образовании сравнительной конструкции (в то время как остальные употребления показателя =*šək* авторами не рассматриваются). Наши данные подтверждают, что =*šək* не требуется для ее образования.

- (1) *lena-jen* *kat'a-jen* *kińša kārǎs*
Лена-POSS.2SG Катя-POSS.2SG чем высокий
‘Лена выше Кати’.

В компаративной конструкции =*šək* в сочетании с прилагательными имеет аттенуативное значение, указывая на небольшую разницу в параметре, по которому происходит сравнение. В част-

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Формальные подходы к информационной структуре: синтаксис, семантика, дискурс», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 году.

ности, в данном употреблении прилагательное с показателем =šək не может быть модифицировано наречием *wera* ‘очень’.

- (2) *lena-jen kat'a-jen kińsa kārəs=šək*
Лена-POSS.2SG Катя-POSS.2SG чем высокий=COMP
‘Лена чуть повыше Кати’.
- (3) *lena-jen kat'a-jen kińsa wera kārəs(*=šək)*
Лена-POSS.2SG Катя-POSS.2SG чем очень высокий=COMP
‘Лена сильно выше Кати’.

Однако при отсутствии стандарта сравнения показатель оказывается обязательным.

- (4) *χošəm=šək kurtka λəmt-a*
теплый=COMP куртка надеть-IMP[SG]
‘Надень куртку потеплее’.
- (5) *χošəm kurtka λəmt-a*
теплый куртка надеть-IMP[SG]
‘Надень теплую куртку’.

2. Компаративно-аттенуативная полисемия =šək

Вне компаративной конструкции показатель =šək в сочетании с прилагательными и наречиями имеет аттенуативное значение.

- (6) *tām wenš təŋχ-ti suχ-en jɪŋk-i*
этот лицо вытирать-NFIN.NPST ткань вода-PROP
pa ut wɪ-je
другой предмет взять-IMP.SG.SG
‘Это мокрое полотенце, возьми другое’.
- (7) *tām wenš təŋχ-ti suχ-en jɪŋk-i=šək*
этот лицо вытирать-NFIN.NPST ткань вода-PROP=COMP
pa ut wɪ-je
другой предмет взять-IMP.SG.SG
‘Это влажное (немного мокрое) полотенце, возьми другое’.

3. Сочетаемость с отрицательным элементом *ɔn*

Кроме того, показатель =šək сочетается с отрицанием *ɔn*. Как правило, =šək в сочетании с отрицательным элементом *ɔn* прив-

носит значение, сообщающее, что до вхождения в состояние осталось немного времени.

- (8) *lant jɨŋk χɨlna ʔnt kawər-əs*
 мука вода еще NEG кипеть-PST[3SG]
 ‘Суп еще не вскипел’.
- (9) *lant jɨŋk χɨlna ʔnt=šək kawər-əs*
 мука вода еще NEG=COMP кипеть-PST[3SG]
 ‘Суп еще немного не вскипел’. (Комм. «Еще немного, пять минут подожди».)

Однако при референции к плану будущего сочетание отрицания с показателем компаратива дает значение категорического отрицания: ‘ни за что’.

- (10) *ta ʔn=šək šiw mʔn-λ-ət*
 я NEG=COMP туда идти-NPST-1SG
 ‘Я ни за что туда не пойду’.

В данном докладе мы постараемся описать функционирование и семантику показателя =šək в казымском хантыйском, а также провести типологические параллели с похожими показателями в языках, родственных хантыйскому.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; COMP — компаратив; IMP — императив; NEG — отрицание; NFIN — нефинитная форма; NPST — не прошедшее время; POSS — посессив; PROP — проприетив; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Каксин 2007 — А. Д. Каксин. Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007.
- Nikolaeva 1999 — I. Nikolaeva. Ostyak. [Languages of the World]. München — Newcastle: LINCOM Europa, 1999.

Д. С. Шаварина

университет Восточной Финляндии, Йёнэсуу

ИМЕННАЯ ГРУППА В ЯЗЫКЕ АКЕБУ

В докладе будет описана структура именной группы в языке акебу (< ква < нигер-конго). Данные акебу также будут сопоставлены с данными других языков семьи ква.

Исследование выполнено на материале данных, собранных в экспедициях в деревню Джон префектуры Акебу в 2012, 2013, 2016 и 2019 годах (участники: А. Шлуинский, Н. Макеева, Н. Муравьев, П. Коваль и автор). Язык акебу распространен в Республике Того (Западная Африка), преимущественно в префектуре Акебу, и принадлежит группе кебу-анимере семьи ква (< нигер-конго). По данным, представленным в [Gblem-Poidi, Kantchoa 2012], акебу насчитывает 70300 носителей.

В [Aboh 2010: 11] представлена общая для языков ква схема порядка модификаторов внутри именной группы:

- (1) Noun — Adjective–Numeral — (relative clause) — Demonstrative — discourse specificity marker — plural marker

Одним из результатов настоящей работы стала подобная схема порядка слов в именной группе акебу, представленная в (2):

- (2) POSS {CL-N-QUAL-CL} DEM Q NUM REL

где POSS — именная группа посессора, выраженная либо именной группой с показателем посессивного отношения \acute{V} , либо посессивным местоимением, CL — показатель именного класса, N — вершинное имя, QUAL — лексема с качественной семантикой, Q — квантор, DEM — демонстратив, NUM — количественное числительное, REL — относительная клауза.

Фигурными скобками на схеме (2) выделены элементы, образующие непосредственно словоформу существительного. Мы пред-

ставляем на схеме, отражающей положение синтаксических элементов, морфологические, потому что эти элементы — качественные глаголы и прилагательные — модифицируют всю именную группу.

Мы выделяем классы модификаторов в соответствии с их линейным распределением. При этом элементы, встречающиеся в одной позиции, семантически гомогенны.

Пример (3) иллюстрирует максимальное количество одновременно употребленных модификаторов, встретившееся среди наших данных:

- (3) *lā-tāālè á-kǎláátíá-mōēēṭi-pā wé à-tā*
 3.PFV-думать РЭ-банан-спелый-РЭ DEM РЭ-три
nē-tī
 ПУ.INT.PFV-есть
 ‘Он подумал об этих трех спелых бананах, которые он съел’.

Порядок модификаторов именной группы акебу отличается от общего порядка для модификаторов ИГ ква в (1). Во-первых, прилагательное на схеме (1) не входит в состав словоформы, в то время как качественные лексемы акебу в атрибутивном употреблении всегда образуют с модифицируемым существительным единый комплекс, оформляющийся показателями именного класса. Числительное в ква, согласно (1), следует за демонстративом, однако в акебу порядок обратный. Относительные клаузы в акебу стоят после всех других модификаторов, в то время как на схеме Э. Або они находятся между числительным и демонстративом. В акебу также отсутствует автономный показатель множественного числа, так как множественное число выражается конверсией из сингулярного класса в плюральный.

Далее в докладе будут рассмотрены свойства составляющих именной группы акебу. Посессивная конструкция в акебу (4) маркируется посессивным местоимением или показателем *lV*, где *V* — это гласный, уподобляющийся первому гласному корня по правилам регрессивного сингармонизма, описанным в [Макеева 2016]:

- (4) *gǎṭō-pí-tǎ lá bǎólǎ-yà*
 девушка-ребенок-ṭЭ POSS мяч-ПУ
 ‘мяч дочери’

Квалитативные лексемы в атрибутивной функции в акебу составляют единую словоформу с вершиной именной группы:

- (5) *à-kɔ́láátíá-yòtòyòtò-pə*
РƏ-банан-зеленый-РƏ
'зеленые бананы'

Демонстративы (6), кванторы (7) и количественные числительные (8) занимают особые синтаксические позиции в именной группе.

- (6) *à-kɔ́láátíá-pə s̄á à-tā*
РƏ-банан-РƏ DEM РƏ-три
'эти три банана'
- (7) *né-tī kɔ́láátíá-yə kíkíí*
1SG.PFV-есть банан-ҮƏ весь
'Я съел весь банан'.
- (8) *à-sáá-yə à-kòtāŋ*
ҮƏ-стул-ҮƏ ҮƏ-шесть
'шесть стульев'

В акебу возможны и свободные (9), и связанные (10) относительные клаузы. Для кодирования релятивизации используются две стратегии — стратегия пробела (gap strategy) [Comrie, Kuteva 2013], при которой в относительной клаузе отсутствует релятивизуемое существительное или заменяющая его единица (например, относительное или резумптивное местоимение), а также стратегия резумптивного местоимения.

- (9) [*kə nā-pəyí* *ná-ŋpè-tī* *kəmámə*]
CONJ DŪ.INT.PFV-идти DŪ.INT-НАВ.FUT-есть после
'Кто ушел, будет есть потом'.
- (10) *sūtū-kɔ́láátíá-yə* [*ŋ-tē* *tə kpīlɔ-yə*]
желтизна-банан-ҮƏ DŪ.INT-быть на стол-DŪ
'желтый банан, который находится на столе'

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; CONJ — союз; DEM — демонстратив; FUT — будущее время; НАВ — хабитуалис; INT — интенсификатор; DŪ, РƏ, TƏ, ҮƏ — по-

казатели соответствующих именных классов; PFV — перфектив; POSS — именная группа посессора, посессивное местоимение; SG — единственное число.

Литература

- Макеева 2016 — Н. В. Макеева. Фонотактика языка акебу // Е. М. Девяткина Д. В. Маховиков, А. Б. Шлуинский (ред.). Проблемы языка. Сборник научных статей по материалам Четвертой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М.: Канцлер, 2016. С. 199–211.
- Aboh 2010 — E. O. Aboh. The Morphosyntax of the Noun Phrase // E. O. Aboh, J. Essegbey (eds.). Topics in Kwa Syntax. Dordrecht.: Springer, 2010. P. 11–37.
- Comrie, Kuteva 2013 — B. Comrie, T. Kuteva. Relativization on Subjects // M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). The World Atlas of Language Structures Online. Munich: Max Planck Digital Library, chapter 122. (wals.info/feature/122)
- Gblem-Poidi, Kantchoa 2012 — H. M. Gblem-Poidi, L. Kantchoa. Les langues du Togo: État de la recherche et perspectives. Paris: L'Harmattan, 2012.

Tom Bossuyt

Albert Ludwig University of Freiburg, Freiburg

CONCESSIVE CONDITIONALS FROM A TYPOLOGICAL PERSPECTIVE

This study is concerned with a type of adverbial subordinate clauses known as **concessive conditionals**. Three subtypes are usually distinguished; an English example for each is given in (1):

- (1) English
 - a. scalar concessive conditional (SCC)
[*Even if it rains*], *we will go outside*.
 - b. alternative concessive conditional (ACC)
[*Whether it rains or not*], *we will go outside*.
 - c. universal concessive conditional (UCC)
[*No matter what / Whatever the weather is like*], *we will go outside*.

As the name suggests, concessive conditionals share certain functional properties with both concessives and conditionals. Like prototypical conditionals, they consist of a protasis and an apodosis, but whereas the former have a single antecedent in their protasis ('if p , then q '), all concessive-conditional protases contain a set of antecedents: '**if** $\{p_1, p_2, p_3, \dots\}$, **then** q ' (cf. [Haspelmath, König 1998: 565f] and [Leuschner 2006: 19–23] for more details). Like proper concessives, concessive conditionals entail their consequent q against a background of incompatibility, i.e. the consequent holds under any condition expressed in the antecedent set, even though this set usually includes at least one unfavorable condition p_n for which one would expect that 'normally (if p_n , then not q)' (cf. [König 1986: 231–234], [Leuschner 2006: 23–28]).

Despite the above-mentioned functional commonalities, SCCs, ACCs, and UCCs are formally unidentical in most European lan-

guages. In other languages, however, they share not only functional, but also formal features. Turkish, for example, marks all concessive conditionals identically, viz. by adding the focus particle *da* ‘also/even’ to a conditional converb:

(2) Turkish [Menz 2016: 98]

a. SCC

[*Ara-sa-k* *da*] *bul-ama-yacağ-ız*
 [search-COND-1PL ADD] find-NEG-FUT-1PL
 ‘Even if we look for (her), we will not find (her)’.

b. ACC

[*Ara-sa-k* *da* *ara-ma-sa-k* *da*]
 [search-COND-1PL ADD search-NEG-COND-1PL ADD]
bul-ama-yacağ-ız.
 find-NEG-FUT-1PL
 ‘Whether we look for (her) or not, we will not find (her)’.

c. UCC

[*Ne kadar* *ara-sa-k* *da*] *bul-ama-yacağ-ız*
 [how much search-COND-1PL ADD] find-NEG-FUT-1PL
 ‘However much we look for (her), we will not find (her)’.

Cross-linguistic patterns in concessive conditionals were investigated by Haspelmath and König [Haspelmath, König 1998]. They argue that the parameter of **finite vs. nonfinite subordination** determines how languages encode concessive conditionals, with finite-subordinating languages marking all subtypes differently like English in (1) and nonfinite-subordinating languages having “triples” like Turkish in (2) [ibid.: 625]. However, the validity of this conclusion is limited in two ways. First and foremost, their systematic inquiries consider **only European languages**. Secondly, the parameter of finite vs. nonfinite subordination is somewhat problematic, because it seems to correlate with word order — with predominantly nonfinite subordination correlating with OV word order and finite subordination with VO word order [Haspelmath, König 1998: 625] — and possibly areal distribution. These may thus be relevant factors, too.

My main goal is to **test whether Haspelmath and König’s hypothesis also holds on a global scale**. In this talk, I will present the

preliminary results of an ongoing exploratory pilot study based on a small-scale sample of about 20 languages. In the first part of my talk I will present a taxonomy of the attested strategies used to encode concessive conditionals and explain the functional motivation(s) behind them. The second part will address the questions whether the above-mentioned hypothesis is globally valid and which other potentially relevant factors correlate with which marking strategies in concessive conditionals.

Abbreviations

IPL — first person plural; ADD — additive marker; COND — conditional marker; FUT — future tense; NEG — negation marker.

References

- Haspelmath, König 1998 — M. Haspelmath, E. König. Concessive conditionals in the languages of Europe // J. van der Auwera (ed.). *Adverbial Constructions in the Languages of Europe*. Berlin: de Gruyter, 1998. P. 563–641.
- König 1986 — E. König. Conditionals, concessive conditionals and concessives: Areas of contrast, overlap and neutralization // E. C. Traugott, A. ter Meulen, J. Snitzer Reilly and Ch. A. Ferguson (eds.). *On Conditionals*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 229–246.
- Leuschner 2006 — T. Leuschner. *Hypotaxis as Building-Site: The Emergence and Grammaticalization of Concessive Conditionals in English, German and Dutch*. Munich: Lincom, 2006.
- Menz 2016 — A. Menz. Concessive conditionals in Turkish // *Turkic Languages* 20, 2016. P. 90–103.

Ivan Kapitonov

TOWARDS A MEASUREMENT-THEORETIC TYPOLOGY OF GRADABLE ADJECTIVES

In this talk we present a novel degree-free cross-linguistic typology of gradable adjectives. It is based on scales of measurement theory and offers an alternative to the degree-based parametric proposal of [Beck et al. 2009]. We argue that our analysis brings empirical and conceptual advantages over the degree-based ones. Empirical advantages have to do with novel data that the previous analysis is hard to extend to, but our proposal accommodates naturally. Conceptual ones are those that are usually associated with delineation approaches to gradability: more economical ontological assumptions, transparently compositional semantics, and a natural (not stipulated) ordering of complexity classes.

The authors of the main current semantic typology of comparison constructions, [Beck et al. 2009], capture the cross-linguistic variation by offering several parameters, which form an implicational hierarchy that, in turn, produces an implicational hierarchy of constructions available in a language. More recently data started to emerge that misalign with their predictions. We present original field work data from Kunbarlang (non-Pama-Nyungan), which has Measure Phrase constructions (MP; *AB is 5cm long*), but not, e.g., Differential Comparatives (DiffC; *AB is 5cm longer than CD*), which are prerequisite for MPs in Beck et al.'s system. Likewise, [Deal, Hohaus 2019] report that Nez Perce (Sahaptian) has morphological phrasal comparatives, but none of the more “basic” constructions. We take these data as directly problematic for the implicational hierarchy, but also notice that both Kunbarlang and Nez Perce data highlight the need for more fine-grained distinctions. We also argue that these unexpected “gaps” should not be analyzed as accidents of lexicalization, since such treatment would render the original proposal unfalsifiable.

Measurement theory [Krantz et al. 1971] offers tools with which one can classify individual adjectives (rather than whole languages as in the parametric approach). Following [Sassoon 2010] and [van Rooij 2011], we focus on four kinds of scales relevant for comparison and gradability: nominal, ordinal, interval and ratio. These scales form a natural progression of increasing informativeness from nominal to ratio, so that each next one implies the preceding one [Stevens 1946].

Gradable adjectives are vague context-sensitive predicates on our account, in line with delineation analyses such as [Klein 1980]. They are associated with different ordering structures, i.e. kinds of measurement scales. Thus, this approach allows for individual treatment of each adjective, that is, it affords the level of granularity not only necessary for cross-linguistic comparison, but also admitting of language-internal variation between adjectives (e.g. positive and negative forms, predicates that allow for measure phrases in positive/comparative form, etc.; see e.g. [Sassoon 2010]).

Implicit (or conjoined) comparatives are the ones that employ nominal scales, which can only classify individuals into unordered classes (*John is tall, but Paul is short*). The comparative semantics arises via inference. “Degreeless” languages (such as Motu (Austronesian; [Beck et al. 2009]), Washo (Hokan; [Bochnak 2015]), or Kunbarlang) only have adjectives and constructions pertaining to nominal scales. Ordinal scales, which can express ordered relations, are expressive enough for the morphological comparatives (as in Nez Perce). Differential comparatives require that the adjective associate with an interval scale; ratio comparatives — with a ratio scale. In the talk we illustrate and elaborate on the proposed measurement-theoretic typology, as well as its relation to the degree-based one. In particular, we detail the empirical argument in favor of our proposal, and demonstrate the compositional formalization of the semantics of adjectives associated with different kinds of scales.

References

- Beck et al. 2009 — S. Beck, S. Krasikova, D. Fleischer, R. Gergel, S. Hofstetter, Ch. Savelsberg, J. Vanderelst and E. Villalta. Crosslinguistic varia-

- tion in comparison constructions // *Linguistic Variation Yearbook* 9, 2009. P. 1–66.
- Bochnak 2015 — M. R. Bochnak. The Degree Semantics Parameter and cross-linguistic variation // *Semantics and Pragmatics* 8(6), 2015. P. 1–48. doi.org/10.3765/sp.8.6.
- Deal, Hohaus 2019 — A. R. Deal, V. Hohaus. Vague predicates, crisp judgments // M. T. Espinal, E. Castroviejo, M. Leonetti, L. McNally and C. Real-Puigdollers (eds.). *Proceedings of Sinn und Bedeutung* 23, 2019. P. 347–364.
- Klein 1980 — E. Klein. A semantics for positive and comparative adjectives // *Linguistics and Philosophy* 4, 1980. P. 1–45.
- Krantz et al. 1971 — D. H. Krantz, R. D. Luce, P. Suppes and A. Tversky. *Foundations of Measurement. Vol. 1: Additive and Polynomial Representations*. New York & London: Academic Press, 1971.
- van Rooij 2011 — R. van Rooij. Measurement and interadjective comparisons // *Journal of Semantics* 28(3), 2011. P. 335–358.
- Sassoon 2010 — G. W. Sassoon. Measurement theory in linguistics // *Synthese* 174(1), 2010. P. 151–180. doi.org/10.1007/s11229-009-9687-5.
- Stevens 1946 — S. S. Stevens. On the theory of scales of measurement // *Science* 103(2684), 1946. P. 677–680.

Sergei Klimenko

ILS RAS — SPbSU, Saint Petersburg

A CORPUS STUDY OF *KASAMA* ‘COMPANION’ IN TAGALOG¹

Many Philippine languages have a verbal prefix reconstructed as the Proto-Malayo-Polynesian **maki-/paki-* ‘comitative’ [Liao 2011]. While well studied, Tagalog *maki-*verbs, strictly speaking, do not meet certain aspects of Arkhipov’s definition of comitative constructions [Arkhipov 2009: 224–225]. On the other hand, Tagalog also has another construction — with the noun *kasama* ‘companion’ — that arguably fits Arkhipov’s definition much better. This construction, however, has never been the focus of any study on Tagalog. Biclausal comitative constructions with *kasama* are briefly mentioned by Liao in her typological study on *maki-/paki-*verbs in Philippine languages [Liao 2011: 206]. Otherwise, there is literally no data on any constructions with *kasama* in the major descriptions of Tagalog [Schachter, Otanes 1972; Shkarban, Rachkov 2007; De Vos 2011; Malicsi 2013], and they are not included in another typological study on comitativity that has Tagalog in the sample [Stolz et al. 2007].

This study aims at a description of different types of constructions with *kasama* in Tagalog based on a random sample of 1,000 sentences from 146,811 tokens of *kasama* in the Tagalog (Filipino) Web 2019 (tlTenTen19) online corpus of over 230 million tokens at sketchengine.eu.

The sentences of the sample were classified into three major groups:

1. **Independent.** *Kasama* is the predicate of a clause where both its arguments can be overtly expressed. Used independently, *kasama* oc-

¹ This study was funded by the Russian Science Foundation (project no. 18-78-10058 “Grammatical periphery in the languages of the world: a typological study of caritives”).

curs in two distinct constructions: (1) someone or something (nominative) is together with something or someone (genitive), or (2) someone or something (nominative) is part of some activity or a group of referents (oblique):

- (1) *kasama=ko ang mga anak=ko...*
 companion=1SG.GEN NOM PL child=1SG.GEN
 ‘My children are with me...’
- (2) *kasama=sila sa mga panalangin...*
 companion=3PL.NOM OBL PL prayer
 ‘They are included in the prayers...’

2. **Attributive.** The *Kasama* clause modifies a substantive² that is not a participant of another clause, or the time frame of the *kasama*-predication is not included in the time frame of the main predicate [Himmelman, Schultze-Berndt 2006: 14]:

- (3) *si Pope Francis kasama ang*
 PRSN.SG.NOM companion NOM
ang matalik na kaibigan
 NOM intimate LK friend
 ‘Pope Francis with a close friend...’

3. **Clausal.** The *Kasama* clause modifies either a participant of another clause or the predicate of the latter, with its time frame included in the time frame of the main predicate:

- (4) *na-iwan=ako kasama si Roger...*
 MOD.PFV-leave[PV]=1SG.NOM companion PRSN.SG.NOM
 ‘I was left with Roger...’

² In Tagalog the functions associated in other languages with nominal phrases can be performed by a unit of any content lexical class. Substantives are referential phrases that consist of a verb, adjective, noun, etc. as the predicate of the substantivized clause introduced with a substantivizer, e.g. a case marker. Substantives can be, in principle, construed as headless relative clauses [Schachter, Otnes 1972: 150–153], but I opt against it due to the lack of evidence to support it.

The study describes a number of previously unstudied types of constructions and their properties found in different groups of *kasama*-constructions in the sample, including the following: the semantic distinction found in the independent use of *kasama* cuts across all constructions in the sample; animacy agreement in the accompaniment type of constructions (1); the use of genitive instead of nominative in attributive and clausal constructions; comitative, depictive, inclusory (not mentioned in [Reid 2009]), adverbial, and polyadic participant clausal constructions; the ability of both actor and undergoer in both nominative and non-nominative positions to control the *kasama*-clause; preponderance of absence of an attributivizer in the clausal use over the linkers *na* and *nang*, commonly known to introduce adverbial clauses in Tagalog [Schachter, Otones 1972: 544]. Regarding the latter property and the greater positional freedom in the sentence, *kasama*-clauses and a number of other previously unstudied adverbial clauses seem to behave similarly to some types of point-time, frequency, and manner adverbs, rather than to the better studied adverbial clauses without conjunctions, such as containing a negative predicate [Schachter, Otones 1972: 544]. The different types of adverbial clauses without conjunctions are not mentioned in the published literature, including reference studies on the syntax of Tagalog [Himmelmann 2005] or Philippine languages in general [Reid, Liao 2004].

Abbreviations

MOD — modal; PRSN — personal; PV — patient voice.

Sources

Tagalog Web 2019 (tITenTen19) online corpus (www.sketchengine.eu/tltenten-tagalog-corpus/)

References

Arkhipov 2009 — A. V. Arkhipov. Comitative as a cross-linguistically valid category // P. Epps, A. V. Arkhipov (eds.). *New Challenges in Typology: Transcending the Borders and Refining the Distinctions*. [Trends in Lin-

- guistics. Studies and Monographs 217]. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2009. P. 223–246.
- De Vos 2011 — F. De Vos. Essential Tagalog Grammar. Second Edition. A Reference for Learners of Tagalog. Brussels: author's edition, 2011.
- Himmelman 2005 — N. P. Himmelman. Tagalog // A. Adelaar, N. P. Himmelman (eds.). The Austronesian Languages of Asia and Madagascar, London and New York: Routledge, 2005. P. 350–376.
- Himmelman, Schultze-Berndt 2006 — N. P. Himmelman, E. F. Schultze-Berndt. Issues in the syntax and semantics of participant-oriented adjuncts: an introduction // N. P. Himmelman, E. Schultze-Berndt (eds.). Secondary Predication and Adverbial Modification. Oxford University Press, 2006. P. 1–68.
- Liao 2011 — H. Liao. On the development of comitative verbs in Philippine languages // Language and Linguistics 12(1), 2011. P. 205–237.
- Malicsi 2013 — J. C. Malicsi. Gramar ng Filipino. Quezon City: Sentro ng Wikang Filipino, 2013.
- Nagaya 2004 — N. Nagaya. Depictive construction and grammatical relations in Tagalog // Tokyo University Linguistic Papers 23, 2004. P. 119–150.
- Reid 2009 — L. A. Reid. Inclusive constructions and their development in Philippine languages // A. Adelaar, A. Pawley (eds.). Austronesian Historical Linguistics and Culture History: A Festschrift for Robert Blust. Pacific Linguistics, 2009. P. 267–294.
- Reid, Liao 2004 — L. A. Reid, H. Liao. A brief syntactic typology of Philippine languages // Language and Linguistics 5(2), 2004. P. 433–490.
- Schachter, Otnes 1972 — P. Schachter, F. T. Otnes. Tagalog Reference Grammar. Berkeley et al.: University of California Press, 1972.
- Shkarban, Rachkov 2007 — L. I. Shkarban, G. E. Rachkov. Reciprocal, sociative, and comitative constructions in Tagalog // V. P. Nedjalkov with the assistance of Emma Š. Geniušienė and Zlatka Guentchéva (eds.). Typology of Reciprocal Constructions. Amsterdam: Benjamins, 2007. P. 887–932.
- Stolz et al. 2007 — Th. Stolz, C. Stroh and A. Urdze. On Comitatives and Related Categories: A Typological Study with Special Focus on the Languages of Europe. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007.

Ilya Makarchuk

NRU HSE, Moscow

SOV IN RUSSIAN: A CORPUS STUDY

The Russian language has a so called free word order. Constraints on the SOV word order seem to be the most elusive. The following proposals have been made:

- SOV is a stylistic marker of a more colloquial speech [Sirotnina 1965/2003].
- Russian is in the process of changing word order from SVO to SOV [Slioussar 2009].
- Specificity of an object, or givenness, plays a role in Ukrainian, a close relative of Russian [Mykhaylyk 2011].
- SOV might be a trait of the discourse/dialogue mode (Benvenist's *plan de discours*) in opposition to the narrative mode (Benvenist's *plan de récit*) [Kozlov p. c.; Yanko 2001: 186 for SV vs. VS sentences].

We used corpus data to check the validity of these hypotheses. Our data source is Taiga, a corpus with automatic syntactic annotation. We sampled three subcorpora: news, social media, and subtitles for TV shows. The sample (875k clauses, 425k clauses with only nominal arguments) contains only the transitive clauses with only a subject and a direct object to exclude the effects of other possible arguments of a verb.

To gauge the effect of a grammatical feature, Cramer's V test was used. This test shows for a contingency table a coefficient representing strength of the correlation. When looking at particular words, Fisher exact test was used in a procedure not unlike Collostructional Analysis (cf. e. g. [Stefanowitsch 2013])¹.

¹ Contingency tables contain percentages rather than raw counts for legibility reasons only; the tests were, of course, computed on raw counts.

We found a correlation between word order and style: SOV is more frequent in informal texts.

Word order	News	Social media	Subtitles of TV shows
SOV	3.18%	18.01%	22.40%
SVO	96.82%	81.99%	77.60%
Cramer's $V^2 = 0.2757149$, $k = 2$			

Table 1. Word order and style

On the other hand, pronominal objects prefer SOV and nominal objects — SVO, which is especially true for first- and second-person pronouns.

	News	Social	Subtitles
1- or 2-person pronoun as an argument	7.26%	29.47%	67.99%
No 1- or 2-person pronouns as arguments	92.74%	70.53%	32.01%
Cramer's $V = 0.5651863$, $k = 2$			

Table 2. Style and personal pronouns

We claim that the effect of style could be explained by the frequency of (personal) pronouns. As shown above, genres with more dialogues show higher shares of 1- and 2-person pronouns: news are mostly narratives, subtitles are mostly dialogues and social media are in the middle. A dialogue is an exchange between two people, hence, a higher frequency of references to the speaker or the hearer, i. e. personal pronouns. Since Russian pronouns tend to be proclitic, they prefer preverbal position [Kholodilova 2013]. Thus, the more dialogical a text is, the bigger the percentage of SOV clauses.

Another interesting finding is that objects with determiners which denote “closeness” to a deictic centre and givenness like *ètot* ‘this’, *moj* ‘my’, *kakoj-to* ‘a, some kind’ prefer SOV. On the contrary, those which mark newness and objects away from the deictic centre do not prompt SOV.

² The following significance thresholds were chosen for Cramer's V , given $k = 2$: 0.1–0.3 for a small effect, 0.3–0.5 for a medium effect and ≥ 0.5 for a large effect (cf. [Mangiafico 2016]).

Determiner	Det. wrt. SOV/SVO		SVO wrt. Det.		p-value	Preferred
<i>ètot</i> ‘this’	12.94%	out of SOV	9.86%	with D	< 0.001	SOV
	1.32%	out of SVO	0.97%	w/o D		
<i>takoj</i> ‘such’	2.62%	out of SOV	4.82%	with D	< 0.001	SOV
	0.58%	out of SVO	1.08%	w/o D		
<i>moj</i> ‘my’	0.45%	out of SOV	2.23%	with D	0.003	SOV
	0.22%	out of SVO	1.10%	w/o D		
<i>tvoj</i> ‘your’	0.28%	out of SOV	3.77%	with D	0.001	SOV
	0.08%	out of SVO	1.10%	w/o D		
<i>kakoj-to</i> ‘a, some kind’	0.34%	out of SOV	2.82%	with D	0.001	SOV
	0.13%	out of SVO	1.10%	w/o D		
<i>tot</i> ‘that’	0.38%	out of SOV	1.58%	with D	0.117	None
	0.27%	out of SVO	1.10%	w/o D		
<i>ego/eë</i> ‘his/her’	0.58%	out of SOV	1.30%	with D	0.397	None
	0.49%	out of SVO	1.10%	w/o D		
<i>kakoj-nibud’</i> ‘any’	0.04%	out of SOV	3.70%	with D	0.120	None
	0.01%	out of SVO	1.10%	w/o D		
<i>kakoj-libo</i> ‘any’	0.00%	out of SOV	0.00%	with D	0.275	None
	0.04%	out of SVO	1.10%	w/o D		

Table 3. Determiners of the object

Givenness and phonetic properties of an object appear to be the defining factors. In our talk we will go through the evidence above as well as other parameters such as dependents of an object, quantifiers, topic- and focus-oriented particles and others. Nevertheless, as we show, no factor forms a grammatical rule, rather a tendency. Also, we will glance at a typology of SOV in SVO languages and provide a theoretical account of Russian SOV.

Sources

Taiga Corpus. An open-source corpus for machine learning (tatianashavrina.github.io/taiga_site/)

References

- Kholodilova 2013 — M. Kholodilova. Pozicionnye svoystva mestoimenij v russkom jazyke. MA Thesis. SPbSU, Saint-Petersburg, 2013.
- Mangiafico 2016 — S. S. Mangiafico. Summary and Analysis of Extension Program Evaluation in R, version 1.18.1. 2016. (rcompanion.org/handbook/)
- Mykhaylyk 2011 — R. Mykhaylyk. Middle Object Scrambling // *Journal of Slavic Linguistics* 19(2), 2011. P. 231–272.
- Sirotinina 1965/2003 — O. Sirotinina. Porjadok slov v russkom jazyke. Moscow: URSS, 1965/2003.
- Slioussar 2009 — N. Slioussar. Na styke teorij: Grammatika i informacionnaja struktura v russkom i drugix jazykax. Moscow: Kniznyj dom “Librokom”, 2009.
- Stefanowitsch 2013 — A. Stefanowitsch. Collostructional analysis // Th. Hoffmann, G. Trousdale (eds.). *The Oxford Handbook of Construction Grammar*. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 290–306.
- Yanko 2001 — T. Yanko. Kommunikativnye strategii russkoj reči. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2001.

Petr Rossyaykin, Anastasija Gruzdeva

MSU, Moscow

**EXISTENTIAL MODALS AND NEGATION
IN KARACHAY-BALKAR:
EVIDENCE FOR UNIVERSAL FUNCTIONAL HIERARCHY¹**

In his Karachay-Balkar (Turkic, Kipchak) grammar [Baskakov 1976] describes the following grammatical modal markers: “possibility form” *-al* and two analytical modals with epistemic meaning *bolur* and *bolluq*. Using data from the Malkar dialect of Karachay-Balkar we are going to account for the semantics of these markers and their scope with respect to each other and negation.

In his survey of Turkish TAM [Cinque 2001] has shown that the linear order of negative, temporal, aspectual and modal markers is rigid and always coincides with their scopal interpretation, thus providing evidence for a universal hierarchy of functional heads corresponding to grammatical markers. However, on the basis of data from multiple languages [Iatridou, Zeijlstra 2013] propose that, given their quantifier nature [Kratzer 1977], modals can undergo quantifier raising (QR) yielding different scopal effects with respect to negation. E.g. some modals are PPIs and thus have to move out of the scope of negation.

We argue that grammatical modal markers in Balkar are generated in different positions in clausal spine according to Cinque’s hierarchy of functional heads. A slightly different version of it (as proposed in [Puskás 2018]) is presented below:

- (1) $\text{ModP}_{\text{bouletic}} > \text{ModP}_{\text{epistemic}} > \text{TP}_{\text{past, future}} > \text{NegP} > \text{ModP}_{\text{ability}} > \text{ModP}_{\text{permission}}$

¹ Linguistic data was collected with the support of the grant 17-04-18036e provided by RFBR.

Adopting this hierarchy we can account for Balkar facts without positing any movements and inverse scope effects. First of all, suffix *-al* expresses ability (and possibly deontic and circumstantial modality) and cannot express epistemic modality (see example (3) with ability meaning being blocked by the meaning of lexical verb):

- (2) *ajiu it-ni zet-al-a-di*
 bear dog-ACC overtake-POS-IPFV-3SG
 ‘The bear can overtake the dog’.
- (3) ^{??}*ij ojul-al-a-di*
 house collapse-POS-IPFV-3SG
 ‘A/the house can collapse’.

Just as the hierarchy predicts, this suffix is below negation both in morphology and interpretation:

- (4) *ajiu it-ni zet-al-ma-j-di*
 bear dog-ACC overtake-POS-NEG-IPFV-3SG
 ‘The bear cannot overtake the dog’.

Future tense suffix *-r*, which as reported by [Baskakov 1976] can also have modal meaning, is adjoined to the stem after the negative morpheme *-ma* and is interpreted above negation. In compliance with the hierarchy this marker expresses epistemic (5–6) or bouletic modality:

- (5) *kerim kel-ir*
 Kerim come-FUT1
 1. ‘Kerim is likely to come’.
 2. ‘Kerim will come’.
- (6) *kerim kel-me-z*
 Kerim come-NEG-FUT1
 1. ‘Kerim is likely not to come’.
 2. ‘Kerim will not come’.

Both analytical markers (*bolur* and *bolluq*) express epistemic modality exclusively and outscope standard negation:

- (7) *ij ojul-ma-z-va bol-ur / bol-luq-du*
 house collapse-NEG-FUT1-INF be-FUT1 be-FUT2-3SG
 ‘It is possible that the house will not collapse’.

(5)–(7) seem to be consistent with both cartographic and PPI analyses of epistemic modals, since both of them predict the existence of modals which are always out of the scope of (standard) negation. However, *bolluq*, which is formed using nominalizing suffix *-lik*, is compatible with the marker of predicative negation *tüjül*. In (8) it appears within the scope of negation both syntactically and semantically and thus cannot be a PPI.

- (8) *üj ojul-ur-va bol-luq tüjül-di*
house collapse-FUT1-INF be-FUT2 NEG2-3SG
'The house can/will not collapse'.

All the data considered so far shows that Balkar modals are generated and interpreted in different positions provided by the universal hierarchy of functional heads. No independent evidence is available for QR-analysis of modals.

In our report we are going to elaborate on the semantics of each form mentioned and consider further examples justifying the predetermined hierarchy of modal heads. We will show that even challenging examples which seem to involve inverse or ambivalent scope, e.g. with causative morphology, can be accounted for without positing any movements or changes to the hierarchy.

Abbreviations

3SG — third person singular; ACC — accusative; FUT1 — first future; FUT2 — second future; INF — infinitive; IPFV — imperfective; NEG — standard negation; NEG2 — predicative negation; POS — possibility.

References

- Baskakov 1976 — Н. А. Баскаков и др. Грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1976.
- Cinque 2001 — G. Cinque. A note on mood, modality, tense and aspect affixes in Turkish // Eser Erguvanlı-Taylan (ed.). The Verb in Turkish. Amsterdam: Benjamins, 2001. P. 47–59.
- Iatridou, Zeijlstra 2013 — S. Iatridou, H. Zeijlstra. Negation, polarity and deontic modals // Linguistic Inquiry 44(4), 2013. P. 529–568.
[dx.doi.org/10.1162/LING_a_00138](https://doi.org/10.1162/LING_a_00138)

- Kratzer 1977 — A. Kratzer. What “must” and “can” must and can mean // *Linguistics and Philosophy* 1(3), 1977. P. 337–355.
[dx.doi.org/10.1007/BF00353453](https://doi.org/10.1007/BF00353453)
- Puskás 2018 — G. Puskás. To wish or not to wish: Modality and (metalinguistic) negation // *Glossa: A Journal of General Linguistics* 3(1): 125, 2018. P. 1–33. doi.org/10.5334/gjgl.412

Niklas Wiskandt

Heinrich Heine University of Düsseldorf, Düsseldorf

MIDDLE VOICE IN SCANDINAVIAN LANGUAGES? THE SUFFIX *-S(T)* AND ITS FUNCTIONS

Like the other Germanic languages, Scandinavian languages have an unmarked active voice and a periphrastic passive voice. But unlike their West Germanic relatives, both Mainland and Insular Scandinavian furthermore show morphological voice marking by the verbal suffix *-s(t)*. (1) illustrates the occurrence of the suffix on the example of Faroese. In this case it brings along an anticausative interpretation:

- (1) *dyrnar opna-ð-u-st knappliga*
door.DEF open-PST-PL-MID suddenly
'The door suddenly opened'.
(Faroese; cf. [Thráinsson et al. 2004: 278])

In the Swedish example in (2), on the other hand, the suffix has an antipassive function:

- (2) *nässlan bränn-s*
nettle.DEF burn-MID
'The nettle stings'.
(Swedish; cf. [Holmes, Hinchliffe 1994: 306])

Since the exact range of functions of the suffix differs from language to language, previous descriptions of the phenomenon have regularly limited themselves to analyzing it in only one or two languages at a time (e. g. [Anderson 1990; Enger, Nessel 1999; Ottósson 1992; Wood 2014], and the reference grammars [Allan et al. 1995; Holmes, Enger 2018; Holmes, Hinchliffe 1994; Thráinsson et al. 2004]). An integrative analysis investigating the use of *-s(t)* in the Scandinavian languages as a whole has not yet been provided, but is necessary in order to understand what is its exact function. This talk

aims to fill that gap. Its fundamental hypothesis is that $-s(t)$ is an instance of middle voice. I understand middle voice as a grammeme of the grammatical voice category, distinct from active and passive, that can usually have different interpretations within one language, which always involve reduction of the syntactic valency. My conception falls back mainly on [Kemmer 1993] and [Kaufmann 2004].

For each of the Scandinavian languages, I analyze the functions in which $-s(t)$ is used. Those functions include the reflexive, reciprocal, anticausative, modal, passive and antipassive uses. Among the passive ones I differentiate between those instances that denote a single event and those that do not denote a single event, but rather have an iterative, habitual, durative or generic interpretation. Deponent verbs that occur with $-s(t)$, but not in the unmarked active voice, are present in all Scandinavian languages. However, they do not constitute a function of their own, but can be explained by the lexicalization of occurrences of the aforementioned functions.

Figure 1 gives an overview of which functions of $-s(t)$ are found in which of the languages. A “+” signals that the respective function is present in a language, a “-” signals that it is not present, and a “(+)” signals that the function seems to be present only to a limited extent.

	Reflexive	Modal	Reciproc.	Anticaus.	Passive – sing. ev.	Passive + sing. ev.	Antipass.
Icelandic	(+)	+	+	+	-	-	-
Faroese	(+)	+	+	+	(+)	-	-
Danish	-	-	+	+	+	-	-
Norwegian	-	-	+	+	+	(+)	-
Swedish	-	-	+	+	+	(+)	+

Figure 1. Functions of $-s(t)$ in the Scandinavian languages

The findings about the different uses of *-s(t)* create a notable overall picture. The availability of the functions forms a continuum across the Scandinavian languages, which has two dimensions: In the functional dimension, it starts from the reflexive and proceeds via the modal, reciprocal, anticausative and passive functions to the antipassive. In the cross-linguistic dimension, it goes from Icelandic to Faroese to Danish, then to Norwegian and eventually to Swedish. Furthermore, I will show that the different functions covered by *-s(t)* share some important properties, namely reduction of the verb's valency, and low transitivity. They are compatible with the understanding of middle voice that underlies my work. It will, therefore, be justified to call *-s(t)* a middle voice suffix. After all, my talk renders the missing generalized account for *-s(t)* as a common phenomenon of Scandinavian languages. It is the first to explicitly denominate the overall function of *-s(t)*. The existence of the continuum of functions, which had not been described before, proves the necessity of considering *-s(t)* on a cross-linguistic level.

Abbreviations

DEF — definite; MID — middle voice; PL — plural; PST — past tense.

References

- Allan et al. 1995 — R. Allan, Ph. H. Holmes and T. Lundskaer-Nielsen. Danish: A Comprehensive Grammar. London: Routledge, 1995.
- Anderson 1990 — S. R. Anderson. The Grammar of Icelandic Verbs in *-st* // J. Maling, A. Zaenen (eds.). Modern Icelandic Syntax. San Diego: Academic Press, 1990. P. 235–273.
- Enger, Nettet 1999 — H.-O. Enger, T. Nettet. The value of cognitive grammar in typological studies: the case of Norwegian and Russian passive, middle and reflexive // Nordic Journal of Linguistics 22, 1999. P. 27–60.
- Holmes, Hinchliffe 1994 — Ph. Holmes, I. Hinchliffe. Swedish: A Comprehensive Grammar. London: Routledge, 1994.
- Holmes, Enger 2018 — Ph. Holmes, H.-O. Enger. Norwegian: A Comprehensive Grammar. Oxon: Routledge, 2018.

- Kaufmann 2004 — I. Kaufmann. *Medium und Reflexiv. Eine Studie zur Verbsemantik*. Tübingen: Niemeyer, 2004.
- Kemmer 1993 — S. Kemmer. *The Middle Voice*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1993.
- Ottósson 1992 — K. G. Ottósson. *The Icelandic Middle Voice. The Morphological and Phonological Development*. PhD Thesis. Lund University, Lund, 1992.
- Thráinsson et al. 2004 — H. Thráinsson, J. í L. Jacobsen, H. P. Petersen and Z. S. Hansen. *Faroese. An Overview and Reference Grammar*. Tórshavn: Føroya Fróðskaparfelag, 2004.
- Wood 2014 — J. Wood. Reflexive -st verbs in Icelandic // *Natural Language & Linguistic Theory* 32(4), 2014. P. 1387–1425.

Jingting Ye

Leipzig University, Leipzig

LEXICAL CATEGORIES AND CODING EFFICIENCY: A CROSS-LINGUISTIC CORPUS APPROACH

Background

Central to the entire discipline of linguistics is our understanding of part-of-speech systems, yet to date this issue has not been thoroughly puzzled out despite a huge number of attempts in the literature (e.g. [Ross 1972; Croft 1991, 2001, 2002; Baker, Croft 2017]). [Croft 1991] suggests that the prototypical correlation between lexical semantic and pragmatic function often results in the shortest form (as shown in Table 1).

Claim

This study tries to address this problem by resorting to the frequency-based predictability hypothesis, which predicts that the more frequent forms are more predictable and thus are often coded with less material [Zipf 1935; Haspelmath 2008; Haspelmath et al. 2014].

Data and Results

I have compared the relative frequencies of different functions of three lexical categories in 23 languages on the basis of the cross-linguistic corpus Universal Dependencies. The results suggest that the prototypical correlations are also the most frequent ones. For instance, as is shown in Figure 1, adjectives in most languages of my sample are most frequently used as modifiers.

Conclusions

This paper proposes a frequency-based approach to resolve problems surrounding the cross-linguistic universality of lexical categories,

which is supported by the cross-linguistic evidence from the Universal Dependencies Database.

	Object	Property	Action
Reference	vehicle	vehicle's	<i>be</i> a vehicle
Modification	whiteness	white	<i>be</i> white
Predication	destruction	destroying	destroy

Table 1. English examples of prototypical associations [Croft 1991]

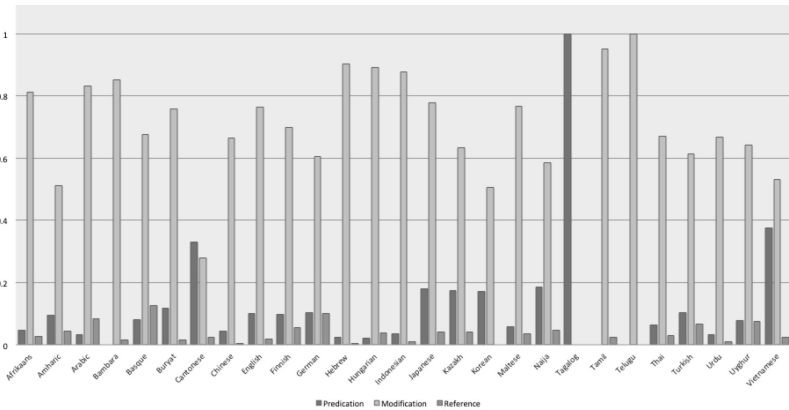

Figure 1. Frequency of adjectives used as different pragmatic functions

Sources

Universal Dependencies Database. (universaldependencies.org/)

References

Baker, Croft 2017 — M. Baker, W. Croft. Lexical categories: Legacy, lacuna, and opportunity for functionalists and formalists // Annual Review of Linguistics 3, 2017. P. 179–197.

Croft 1991 — W. Croft. Syntactic Categories and Grammatical Relations: The Cognitive Organization of Information. Chicago: University of Chicago Press, 1991.

- Croft 2001 — W. Croft. *Radical Construction Grammar: Syntactic Theory in Typological Perspective*. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Croft 2002 — W. Croft. *Typology and Universals*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Haspelmath 2008 — M. Haspelmath. Frequency vs. iconicity in explaining grammatical asymmetries // *Cognitive linguistics* 19(1), 2008. P. 1–33.
- Haspelmath et al. 2014. — M. Haspelmath. Coding causal-noncausal verb alternations: A form–frequency correspondence explanation // *Journal of Linguistics* 50(3), 2014. P. 587–625.
- Ross 1972 — J. R. Ross. The category squish: Endstation Hauptwort // *Chicago Linguistic Society*, Vol. 8, 1972. P. 316–328.
- Zipf 1935 — G. K. Zipf. *The Psycho-Biology of Language: An Introduction to Dynamic Philology*. Cambridge: Mass, MIT Press, 1935.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д. А. Аракелова (Москва)</i> Система неопределенных местоимений абазинского языка	3
<i>Т. А. Архангельский (Гамбург)</i> Действительно ли глаголы сложно заимствовать?.....	7
<i>Д. Д. Белова (Москва)</i> Медиопассивный суффикс <i>-alt</i> в горномарийском языке: структурно-событийный анализ.....	10
<i>А. О. Бузанов (Москва)</i> Рефлексивные местоимения и посессивно-рефлексивные аффиксы в быстринском диалекте эвенского языка	14
<i>О. С. Волков (Москва)</i> Инхоатив, перфект и ямитив: о семантике фазовой полярности ...	18
<i>В. А. Ганеева (Москва)</i> Способы выражения копредикативных комитативных значений в хантыйском языке	21
<i>Ф. В. Голосов (Москва)</i> Легкий глагол-деинкрементализатор: грамматикализация чувашского глагола <i>prak</i> ‘бросить’	25
<i>А. А. Данилова, Е. В. Кашкин (Москва)</i> Конвербы с нулевым показателем в горномарийском языке	29
<i>Е. В. Деликанова, Т. Е. Фейгина (Москва)</i> Об эллипсисе вершины в посессивных ИГ в балкарском языке....	33
<i>Ю. М. Дёмина (Москва)</i> <i>Attractio inversa</i> в горномарийском языке	37

<i>В. В. Дьячков (Москва)</i> Синтаксис комитативных конструкций и архитектура клаузы в языке натиро.....	41
<i>К. А. Журавлёва (Владивосток)</i> Сравнительные и сопоставительные союзные конструкции в летописном тексте XII в. (на примере «Повести временных лет»).....	44
<i>Ю. О. Завадская (Санкт-Петербург)</i> Случайность или закономерность? Частотность как возможная причина появления грамматических речевых сбоев в спонтанной речи	47
<i>Д. М. Зеленский (Москва)</i> Двойной набор признаков для моделирования референциального сдвига	50
<i>А. Г. Клезович (Москва)</i> Фонемные конфигурации рук в русском жестовом языке	53
<i>К. С. Клименок (Санкт-Петербург)</i> Предложное кодирование цели при глаголах движения <i>shkoj</i> и <i>vij</i> в албанском языке	57
<i>Е. Л. Клячко (Москва)</i> Функции рефлексивного местоимения в эвенкийском языке	61
<i>Е. В. Коровина (Москва)</i> Колексификации в базисной лексике языков региона Новой Гвинеи	65
<i>Н. Н. Логвинова (Санкт-Петербург)</i> Приименные клаузальные конструкции с причастиями на <i>-agan/-egen</i> и <i>-nə/-në</i> в малокарачкинском говоре чувашского языка	68
<i>А. А. Мельник (Москва)</i> Суффикс <i>-as-</i> в казымском диалекте хантыйского языка	72

<i>С. К. Михайлов (Москва)</i> Два контекста конкуренции двух северохантыйских показателей посессивности	75
<i>Д. И. Мотора (Москва)</i> Хантыйское <i>kašəŋ</i> : неопределенное местоимение с семантикой свободного выбора или универсальное кванторное слово.....	79
<i>Н. А. Муравьев (Москва)</i> Зачем продвигать в субъектную позицию периферийного участника: пассив движения в казымском диалекте хантыйского языка.....	83
<i>Т. А. Мухин (Москва)</i> Аддитивная и сочинительная клитики в рутульском языке.....	86
<i>П. Л. Наследскова (Москва)</i> Источники грамматикализации отыменных послелогов в нахско-дагестанских языках	90
<i>А. Д. Ногина, Т. Б. Казакова (Москва)</i> Пространственные падежи в быстринском диалекте эвенского языка	92
<i>С. А. Оскольская, М. Л. Федотов (Санкт-Петербург)</i> Каритив как сравнительное понятие: наброски к определению	96
<i>Д. О. Петелин (Москва)</i> Система темпоральных выражений в горномарийском языке.....	99
<i>В. А. Позднякова (Москва)</i> Система именных классов и классное согласование в языке гиньянга	103
<i>В. К. Попова (Москва)</i> Взаимодействие показателей имперфектива и результата в быстринском говоре эвенского языка.....	107
<i>М. В. Попова (Москва)</i> Комитативные показатели <i>-nin</i> , <i>-g(V)li</i> , <i>-čil</i> , <i>-j(V)</i> и ассоциативная множественность в эвенском языке.....	110

<i>Е. А. Ренковская (Москва)</i> Неодушевленные указательные местоимения в языке куллуи ...	113
<i>А. А. Русских (Москва)</i> Числительные со значением полного охвата в типологической перспективе.....	117
<i>Е. А. Рыжкова (Москва)</i> Грамматикализация сложногоглагольных конструкций в малокарачкнском диалекте чувашского языка. Семантика сочетаний с глаголом <i>ук</i> ‘падать’	121
<i>А. Н. Сидорова (Москва)</i> Вопросительные предложения в чукотском языке (говор с. Амгуэма).....	127
<i>М. А. Сидорова (Москва)</i> Аппроксимативные количественные конструкции в татышлинском говоре удмуртского языка	131
<i>Ю. В. Сеницына (Москва)</i> Морфосинтаксис и семантика горномарийского компаративного суффикса <i>-rak</i>	135
<i>М. В. Скачедубова (Москва)</i> К вопросу о грамматическом статусе <i>л</i> -формы и ее дискурсивных свойствах в древнерусском нарративе	139
<i>А. А. Смирнова (Москва)</i> Непосессивные интерпретации посессивных показателей на прямом объекте в северном хантыйском (корпусное исследование)	142
<i>А. М. Старченко (Москва)</i> В поисках антипассива в амгуэмском говоре чукотского языка....	146
<i>Р. В. Тарасов (Москва)</i> К построению типологии тропатива.....	150
<i>И. А. Хомченкова (Москва),</i> <i>М. Л. Федотов (Санкт-Петербург)</i> Выражение каритивной семантики в горномарийском и чувашском языках	154

<i>М. О. Черемисинова (Москва)</i> Компаративно-аттенуативный показатель =šək в казымском диалекте хантыйского языка.....	159
<i>Д. С. Шаварина (Йоэнсуу)</i> Именная группа в языке акебу	162
<i>Tom Bossuyt (Freiburg)</i> Concessive conditionals from a typological perspective.....	166
<i>Ivan Kapitonov</i> Towards a measurement-theoretic typology of gradable adjectives	169
<i>Sergei Klimenko (Saint Petersburg)</i> A corpus study of <i>kasama</i> ‘companion’ in Tagalog.....	172
<i>Ilya Makarchuk (Moscow)</i> SOV In Russian: a corpus study	176
<i>Petr Rosseyaykin, Anastasija Gruzdeva (Moscow)</i> Existential modals and negation in Karachay-Balkar: evidence for universal functional hierarchy	180
<i>Niklas Wiskandt (Düsseldorf)</i> Middle voice in Scandinavian languages? The suffix <i>-s(t)</i> and its functions.....	184
<i>Jingting Ye (Leipzig)</i> Lexical categories and coding efficiency: a cross-linguistic corpus approach.....	188

Научное издание

ШЕСТНАДЦАТАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ТИПОЛОГИИ И
ГРАММАТИКЕ ДЛЯ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Тезисы докладов
Санкт-Петербург, 21–23 ноября 2019 г.

Подписано в печать 01.11.19. Формат 60×84/16

Бумага офсетная. Печать цифровая

Усл.-печ. л. 11,16

Тираж 100 экз. Заказ № 1170

Отпечатано в типографии «Поликона»

190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 199